

200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ

ВЛАДИМИР
БУШИН
ИУДЫ И ПРОСТАКИ

**200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ**

**ВЛАДИМИР
БУШИН**
ИУДЫ И ПРОСТАКИ

Москва
алгоритм
2009

УДК 84(47+57)
ББК 66.3(2)615-4
Б 94

Оформление художника *Б. Протопопова*

Бушин В. С.
Б 94 Иуды и простак / Владимир Бушин. — М. : Алгоритм, 2009. — 272 с. — (Двести лет вместе).

ISBN 978-5-9265-0678-2

Очередная книга В. Бушина, написанная с присущей автору блестящей иронией, посвящена творческой «элите» России при президентах Ельцине и Путине. Причем, по мнению автора, во многом эта «элита» состоит из людей, занимающих четко выраженные русофобские позиции (В. Бушин называет их «иудами»). Заняв господствующие позиции на телевидении и в других средствах массовой информации, «иуды» манипулируют простакми, которые принимают на веру их лживые измышления.

В книге В. Бушин приводит конкретные примеры клеветы на русское и советское прошлое нашей страны, называя при этом всем знакомые имена Л. Млечина, А. Минкина, Э. Радзинского и других «властителей дум» современной России.

**УДК 84(47+57)
ББК 66.3(2)615-4**

ISBN 978-5-9265-0678-2

**© Бушин В. С., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009**

КТО КОГО АССИМИЛИРОВАЛ?

Известный писатель и журналист Исраэль Шамир, советский еврей, живущий в Израиле, уже давно и довольно часто выступает в нашей оппозиционной печати с интересными публикациями, в которых многое нельзя не приветствовать, но кое-что весьма озадачивает. Такова, например, его статья «Пока горел Ирак» в «Завтра», № 22. В ней автор решительно и смело обличает сионистов не только своего Израиля, но и «сионистов из Пентагона», называя их по именам: Перл, Волфовитц, Фейт и другие. Он констатирует: «Евреи стали основным элементом американской элиты, заняли командные высоты в идеологическом аппарате — в СМИ и университетах...» Подкрепляет это их же словами: «Еврейский обозреватель Филлип Вайс восторженно пишет в «Нью-Йорк обсервер»: «Мы изменили Америку, мы сделали ее такой, какой она стала»».

Да, именно так: «сейчас впервые в Америке евреи оказались у власти». Автор мог бы добавить, «как и в России». Вместо этого, обращаясь к «читателям сайта 7.40», т.е. к русским евреям, автор предупреждает их: «Американским евреям и израильскому руководству нужна поддержка на местах, в частности, в России. Поэтому они несомненно постараются повлиять на вас, а через вас — на других россиян... Они хотят превратить вас в пятую колонну израильско-американского империализма». Предупреждение правильное, но, увы, запоздавшее.

И. Шамир с негодованием рассказывает, как недавно в израильской газете «Гаарец» «ведущие еврейские идеологи Америки, так называемый «круг Волфовитца», т.е. 25—30 еврейских интеллектуалов с гордостью признались, что это они привели Америку к вторжению в Ирак и готовят вторже-

ние в Иран, Сирию, Саудовскую Аравию... А следующим шагом, по их мнению, должна быть война с Китаем. В промежутке — окончательное покорение России». И уже от себя автор прямо заявляет: «Войну в Ираке затеяли американские еврейсионисты; они сочли, что после войны Израиль станет могущественной державой, восстановив легендарную империю Соломона».

Вспоминая недавнее прошлое, Шамир отмечает, что ведь нам «говорили о Хазарии, о еврейских советниках во франкистской Испании, о еврейских чекистах, но мы отмахивались от «антисемитских» речей. А напрасно!». И объясняет, почему напрасно. А потому, что «еврейский народ традиционно играл роль компрадоров». И не зря прозорливые люди предсказывали: «Евреи у власти неизбежно ведут к жестокому рабству, массовым убийствам, завоевательным войнам, социальному расслоению».

Автор не останавливается и перед тем, чтобы сказать: «А что думают в Израиле? В Израиле думают редко. У нас нет ни мыслителей, ни стратегов, ни крупных государственных деятелей. Государственное устройство просто: страной правят генералы, а к власти приходит генерал, получивший больше денег от американских евреев. Нет в Израиле интеллектуальных сил, способных управлять Ближним Востоком («империей Соломона»). Страна находится в кошмарном положении, а экономика — в состоянии свободного падения». Думается, все это автор писал со знанием дела.

Но тут же мы видим и немалые странности. С одной стороны, автор признает, что население Израиля это «послушно-агрессивное большинство», с другой стороны, указывает на такую возможность: «Мы (евреи) не обязаны быть «евреями», — т.е., как я понимаю, принадлежать к «послушно-агрессивному большинству». Тут Шамир почему-то ссылается на пример Пушкина, который-де был «на четверть эфиопом», но стал же не эфиопом, а великим русским поэтом. Ну, положим не на четверть, а лишь на 1/8, но действительно принадлежал к абсолютному миролюбивому большинству русского

народа, более того, был и остался самым полным выражением его духовной сути. Хотя порой и любил посудачить о своем происхождении и однажды довел себя такими разговорами до такого экстаза, что у него вырвалось: я, мол,

Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте...

То-то дикая простота была в Царскосельском лицее...

Заявив сперва о возможности, о желании не быть «евреями», Шамир дальше говорит об этом уже как о данности, живой реальности: «Мы перестали быть евреями». Это почему же? И кто именно? А потому, что «еврейская культура давно утеряна, равно как и язык, и кухня. Говорящих на идиш, поедających фаршированную щуку религиозных евреев не так много, а евреев по культуре и того меньше». Ну, это все ему виднее. Допустим, еврейская культура действительно «утеряна», но зато в России обретен Жириновский, вопящий и в Госдуме и по телевидению: «Евреи — самый талантливый народ в мире!» Поверим, что фаршированная щука уже почти исчезла из рациона евреев, но появился Немцов, призывающий ликвидировать коммунистов, среди которых 85% — русские. Пусть на идиш уже мало кто говорит, но есть Жванецкий, которому лучше бы говорить именно и только на идиш.

И потом, мы ведь тут же читаем: «Основа еврейства — это пропасть между евреем и гоем. Традиционный еврей воспитывался в духе ненависти к нееврею, о чем писал и Спиноза, и другие вырвавшиеся из еврейства отступники». Так вот, не являются ли названные товарищи традиционными евреями? Во всяком случае, между мной, например, и этими тремя — пропасть.

Дальше мы узнаем, что по «еврейскому закону» еврею запрещалось «делать подарки гою, есть с ним за одним столом, запрещалось даже спасти гибнущего гою». И вот все это ушло в прошлое? Да! Да! Да! «Наши деды ушли из этого мира, и нам туда возвращаться не с руки». Прекрасно! Только не совсем

понятно, от лица кого говорит Исраэль — всех евреев мира, или только израильских, или русских.

И тут Шамир для подтверждения этой благодати дает два примера. Несколько лет назад в Китае американцы искали евреев, чтобы создать из них пятую колонну. Нашли какой-то город, где в XVIII веке была еврейская община. Но получили там ответ: «Да, наши деды были евреями, но мы — китайцы!»

Автор уверяет: «Нечто похожее произошло и в России, хотя мы не всегда отдаем себе в этом отчет». И приводит второй пример: «Русские евреи в Израиле по-прежнему едят гречневую кашу, пьют водку, поют русские песни, а по воскресеньям украдкой ходят в православную церковь... Пора признать: русские победили: им удалось ассимилировать русских евреев».

Тут — большое недоумение. Во-первых, один пример китайский, другой — израильский. При чем же здесь Россия и русские евреи? В Китае реформы проводили китайцы под руководством китайцев, а в России — евреи за спиной русских. Во-вторых, напомним еще раз, ведь автор говорил, что основа еврейства — пропасть между евреем и неевреем. Не та пропасть, на одном краю которой едят гречневую кашу, а на другом — фаршированную фиш, а та, над которой витает «дух еврейской ненависти» к гоям и где даже полуевреев «не венчают, не берут на работу и хоронят за забором кладбища». Именно так, сообщает автор, обстоит дело в нынешнем Израиле. Где же в таком случае евреи перестали быть евреями?

В-третьих, кого же это нам, русским, не отдавая себе в этом отчет, удалось ассимилировать? Уже названных Жириновского, Немцова и Жванецкого? Едва ли. А может, Березовского? Но кому из «гоев» вопреки «еврейскому закону» он сделал подарок? Дал три миллиона Елене Боннэр, но разве она выписалась из евреев? С кем из русских наперекор Талмуду ел за одним столом хотя бы и щуку? Разве что с одним Александром Прохановым. Этого достаточно? Неужели вы не помните, дорогой Исраэль, как Березовский громогласно заявил в Думе: «У каждого еврея два сердца. Одно принадлежит стра-

не, где он живет, второе — Израилю!» Тут, в России, мы искали его сердце и не нашли. Поищите в Израиле.

Или мы ассимилировали Чубайса? Да ведь он не только не спасает гибнущего «гоя», но сознательно, обдуманно убивает его. Может, мы ассимилировали Швыдкого или Сванидзе, Познера или Шустера? Не обстоит ли дело несколько иначе: может, «традиционные евреи» ассимилировали сперва Горбачева, а потом и Ельцина с Путиным (о Медведеве и речи нет)? По-моему, это гораздо правдоподобней.

* * *

Интересным дополнением к рассмотренной статье И. Шамира, провозгласившей ассимиляцию русскими евреев, явилась его же статья «Пароход современности» в газете «День литературы» №73. Суть ее такова. Александр Павлов (кто это, я не знаю, а в статье не объясняется) выступил где-то (видимо, в том же «Дне литературы», но и об этом не сказано) с резкой критикой Иосифа Бродского и его поэзии: по заимствованному выражению, «решил спихнуть поэта с парохода современности». Поводом послужило чье-то намерение поставить в Ленинграде памятник покойнику.

Вообще-то говоря, к поэзии Бродского, естественно, относятся по-разному. Так, ленинградский поэт Олег Бородин признается:

Мне Бродский совершенно не противен,
Я Бродского читаю и читал.

А вспомним статьи о нем столь разных писателей, как Василий Аксенов и Эдуард Лимонов, которые оба созерцали его в Америке. Первый писал в «Литературной газете», что Бродский — «вполне середняковский писатель, которому повезло оказаться, как говорят американцы, «в нужное время в нужном месте». В краю не столь отдаленном (имеется в виду высылка на несколько месяцев из Ленинграда в Архангельскую

деревню по хрущевскому постановлению о «тунеядцах». — В.Б.) он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтика расторопностью укрепляет и распространяет этот миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других нужных времен и мест, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, чем они являются, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика... Редко кто, взявшись за чтение монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов, дочитывает его до конца. Со свеженькой темой о бренности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему «лауреатству»... К Нобелевской премии в 1987 году».

Лимонов в статье «Поэт-бухгалтер», написанной тоже еще при жизни Бродского и озаглавленной так вовсе не потому, что мать поэта работала бухгалтером, утверждал: «Как и Солженицын, Бродский — еще одна Большая Берта русской литературы... Его стихотворения все больше напоминают каталоги вещей... Почти все они написаны по одному методу: недвижимый философствующий автор обозревает вокруг себя панораму вещей... Метод сравнения употребляется им бесчисленное количество раз. Назвал предмет — и сравнил, назвал — и сравнил. Несколько страниц сравнений — и стихотворение готово...

Поэт малоподвижен. Ему не хватает темперамента. Во всех стихах его автор-герой пребывает в состоянии меланхолии. Никогда — в состоянии восторга. Взрывов у него нет. Человек он невеселый. Классицист. Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира. Перышки ястреба...

В устах почти рафинированного интеллигента, *man of letters*, каковым Бродский хочет быть (и, очевидно, на 75% является), ругательства, попытки ввести выражения низшего штиля типа «ставил раком» звучат пошло и вульгарно.

Бог, которого Бродский так часто поминает, не дал ему дара любовной лирики, он груб, когда пытается быть интимным.

Стихи Бродского предназначены для того, чтобы по ним защищали докторские диссертации конформисты.

Иосиф Александрович Бродский получит премию имени изобретателя динамита.

С сегодняшними русскими поэт, кажется, поладил. Но еще неизвестно, каким найдут Бродского сзади идущие поколения...»

А вот что, как недавно обнаружилось, думал о Бродском уж вовсе непохожий на упомянутых выше писателей наш выдающийся композитор Георгий Свиридов: «У Бродского нет совсем свежести. Все залапанное, затроганное чужими руками. Комиссионный магазин... «Качественные», но ношенные вещи. Ношеное белье, украшения с запахом чужой плоти, чужого тела, чужого пота. Нечистота во всем. Нет свежей женщины, свежего плода, яблока, свежей ягоды. Что-то нечистое, уже бывшее в употреблении — всегда! Нет никакой свежести в языке, и это даже не язык, а всегда жаргон — местечковый, околонуточный, дачный».

При всей разности процитированных авторов нельзя не видеть, как много в их суждениях общего. И уж это ли не гораздо более ранние попытки «сбросить с парохода современности»?

Может быть, и не зная эти статьи, Шамир, конечно же, спорит и с ними, в частности по вопросу идущего сзади поколения пишет: «Стихи Бродского остаются в золотом фонде русской поэзии... Где бы не легли его кости, наши дети будут повторять: «На Васильевский остров я приду умирать...»»

Но ведь известно, что не пришел, а умер в США, и кости его легли далековато от России. Так что «почва и судьба» не подтвердили поэзию. И хотя бы уже только поэтому, думается, у наших детей несколько больше оснований повторять строки поэта, которые не разошлись с судьбой:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,

Все ж ближе к отчему пределу
И мне б хотелось почивать...

Или:

Я хотел бы
жить и умереть
в Париже,
если б не было земли такой —
Москва.

В Москве, в Лубянском проезде и умер...
А Есенин?

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь...

И повесился, да именно возле окна.
Наконец, Рубцов писал:

Я умру в крещенские морозы...

И умер 19 января, да, в те самые морозы.

И. Шамир пишет, что статья А. Павлова напомнила ему «злобные окрики». В то же время, говорит, «доводы Павлова отменно слабы и рассыпаются, как карточный домик, от первого толчка». Посмотрим...

Автор избрал очень странный способ опровержения этих «слабых доводов». Вернее, он их и не опровергает, не доказывает, что они ошибочны или недобросовестны. Совсем напротив, признает, что Бродский действительно совершил те или иные неблагоприятные поступки, написал или сказал что-то предосудительное или сомнительное, но, говорит, ведь нечто подобное или даже что-то похуже было в жизни и других писателей, и каких!

Вот так да... До сих пор было принято считать, что если один человек совершил какое-то непотребство, а другой повторил его, то оба они заслуживают осуждения. Ничего подобного! — заявляет И.Шамир. Он из такого совпадения, повтора делает вывод о полной беспорочности обоих, добавляя при этом: «С поэтами нужно обращаться бережно и позволять им говорить и делать глупости». Ну, конечно, еще тот же Пушкин говаривал: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Но ведь нельзя же, как иные авторы, понимать это буквально, тем более — злоупотреблять этим.

И вот мы читаем: «Критика смущает американское гражданство Бродского». И первый толчок Шамира по «карточному домику» таков: «Напомним забывчивому зоилу, что американский паспорт был и у блистательного Владимира Набокова». Мы ответим: ну и что? При чем здесь Набоков, хотя бы и блистательный? Он что, все, к чему прикасался, обращал в золото? Напомним забывчивому пиндару, что Набоков уехал из России, когда ему еще не было двадцати лет, и случилось это в жестокую пору Гражданской войны, установления новой власти, и юный поэт по своему княжескому роду и положению семьи в царское время мог ожидать некоторых досадных неприятностей от советской власти. И прожил он в США двадцать лет — как тут без паспорта? А Бродский уехал с израильской визой в США, когда ему шел уже четвертый десяток, в спокойное, мирное время. Ну, правда, до этого побыл он год или полтора в ссылке. Эка беда для русского писателя! Новикова матушка Екатерина заточила на четыре года в Шлиссельбургскую крепость; Радищева та же августейшая благодетельница уpekла на семь лет в Сибирь, а вернувшись, уже при Александре Благословенном, опасаясь от нового царя новых милостей, писатель покончил с собой; Пушкину этот же Благословенный подарил пять лет ссылки в широком по-царски диапазоне от Кишинева и Одессы до Михайловского; а его братец послал Лермонтова под чеченские пули; Достоевский изведal страшную инсценировку смертной казни, а потом — четыре года каторги в Омском остроге да несколько

лет солдатчины; Короленко провел шесть лет в тюрьмах и на поселениях; Горький и в ссылке жил под негласным надзором, и в Петропавловской крепости посидел; Маяковский на всю жизнь запомнил 103-ю камеру в Бутырках... И ведь это далеко не полный перечень. Но никто из них не эмигрировал, не сбежал, не принял другое гражданство. Из советского времени достаточно вспомнить одного Пастернака, который за передачу в иностранное издательство романа «Доктор Живаго», ставшего знаменем антисоветчины, готов был нести любые кары, но умолял Хрущева об одном: не высылать его за границу. А тут годик-полтора то ли ссылки, то ли высылки, и тотчас вопль: «Дайте мне израильскую визу!» И с этой визой мимо любимой прародины — в США...

С другой стороны, в XX веке многие русские писатели побывали в Америке, но никто не попросил там гражданства. Даже Солженицын. Этот ограничился страстными призывами к американцам решительно вмешиваться в дела его родины, что они, к его удовольствию, и делали с большим увлечением и эффектом.

Всем русским писателям, побывавшим в Америке, многое там шибко не понравилось, они об этом написали и оставили потомкам для науки: Короленко — «Без языка», Горький — «Город желтого дьявола», Бунин — «Господин из Сан-Франциско», Есенин — «Железный Миргород», Маяковский — «Мое открытие Америки», Ильф и Петров — «Одноэтажная Америка»... И так вплоть до Григория Бакланова с его «Темпом вечной погони».

Есть у Бродского что поставить в этот ряд? Нет, он там жил и благоденствовал, витая между персонажами греко-римской мифологии. Правда, теперь вот еще Евгений Евтушенко, по квалификации газеты «МКбульвар», «поэт-солнце», сбежал от кошмара «возрождения России» в Оклахому (это вроде как российские Тетюши), построил там дом с трубой, приобрел две машины с мигалками (одна машина экономно работает на дровах) и завел козу. В свободное от добывания дров и от ухода за козой время (ведь приходится и доить самому, Маше с четырьмя детьми некогда) продолжает сочинять стихи:

Пусть мы продажные, пусть мы бездарные,
Но все равно — мы легендарные!

Еще бы! Начать жизнь в Москве, прославленной им как столица мира, и в возрасте старше короля Лира оказаться в степной Оклахоме...

Однако послушаем странную речь-опровержение дальше: «Бродский призывал бороться с советской оккупацией Афганистана? Но это же делал Солженицын, тоже живший тогда в Штатах». Во-первых, это была никакая не оккупация, а военная помощь дружественному правительству соседней страны по его настойчивой просьбе. Оккупанты не строят школы, больницы, дороги, как строила наша 58-я армия. Оккупанты отхватывают чужую территорию. А что отхватили мы? Если вы, любезный Шамир, забыли, что такое настоящая оккупация, то можем напомнить: США оттяпали половину Мексики; гитлеровская Германия пыталась захватить землю вашей первой родины и два-три года удерживала некоторые районы, грабила их, вывозила даже чернозем, истребляла население; ваша вторая родина захватила палестинские территории, Иерусалим, и из-за этого уже много лет не переставая льется поток арабской и еврейской крови. А вот и свежайший примерчик: США, Англия и Польша оккупировали Ирак и тоже грабят его.

Кстати, о Польше: неужели там никто не помнит, чем обернулось для поляков участие вместе с Гитлером в растерзании Чехословакии, за что Черчилль назвал их страну гиеной?

Ну, а Солженицын делал не только «это» — вопил об оккупации Афганистана, а еще много чего делал. Восхвалял генерала Власова, глумился над Зоей Космодемьянской, мечтал, чтобы Трумэн бросил на нас атомную бомбу, клеветал на Красную Армию, врал о том, как он воевал, верстами сочинял деревянные стихи, приводившие Твардовского в ужас и, может быть, сократившие его век, и т.д. И с этим поэтом «нужно обращаться бережно»? И ему «нужно позволить говорить и де-

лать глупости», пахнувшие кровью? И этой фигурой вы хотите заслонить от критики своего кумира?

Дальше: «Бродский отрекся от славного звания «русского интеллигента»? Но еще резче выражался Печерин!» Помним, помним этого любителя выражаться:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ожидать ее уничтоженья.

Только этим и памятен. Если вам непонятно, как эти строки звучат для русского уха, то, может быть, поймете более близкий вам вариант:

Как сладостно Израиль ненавидеть
И ожидать его уничтоженья.

Ведь так примерно считают иные палестинцы, которых за это израильтяне преследуют?

«Бродский жил в эмиграции? Но в этом он следовал по стопам Бунина, Цветаевой, десятка других поэтов». О, тут вы найдете общий язык с товарищем Путиным. Его ассимилированное сердце радуется оттоку из России умов и талантов. Он даже гордится этим: значит, говорит, они конкурентоспособны на мировом рынке. Ура! И уже воспитано целое поколение, думающее так же. Скажи любому из них, что его жена пошла по рукам, он обрадуется: «Значит, ее сексуальность конкурентоспособна. Ура!»

Но тут приходится повторить: названные писатели покинули родину в тяжелое, смутное время, когда казалось, что все рушится, а Бродский — в тишайшую эпоху Брежнева, когда уже и разлюбезного вашего Кафку давно издали, и на Жванецкого никто не смел покуситься.

Кроме того, следовало бы вам знать, сколь многие — кто через десять лет, кто через двадцать — вернулись на родину: Горький, Алексей Толстой, Куприн, та же Цветаева, Сергей Прокофьев, Коненков, Нефедов-Эрзя... И это во времена,

когда страной правил тиран тиранов! Уже в нынешнее время благоуханной демократии вернулись и Солженицын, и Зиновьев, и даже известный сербохорват Войнович... А Бродский прожил в США двадцать пять лет до самой смерти и только в стихах лишь обещал вернуться на родину умирать. И не сдержал слова.

«Бродский снисходительно отзывался об итальянских фашистах? Но их любили и д'Анунцио, и Маринетти, и русские футуристы!» Да какое нам до них до всех дело! Можете и себя записать в их компанию. Можете еще назвать многих, например, генерала Петра Краснова. Ведь тоже писатель! Этот не только любил фашистов, в том числе персонально самого Гитлера, но и воевал вместе с ними против своей родины. А что касается русских футуристов, то когда Маринетти еще до революции припожаловал в Россию, то их вождь Маяковский не пожелал встретиться с ним. Это ж додуматься надо — записать Маяковского в почитатели фашистов...

«Бродский сказал: «Я лучше поеду в Польшу, чем в Россию». Но сказал же его славный собрат «Прощай, немытая Россия!» — и мы ему простили». Кто простил? Я лично никогда не прощал этот гнусный стишок его автору, и всегда был уверен, что это не Лермонтов, хотя бы потому, что он не только никуда из России не уезжал, но и за «хребтом Кавказа» никогда не был. В обстоятельной работе «Странная судьба одного стихотворения» я доказал полную недоказанность авторства Лермонтова. Желающие могут прочитать эту работу в журналах «Слово» №10'89 или «Кубань» №10'89 и №5 и 9'90 (полный текст).

«Павлов ищет и находит неприятные для нашего слуха фразы у Бродского. Но «Я люблю смотреть, как умирают дети», — приятная фраза?» Тут уж окончательно выплывает вся суть защиты: автор считает, что если большой поэт сказал мерзость, то это не мерзость, и ее можно спокойно повторять вслед за ним. Не понимает, вернее, не смеет понять, что мерзость остается мерзостью независимо от того, кто ее творец.

И вот таким образом надергав из множества авторов «аналогий», сделав из них нужные выжимки и приложив к Бродскому, Шамир посчитал, что дело сделано, облик его кумира сияет во всей красе. И в довершение тяжкого труда заявил, как помним, что стихи Бродского «остаются в золотом фонде русской поэзии». Ох, уж этот золотой фонд, кого только в него не сажали... И дальше автор конкретно называет одно из бродских сокровищ этого фонда: «Ода на смерть маршала Жукова» — вершина русской патриотической поэзии». Не рядовое сокровище, а вершина!..

Однажды генерал В.И. Варенников подарил мне на день рождения прекрасно изданную книгу «Георгий Жуков. Фото-летопись». Издатели нашли в ней место и для трех стихотворцев, все — из одного гнезда: Иосиф Бродский, Григорий Поженян, Галина Шергова. И все трое — об одном: о жестокости Жукова. Первый в своей «Оде» восклицал:

Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую!

О защите отечества сказал как о бессмысленном жестокое кровопролитии. Лихой патриот! И какая великая новость: оказывается, не враг проливал кровь защитников родины, а маршал Жуков. Собственноручно. Какой крутой вираж нового мышления!

Затем Бродский, почесав в затылке, спросил: «Что ж, горевал?» Тут как тут с ответом Поженян: «Он солдат не жалел...» Спасительная аналогия на сей раз сама идет в руки Шамиру, он может сказать: «Да, Бродский так писал. Но то же самое писал и Поженян о Жукове».

Так ведь и у нас аналогии есть, в том числе среди самых уважаемых и чтимых в народе полководцев, — от Суворова и Кутузова до Фрунзе и Рокоссовского... Тоже «пролили крови солдатской» немало. А нет ли у Бродского стихов «На смерть генерала Моше Даяна»? Не подсчитывал, сколько тот пролил крови в войне с Египтом? Странно, если нет. И почему сказа-

но о «чужой земле»? Что, Жуков был захватчиком чужих земель? Увы, ему пришлось воевать в основном на родной земле, очищая ее от оккупантов.

Но слушайте дальше:

Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?

То есть с погибшими солдатами. Стихотворец уверен, что и защитники родины и маршал попадут именно в «адскую область», чертям в лапы. Это за что же? За то, что спасли Россию? За что же еще! Ну, если уж советских воинов и Жукова — в ад, то Гитлера и его мародеров — в рай. А как иначе!

Но стихотворцу и этого мало, он продолжает:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря...

Нобелевский лауреат решил блеснуть блатным словечком, столь неуместным в его стихах вообще, о чем справедливо писал Лимонов, а уж в «Оде на смерть» — тем паче, однако нобелеат не знает, что надо писать «прОхаря»(сапоги). Но какова идентификация! Сам автор это нечто весьма высокое — «слово», а маршал — вульгарные «прохаря» и ничего больше.

И после всего этого нам говорят, что «христианнейшим духом осенена поэзия русского поэта Бродского». После этого внушают: «В поэзии нет «своих» и «чужих». Дескать, все ассимилированные... С луны свалился, что ли?

СТРАШНЕЕ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

М. Швыдкой, известный революционер культуры, учинил теледискуссию, тему которой сформулировал как непрерываемую аксиому, как политический лозунг: «Русский фашизм страшнее немецкого». На клич Швыдкого сбежалось множество его шустрых соплеменников, согласных с ним. Красотой и умом не уступая Шарон Стоун, блистала наша доморощенная звезда русофобии Алла Гербер; затмевая всех трех Толстых русской литературы, ошарашивала своей мудростью Толстая Четвертая; двойник Бориса Немцова (у него их, как было у Саддама Хусейна, четыре — для ежедневных тусовок на всех телеканалах) пламенно травил баланду о фашистской сталинской эпохе; Глеб Павловский, глядя на нас поверх очков, как Арина Родионовна, пел нам песню, как синица тихо за морем жила, куда эмигрировала из России от русского фашизма... Их мобильность, единство и пламенность в обличении русского фашизма умиляли...

Но больше всего меня лично растрогал мой старый однокашник по Литературному институту Григорий Бакланов. Он же ветеран борьбы против русского фашизма. Воюет против него вот уже больше полувека, еще с тех пор, когда был Фридманом. В июне 1951 года он выискал одного русского фашиста и разоблачил его. И как вы думаете, кто это был? Представьте себе, ваш покорный слуга! Да, Гриша так и объявил: «Ты, Бушин, фашист!»

Ну, его, естественно, пригласили тогда на курсовую партгруппу, стали спрашивать, что он имел в виду. Может, есть сведения, что Бушин был надсмотрщиком или кочегаром в Освенциме? Вообще-то Гриша изрядно струхнул, но признать сразу, что брякнул сдуру и встать да извиниться перед одно-

курсником, не позволила ему его воспетая Багрицким «иудейская гордость». И он сказал, что нет, Бушин в Освенциме не работал, евреев не уничтожал, но все-таки человек он несоветский. Ну, совершенно несоветский! Напомню, что дело-то происходило в 1951 году, еще был жив-здоров товарищ Сталин. И вот оказывается, что в столичном институте обнаружен хоть и не фашист, но вопиюще несоветский человек, который со временем может стать и фашистом. Грише могли дать орден или квартиру...

Его спрашивают, в чем же Бушин несоветский? Да как же, говорит, вот я, как полагается советскому человеку, живу с женой душа в душу, а у Бушина с женой какой-то конфликт — разве это мыслимо для советского человека!

И знаете, он был совершенно прав: конфликт-то у меня действительно тогда случился, правда, не столько с женой, сколько с тещей. И как только пронюхал! Но этому доводу обличителя почему-то никто не придал значения.

А что еще? А еще, говорит, пошел он в юридический институт на обсуждение повести Юрия Трифонова «Студенты», все там записал и напечатал в виде своей статьи в «Московском комсомольце». Разве советский человек способен на это!

И опять правда! Был я в юридическом на обсуждении повести, и статья о ней в «Московском комсомольце» тоже была. Но тут даже Юрий Бондарев, все время хранивший толерантное молчание, хмыкнул от неловкости за своего наперсного дружка Гришу. А Женя Винокуров сказал: «Да неужели на пятом курсе Бушин не может сам написать рецензию? Не такая уж сложная штука эти «Студенты». А Бушин учился старательно».

А что еще? Больше у антифашиста ничего не было. Тогда парторг Миша Годенко сказал ему: «Извинись перед Бушиным и пригласи его в бар №4, угости пивом с сосисками. На этом собрание объявляю закрытым».

Этот пивной бар был рядом с институтом, на Тверском бульваре, но Гриша меня не пригласил, а через несколько дней примчался ко мне со своими добровольно-принудительными извинениями в Измайлово, где я тогда жил. Я сказал: «Да

ладно, Бог простит». И мы пошли в Измайловский парк, я сводил его в «комнату смеха» с кривыми зеркалами, а он купил мне эскимо на палочке... Потом, уже в эпоху перестройки, в своем мемуаре «Входите узкими воротами» Бакланов описал все это как кошмарную историю, едва не загубившую всю его литературную карьеру. Чепуха на постном масле. Все кончилось именно так — «комнатой смеха» и эскимо на палочке.

Но все-таки, почему он назвал меня фашистом? Подозреваю, дело тут вот в чем. Однажды, когда мы узнали, что наш однокурсник Гриша Фридман вдруг напечатал что-то под псевдонимом Бакланов, кто-то из нас ему сказал: «Почему Бакланов? В фадеевском «Разгроме» есть такой персонаж второго плана. Но если брать псевдоним оттуда, то не лучше ли, Гриша, взять тебе имя главного героя повести — Левинсон?» Все засмеялись, а я, пожалуй, громче всех. Как же после этого не фашист!.. И вот прошло уже больше полувека, а он все рыщет в поисках русского фашизма. «Одна, но пламенная страсть...»

* * *

Возвращаясь к швыдковской телепередаче, нельзя умолчать о заключительной итоговой побасенке Бориса Немцова. (Говорят все-таки, что на столь важной передаче был сам, а не двойник.) Он сказал: «Однажды Черчилля спросили, почему в Англии никогда не было антисемитизма? Черчилль ответил: «Потому что англичане никогда не считали себя глупее евреев». Эту замусоленную побасенку обожают многие евреи. Ведь здесь сам «англичанин-мудрец» признает, что он всего лишь не глупее еврея. Как отрадно слышать. Но, ах, как тут все характерно! Вот бывает же так: скажет человек всего несколько слов — и сразу весь он, включая черепную коробку, как на ладони.

Во-первых, крайне характерно само обращение оратора к фигуре одного из самых лютых врагов России, без которой у пошляков демократии не обходится, пожалуй, ни одно появление на публике. Но пошляки не чувствуют, не видят своей

пошлости. Во-вторых, это ложь, без чего Немцов шагу ступить не может. Никто такой вопрос Черчиллю не задавал, и никому он так не отвечал и не мог отвечать. Ибо, в-третьих, он знал историю своей родины и ему было доподлинно известно, что, допустим, в 1189 году в Лондоне случился еврейский погром. Слышите, Немцов? — погром, а не кинофестиваль. В 1262-м нефестиваль, увы, повторился. Историк Сесиль Рот, еврей, утверждает: «В 1278 году в Лондоне было повешено 267 евреев. Их обвинили в том, что они срезали с монет частички золота». Нельзя исключить, что среди повешенных был и незадачливый предок Бориса Ефимовича. Книга Андре Моруа «Жизнь Дизраэли» начинается так: «В 1290 году, в день всех святых, король Эдуард Первый изгнал из Англии евреев...»

Конечно, со временем просвещение делало свое дело, нравы смягчались, но и в 1858 году, когда Дизраэли, кажется, был уже министром финансов, член палаты общин Ньюдигейт в своей речи 22 марта сказал: «Я не верю, что еврей может быть хорошим членом парламента, ибо он прямой последователь Талмуда, тенденции которого аморальны, антисоциальны и антинациональны... Причина ненависти к ним лежит в иудаизме, который объединяет своих приверженцев на аморальных основах». В этом же году 12 июля не более ласковые слова произнес лорд Харрингтон в палате лордов: «Я возражаю против допущения евреев... Им безразлично, поддерживают они хорошие или плохие дела. Они всегда — величайшие враги свободы». Согласитесь, что до этих парламентариев их более позднему коллеге Пуришкевичу далековато...

Трудно допустить, чтобы Черчилль ничего этого не знал. Да ведь и сам сэр Уинстон 5 ноября 1919 года сказал в той же палате общин: «В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть системы террора, учрежденного Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, была осуществлена евреями и еврейками. Такая же дьявольская слава была достигнута евреями в период террора, когда Венгрией правил еврей Бэла Кун». Маяковский сказал: «Достопочтенный лорд Черчилль в своем вранье переперчил...» Но это — по другому поводу...

Мало того, в Англии существовал и «Британский союз фашистов», который в своем отношении к евреям был несколько крепче, чем безалкогольное пиво. Фюрер этого Союза известный Освальд Мосли в свое время дважды и много лет был членом парламента, а некоторое время даже членом правительства. И действовал он столь активно в пользу фашистской Германии, что во время войны хоть и не сразу, но был интернирован, а «Союз» запрещен.

А Немцов знает только одно: еврей Дизраэли был английским премьером. Из этого факта он делает вывод: антисемитизма в Англии никогда не было и быть не могло!.. Ах, милок... Во Франции еврей Леон Блюм три раза был премьер-министром и дважды его заместителем. А француз Вольтер говорил: «Евреи являются не чем иным, как презренным народом, который сочетает отвратительное корыстолюбие с неугасимой ненавистью к народам, которые их терпят и на которых они богатеют... Они пресмыкаются, когда их постигает неудача, и высокомерничают при процветании дел... Эта маленькая нация не скрывает своей непримиримой ненависти ко всем остальным народам. Они всегда жадны к чужому добру, подлы при неудаче и наглы при удаче».

Какие жуткие слова! А ведь сто лет был властителем дум всей просвещенной Европы. Другой великий француз, Наполеон, если верить источникам, говорил: «Евреи являются нацией, способной на самые ужасные преступления... Они, как гусеницы или саранча, поедают Францию... К жидам относятся с отвращением, но надо признать, что ведь они действительно отвратительны; их также презирают, но ведь они достойны презрения... Я делаю все, чтобы доказать свое презрение к этой подлейшей нации мира». Вот тебе и Дизраэли. Вот тебе и Блюм...

Должен сказать, что все приведенные выше ужасные высказывания известных и даже великих людей о евреях я, старый человек, узнал совсем недавно. В советское время они не публиковались. И уже за одно это, швыдкие, вам надо молиться на советскую власть. А сейчас бесчисленные афориз-

мы такого рода — в книгах, что продаются на каждом углу. И появились эти книга как ответ на разнузданную наглость и русофобское бесстыдство швыдких. Из забвения, из небытия именно они вызвали эти книги к жизни, подтверждая правоту своего великого соплеменника Спинозы, утверждавшего, что антисемитизм евреи несут в себе.

После проведенной Швыдким теледискуссии «Русский фашизм страшнее немецкого» полезно будет нам устроить дискуссию «Швыдкой страшнее Геббельса», а потом в свете двустушия поэтессы М. — «Жидовское засилье страшнее немецкой оккупации». Аудитория — весь народ, в том числе — все честные евреи...

Впрочем, нет, мы не станем перенимать их наглую манеру. Мы сформулируем тему вопросительно: «Кто страшнее — Швыдкой или Геббельс?» А так же — «Что страшнее — жидовское засилье или немецкая оккупация?».

ПОЗДНИЕ СТРАСТИ ВОКРУГ ТЕЛЬ-АВИДЕНИЯ

В газете «Завтра» №10 напечатано коллективное письмо «Телевидение, ты чье?» Под ним стоят имена нескольких весьма известных писателей, двух критиков, двух артистов, одного врача и даже одного протопопа, известного читателям «Дуэли» Михаила Алексеевича Ходанова.

В самом начале говорится, что авторы обращаются «ко всем соотечественникам с просьбой разделить тревогу по поводу засилья на телевидении одних и тех же персон».

Ну, разделил я вашу тревогу. И что? Да не только разделил! На страницах этой же газеты, как и других, я неоднократно писал и о засилье «персон», и — что гораздо важнее — о засилье дремучего невежества, злобной антисоветчины, клеветы на наше прошлое, похабщины. И что, говорю? Да разве я один! Мало того, Виктор Анпилов уже давно и неоднократно устраивает народные протестные шествия к стенам «империи лжи» в Останкине. Кто-нибудь из вас, подписанты, скажем, Владимир Крупин, Игорь Золотусский или Валентин Курбатов принимали участие в этих народных шествиях? Сомневаюсь, вы скорее предпочтете дать по телефону согласие на свою драгоценную подпись под таким обращением к соотечественникам, чтобы на страницах газеты выглядеть бесстрашными зачинателями борьбы. Как с неба свалились!

Разумеется, всех названных в обращении «персон» давно пора гнать с телевидения, а таких провокаторов, как Швыдкой, и судить надо. Но дело не только в этом.

Надеюсь, ни Василий Белов, ни Валентин Распутин, ни Юрий Назаров и другие письмо это не читали, ибо оно составлено кустарно, неграмотно, напичено злобной клеветнической антисоветчиной, — словом, оно не только бесталан-

но, но и отталкивает читателей. Я имею в виду не тех чистюль, которых отталкивает уже одно неумение борца за справедливость правильно запятые расставить или то, что он пишет «одни и те же персонажи». Вопрос серьезней.

Нет никаких сомнений, что писал обращение — видно по манере — давний и постоянный сотрудник газеты искусствовед Савва Ямщиков, закоснелый антисоветчик, в прошлом приятель — не знаю, чей больший — то ли Познера, то ли Швыдкого, которым, по его собственным рассказам, оказывал некоторые деловые услуги.

О Ямщикове надо сказать особо. Впервые он заинтересовал меня гневным протестом против второго памятника Достоевскому в Москве по той причине, что, во-первых, писатель был «скромен до болезненности»; во-вторых, в Москве он всего лишь «только родился и жил маленьким». Я был изумлен. Да разве памятники ставят лишь таким нескромникам, как Пушкин, писавший, что к нему «не зарастет народная тропа», или Маяковский, восклицавший: «Славьте меня! Я великим не чета!» Да и никакой особой, тем паче болезненной скромностью Достоевский не отличался, он знал себе цену — чего стоит хотя бы его возмущение тем, что Толстому издатели платили по тысяче рублей с листа, а ему только пятьсот. А кроме того, неужели и в шестнадцать лет, окончив московский пансионат Леонтия Чермака (это, грубо говоря, вроде нашей десятилетки), писатель все еще оставался «маленьким»?.. Позже я был тронут взволнованным рассказам Ямщикова о гневном осуждении Кровавого воскресенья 1905 года А.П.Чеховым, которого тогда уже не было в живых.

Ямщиков напечатал в газете много бесед с известными и малоизвестными людьми главным образом антисоветско-церковного склада. Разумеется, иногда это интересно, но порой кое-что в них просто ошарашивает. Вот, допустим, примечательная беседа с тележурналистом Виктором Правдюком, о лживом, невежественном и прогерманском фильме которого о Второй мировой войне обстоятельно писала «Завтра» три или четыре раза. Для общего уровня беседы характерен, на-

пример, такой эпизод. Правдюк говорит: «У меня Маяковский вызывает большие сомнения». Для антисоветчика это естественно. Но о каких сомнениях речь — о биографических, художественных, политических? Молчит. Однако тут же выясняется, что речь идет о сомнениях морально-политических. Какие же основания? Оказывается, говорит, «под некрологом Маяковского первой стоит подпись Якова Агранова, заместителя Ягоды», а последней — какого-то Эльберга. Допустим, да, оба они были мерзкими людьми, за что в 1938 году Агранова и расстреляли. Но Маяковский-то какое отношение имеет к подписям под своим некрологом? Это ж не послесловие к прижизненному собранию сочинений. Или Правдюк думает, что перед тем, как застрелиться, поэт позвонил Агранову и сказал: «Яков, тут такое дело. Я, видишь ли, через полчаса уйду в мир иной, так ты, пожалуйста, не забудь свою подпись поставить под некрологом. И Эльбергу передай мою просьбу. Уж, пожалуйста. Век не забуду... Ну, пока!»

Да разве нормальный человек может судить об усопшем по некрологу. Гораздо вероятнее допустить, что какие-то мелкие и гнусные людишки, ухитрившись поставить свои подписи под некрологом великого поэта, надеялись хоть так примазаться к его имени. А людям моего поколения до сих пор памятно, что, когда скончался Пастернак, «Литературная газета» написала: «умер известный член Литфонда Б.Л. Пастернак». Вы, Правдюк, знаете стихи этого члена Литфонда? И учтите, что еще вопрос, кто подпишется и под вашим некрологом. Я думаю, что уж Чубайс и Хакамада — обязательно. И напишут: «В золотой фонд нашего искусства вошел его невероятно правдивый 90-серийный фильм о войне. Что ни серия, то и подарок. Что ни подарок, то и радость для наших чистых антисоветских душ» и т.д.

Разумеется, Правдюка, как и многих других антисоветчиков, еще до сих пор гложет мысль об авторстве «Тихого Дона». Как Бенедикт Сарнов, Солженицын, Вознесенский — не верит он, что это Шолохов. Когда-то, теперь уже давно под руководством до сих пор памятной Белы Курковой он со своим подручным

Александром Зайцем провел по ленинградскому телевидению («Пятое колесо») множество передач: не Шолохов! И все они были на таком же мыслительном уровне, что новость о Чехове и рассуждения о некрологе Маяковского — а где иной-то уровень взять? И обнаружение рукописи «Тихого Дона» Правдюка не уgomонило, он продолжает многолетние кропотливые изыскания. И что же? Слушайте! «Нам удалось собрать интереснейшую информацию. Например, поговорить с другом детства Шолохова по фамилии Солдатов». Прекрасно, повезло. Но разве кто-нибудь утверждал, что Шолохов писал роман в детстве? Разве этот Солдатов заявил: «Как сейчас помню Машку, пас он гусей, ездил в ночное — и никаких романов!»

Какая еще «интереснейшая информация»? Вот: «Мы выяснили, что Шолохов родился не в 1905 году, а в 1903-м. Сделано открытие! Но литературоведы не захотели этим заниматься». А чем тут заниматься? Такие факты встречаются не столь уж редко. Вон кто-то доказывает, что Сталин родился не в 1879-м, а в 1878-м году. И что из этого следует?.. Так что, Правдюк, ешьте свое «открытие» сами.

Но главное в этом эпизоде то, что энтузиаст шолохovedения не соображает, на кого и против кого работает его «открытие». Ведь один из главных доводов ниспровергателей Шолохова состоит в том, что он, дескать, был слишком молод для «Тихого Дона». А Правдюк щедро прибавляет ему два года. Прекрасно! Спасибо. Может, иные крикуны теперь перестанут вопить о молодости гения.

* * *

Вот на таком умственном уровне написано и письмо о телевидении. Прежде всего надо заметить, что жанр коллективного письма имеет свои законы, например, в нем, недопустимы фельетонные выверты такого эстетического пошиба, как «А че? Ниче». Или: «Они друг перед другом оттопыриваются»(?). А что такое какие-то «антоши с клепами»? Что за антоши? Что за клепы?

Верю, что С. Ямщиков хороший реставратор, но писать, увы, он не умеет. Это воззвание к согражданам он задумал в духе сатирического изобличения «персон». Но как убоги его сатирические средства! Главное из них — кавычки. Да это же нищенское средство, а он думает, что если слова «герои», «гвардейцы», «демократы», «знатоки», «безвозмездно» и т.п. взять в кавычки, то тем самым лиц и явления, которые они означают, пригвоздил к позорному столбу навеки.

Или вот, желая уязвить академика Гинзбурга, именует его не лауреатом Нобелевской премии, а «нобелистом». То-то уязвил!

А затем позорит доктора каких-то наук Швыдкова тем, что Геббельс тоже был доктор. Боже мой, с одной стороны, не соображает, что, как и в предыдущем случае, бросил камень в огород множества честных и добросовестных людей — докторов разных наук, в том числе иных авторов «Завтра». С другой стороны, не может вообразить, что в ответ ему кто-то скажет: «Вы с издевкой пишете в своем обращении о «бескомплексной» Маше Распутиной. Но ведь среди подписавших обращение тоже есть Распутин — Валентин. Пожалуй, тут больше общего, чем между двумя докторами. Тут и родство возможно». К слову сказать, эти строки о Распутиной совершенно невразумительны, как и об Архангельском, о каком-то Пономареве, а еще здесь и несколько Соловьевых, в которых без пол-литра не разобраться. Ну разве так пишут обращения к народу?

Провокатор Швыдкой ему напоминает, видите ли, Ленина и Мао Цзэдуна, названных «душителями прогресса». Тут пример многократного тупоумия. Во-первых, в отношении Ленина и Мао утверждение тупоумно само по себе, что доказывать просто смешно. Во-вторых, ты же обращаешься ко всем соотечественникам, а должен бы знать, что среди них многие миллионы относятся к Ленину с великим уважением. Кто ж тебе дал право оскорблять того, кого они почитают, а значит, и их самих? Что побудило оскорбить и великий китайский народ? Ты хотел этого? Нет, не хотел. А оскорбил то той причине, что просто не соображаешь, что делаешь.

Наконец, ведь под оскорблением Ленина с радостной готовностью подпишутся, пожалуй, все, кого Ямщиков прокликает в своем письме: и Швыдкой, и Познер, и Ерофеев, и какой-то Соловьев... Таким образом, Ямщиков показал свое генетическое родство с этой публикой. Никаких сомнений! Как те творят свои мерзости, не считаясь с убеждениями, взглядами и чувствами миллионов родного народа, так и Ямщиков плюет на эти же миллионы.

Да ведь косвенно об этом свидетельствует и сам заголовок обращения. Всем давно ясно, чьим стало наше телевидение, а он все вопросыки задает, все сомневается. Так вот сообщаем вам, Савва Ямщиков: телевидение уже почти двадцать лет — еврейское. В народе его давным-давно называют тель-авидением. Передайте это Белову, Гостюхину, Золотусскому, Крупину, Курбатову, Ходанову, Назарову, Недоступу и Распутину.

Вот они удивятся-то!...

О НАЦИОНАЛЬНОЙ КРОТОСТИ ВЕЛИКОРОССОВ

И вдруг меня осенило: ведь «лицо еврейской национальности» это же не что иное, как бывшая «жидовская морда».

Б. Сарнов

У критика Бенедикта Сарнова три больших влечения: любит порассуждать на военную тему, неутомим в борьбе за культуру вообще, за русскую в особенности, за русский язык в частности, и, конечно, не может жить без обличений антисемитизма. Во всяком случае именно эти «три кита» резвятся в его книгах — «Перестаньте удивляться!» (М., Аграф. 1998) и «Наш советский новояз» (М., Материк. 2002).

С двумя последними из названных трех страстей все понятно: первая объясняется литературным образованием и профессией, вторая — национальностью. А вот страсть к военной теме в самых разных ее аспектах от довоенных знаков различия до вопроса о профессионализме наших военачальников и событий Великой Отечественной войны, — весьма загадочна. В армии человек не служил, на войне не был, а вот поди ж ты, судит-рядит.

Хотя бы со знаков различия и начать. Они, читаем в «Новоязе», были до войны такие: четыре кубика — капитан, одна шпала — майор, две шпалы — подполковник, три шпалы — полковник... И кто это ему сказал — Войнович, что ли, знаток армии? Ведь здесь все — чушь. Четырех кубиков вообще не существовало, а остальное было так: капитан — одна шпала, майор — две, подполковник — три, полковник — четыре...

В другом месте, не моргнув прозорливым глазом, пишет, что у нас «вчерашний полковник становился маршалом». Это кто же? Когда? Приведи хоть один пример. Где тот таинствен-

ный полковник? Сказать он ничего не может. А ведь опять чушь! Даже Булганин прошел необходимую иерархическую лестницу: будучи членом Военного совета Западного фронта, он, естественно, 6 декабря 1942 года получил звание генерал-лейтенанта, затем, оставаясь на фронте членом Военных советов других фронтов, стал 29 июля 1944 года генерал-полковником, 17 ноября 1944-го — генералом армии. И только 3 ноября 1947 года, после того, как был назначен министром Вооруженных Сил СССР, ему присвоили звание Маршала Советского Союза. А Берия стал маршалом, будучи наркомом, членом ГКО. Даже Брежнев попал в маршалы не из полковников, а все-таки из генералов.

Нетрадиционны были пути к маршальскому званию у Буденного, Ворошилова, Егорова, Тухачевского, но они же достигли в армии высокого положения в революционные годы Гражданской войны, а в такие времена традиции нарушались не только в России. Молчит же Сарнов о том, что никогда не служивший в армии Троцкий был наркомвоенмором да еще председателем Реввоенсовета страны, т.е. занимал в сущности маршальские должности.

Однако есть пример, когда не «полковник» даже и не «поручик», а рядовой стал «маршалом»: артист Сергей Бондарчук, сыграв роль Тараса Шевченко в одноименном фильме, сразу получил звание народного артиста СССР. И разве Сталин здесь ошибся?

Ворошилова критик объявил малограмотным, а Тимошенко и Буденного — вообще неграмотными. Какая лихость! Но я думаю, что они, не говоря уж о военном деле, даже литературу и русский язык знали лучше Сарнова. Уверен, что никто из них не написал бы, как он, о Мандельштаме и его жене, которых конвойные сопровождали в ссылку, так: «двое разнополых (!) людей под конвоем трех солдат». Тут хочется спросить: «А солдаты были однополые или разнополые?» Никто из маршалов не сказал бы, как он, «обмундированные генералы» или «цивильное (вместо «мирское») платье митрополита», никто из них не употреблял слов, смысла которых, как он, не знал,

и уж, конечно, ни один не стал бы глумиться над знаменитым партизанским командиром дважды Героем Советского Союза, не кончавшим Литературный институт, который однажды будто бы допустил орфографическую ошибку в слове «читал». Тем более, что над этим уже всласть похихикал раньше писатель Г.Бакланов, и Сарнов трусит по чужому следу...

С.М. Буденный, как известно, с двадцати лет, т.е. с 1903 года, служил в армии, там не было лекций профессора Асмуса по эстетике. Но вот что все же сказано в его аттестации 1921 года: «Прирожденный кавалерист-начальник». Я не слышал, чтобы о Сарнове кто-то сказал, что он прирожденный критик. Дальше: «Обладает оперативно-боевой интуицией». А где у Сарнова интуиция, если он даже известные цитаты из Пушкина и Шолохова приводит неверно? Дальше: «Кавалерийское дело любит и хорошо знает». А что Сарнов любит и знает хорошо? Ну, Галича («Знаменитый!»), Войновича («Замечательный!»), Алешковского («Прекрасный!»), Жаботинского («Мировая история идет не по Ленину — по Жаботинскому»), а также, разумеется, Израиль («Песок, на котором возвел свое национальное государство Израиль, стал камнем»).

Что дальше? «Недостающий общеобразовательный багаж С.М.Буденный усиленно и основательно пополнил и продолжает самообразование». Тогда ему было 37 лет, а позже, пополняя помянутый багаж, он окончил Особую группу при Военной академии им. Фрунзе. А Сарнов, как мы видели и еще увидим, из рук вон плохо пополнял свой багаж после окончания средней школы, а к старости многое и растерял из него. Наконец: «Буденный с подчиненными мягок и обходителен». Даже с подчиненными! А упоминавшийся выше герой-партизан в подчинении у Сарнова никогда не находился, но критик считает возможным вместе с Баклановым поглумиться над покойным героем.

Ну, а в итоге почти семидесяти лет своей службы в русской армии и участия во многих войнах Буденный был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, четырьмя Георгиевскими медалями, стал Маршалом Советского Союза, трижды Героем, кавалером ордена Суворова первой степени, восьми

орденов Ленина, шести орденов Красного Знамени и многих других наград. А Сарнов? Где его хоть какие-то медалки, звания, премии, наконец, аплодисменты? Как получил при окончании института одну литературную лычку, так с ней пятьдесят лет и ходит. Видимо, этим и объясняется тот странный факт, что критик особенно взъелся на Семена Михайловича, почившего в бозе более тридцати лет тому назад. В последней книге, как уже сказано, объявил покойника совершенно неграмотным, а в предыдущей не поскупился даже на отдельную клеветническую байку о нем.

* * *

Рассказывает, будто критик Г. Мунблит... Что за Мунблит? А тот самый, которого в свое время учил уму-разуму Шолохов, и сосед Сарнова по подъезду из квартиры 122 (соседи у него главный источник знаний и впечатления бытия). Будто бы этот Мунблит, впервые придя по какому-то делу к знаменитому адмиралу Ивану Степановичу Исакову, увидел у него в кабинете портрет Буденного и спросил:

— Почему у вас здесь висит этот портрет?

Адмирал на такую бесцеремонность мог бы ответить пришельцу: «А какое ваше собачье дело? Мой кабинет — что хочу, то и вешаю. В чужой монастырь...» Но Иван Степанович сдержался и вежливо сказал будто, что это подарок самого Буденного. «Казалось бы, — пишет Сарнов, — вопрос исчерпан. Но не таков был Мунблит». Он продолжил свое хамство:

— Дело в том, что у нашего брата-литератора свой счет к этому человеку. Мы не можем простить ему Бабеля.

Во-первых, какое дело адмиралу до каких-то неизвестных братьев? Еврейских, что ли? Так бы и сказал. Пусть не вешают у себя портреты маршала, а ему-то что до них. Во-вторых, что же такое ужасное Буденный сделал с Бабелем, после чего его невозможно братьям простить даже спустя много лет, — голову снес шашкой на всем скаку или отправил в лагерь? Да нет, оказывается, в начале 1924 года он выступил в журна-

ле «Октябрь» с резкой критикой повести Бабеля «Конармия». Так ведь тот написал свою повесть, побывав в Первой Конной журналистом, а Буденный был создателем и командующим легендарной армии. Это что, лишало командарма права на критику книги? Кто лучше знал армию — ее создатель и командующий или корреспондент?

Дело в том, пишет младший брат Сарнов, что Буденный «изничтожил» книгу старшего брата Бабеля. Книгу запретили, что ли, не издавали? Ничего подобного! В ее защиту выступил сам Горький, и не где-нибудь, а в «Правде». И с 1926 года по 1933-й «Конармия» переиздавалась 7 раз отдельной книгой и дважды в 1934 и 1936 годах включалась в сборники. Другие писатели могли об этом только мечтать. Но Сарнов обо всем этом — ни слова.

Что же было у брата Мунблита с Исаковым дальше? Автор сообщает, что тот «провел пропагандистскую работу» с адмиралом. О, это братья умеют! Разыскал где-то статью Буденного, притащил и «заставил прочесть, буквально ткнув адмирала носом». Подумать только, дело-то кончилось вполне благополучно, даже весьма успешно для писателя, и прошло уже лет 30—40, а Мунблит все не может забыть и успокоиться, землю роет. Но — «адмирал никак не прореагировал».

Прошло какое-то время, брат Мунблит опять у адмирала и видит, портрета нет, и он «с чувством глубокого удовлетворения» будто бы сказал:

— Я вижу, мой рассказ все-таки произвел на вас впечатление.

— Нет, я снял портрет не поэтому.

— А почему же?

— Семен Михайлович утверждал (!), что у него было четыре Георгия, но оказалось, что это липа. Я не считал возможным держать в своем кабинете портрет этого человека.

Поразительно! Ведь если средний брат пылал ненавистью к Буденному и мстил ему спустя лет 40 после его статьи, то младший так же пылает и клеветает, когда прошло уже почти 80 лет. Какая неумемная злобность!.. Нам при нашей русской кротости не понять это.

И.С. Исаков умер в 1967 году. С.М. Буденный — в 1973-м. Я решил позвонить Мунблиту, но, оказалось, что и он не так давно преставился. Как почти во всех байках и побасенках, что Сарнов рассказывает, в живых остался он один. Тогда, негодую за клевету на покойного маршала, я раздобыл фотографию Буденного, где он был в 1916 году запечатлен со всеми крестами и медалями, и послал любезному однокашничку по Литературному институту с письмецом, в котором советовал: «Повесь, Бенья, у себя этот портретик С.М. Буденного и молись на него ежедневно утром и вечером, как на своего спасителя, и проси у него прощения».

Скажите на милость, можно после такой подлой клеветы литературной штафирки на славного русского маршала верить ей хоть на три копейки и уважать хоть на пятак? Даже притом, что перепечатать свое вранье в новой книге, где много перепечаток, брат Бенедикт не решился...

К месту будет добавить, что Буденный получил даже не четыре креста, а пять. Он рассказывает в своих воспоминаниях «Пройденный путь» (М., 1958): «За бой под Бжезинами все солдаты моего взвода были награждены медалями «За храбрость», а меня наградили Георгиевским крестом 4-й степени». А позже, говорит, произошла ссора с вахмистром Хестановым, который «пнул мне в лицо кулаком. Не стерпел я обиды, развернулся и ударил Хестанова. Он упал и долго лежал неподвижно. Солдаты молчали, пока кто-то не предложил свалить вину на коня Испанца».

А дальше произошло вот что:

«Полку приказано было выстроиться в каре. На середину вынесли штандарт. И вдруг я слышу команду:

— Старшему унтер-офицеру Буденному на середину полка галопом, марш!

Адъютант полка зачитал приказ по дивизии, что я подлежу полевому суду и расстрелу.

— Но, учитывая его честную и безупречную службу, решено под суд не отдавать, а ограничиться лишением Георгиевского креста».

Это, дорогой, посерьезней, чем твое исключение в Литинституте из комсомола в 47-м году. Никакой вахмистр Хестанов тебе по физиономии не врезал и расстрел тебе не грозил, хоть ты и намекаешь на что-то подобное, да и восстановили вскоре. А сейчас ты сам в роли вахмистра Хестанова, только тот один раз ударил молодого унтер-офицера, а ты без конца плюешь на могилу старого маршала.

Вновь крест 4-й степени Буденный получил на Кавказском фронте в бою за город Ван, во время которого его 3-й взвод 5-го эскадрона 18-го Северского драгунского полка захватил батарею из трех пушек; Георгия 3-й степени Семена Михайловича наградили за участие в нескольких атаках под Менделиджем; 2-й степени — за 22-дневный рейд по тылам противника; наконец, 1-й степени — за ночную разведку, во время которой было взято в плен шесть турецких солдат. А высокие советские награды были естественным продолжением и развитием этих Георгиевских...

А вы-то с Мунблитом сколько пушек захватили, сколько турок в плен взяли? Вы только по тылам Советской истории шастаете... Впрочем, возможно, что лгал здесь Мунблит, а Сарнов выступил в роли хранителя и популяризатора грязной лжи. Разделение труда между братьями...

После убийства в сентябре 1911 года русского премьер-министра Столыпина евреем Богровым отец убийцы публично заявил, что гордится сыном, а В. Розанов в декабре 1912 года писал в письме М. Гершензону: «После Столыпина у меня как-то все оборвалось к ним (евреям). Посмел ли бы русский убить Ротшильда или вообще «великого из них».

И вот спустя 90 лет еврей срывает четыре Георгиевских креста с покойного русского героя. Как я, интернационалист, могу к этому относиться? И представьте себе, вместо того, чтобы встать на защиту национальной чести, ему помогают в подлом русофобском деле русские работники издательства:

О. Разуменко, З. Буттаев, М. Сартаков, Р. Станкова... А посмел бы русский, допустим, сорвать две Золотых Звезды с покойного генерал-полковника танковых войск Давида Абрамовича Драгунского, дескать, дали не по заслугам, посодействовал брат Мехлис и т.п.? Если бы и сыскался такой негодяй, перед ним несокрушимой стеной встали бы те же станковы-сартаковы, разуменко-буттаевы...

* * *

После фекальной попытки относительно Буденного и других наших маршалов Сарнов, естественно, попытался проделать то же самое с почетными званиями нашей страны: «Слово «герой» стало официальным званием: «Герой Советского Союза», «Герой социалистического труда». Введение такого звания уже самой процедурой его присвоения предполагало, что героем человека можно назначить». Да, конечно, можно «назначить», но — после того, как человек совершил нечто героическое. Тут поражает не столько злобность ума, сколько его бедность, полная неспособность к аналогиям и ассоциациям: ведь во всем мире существуют подобные почетные звания! Например, английская королева взяла и назначила супруга Галины Вишневской — рыцарем. Она присвоила ему звание «Рыцарь Британской империи». Чего ж Сарнов молчал? Почему не вышел с Мунблитом на Красную площадь с плакатом «Долой назначенных рыцарей!». Чего молчал и когда звание Героя давали Михаилу Ромму, Сергею Юткевичу или Даниилу Гранину?

Тут же читаем, что звание Героя у нас давалось «далеко не всегда заслуженно». Ну, об этом не тому судить, кто не имеет даже медальки «Восьмисотлетие Москвы». Но, конечно, бывало и так, что незаслуженно. Так где ж этого не бывает! И в Союз писателей, случалось, незаслуженно принимали и даже на работу в «Пионерскую правду». У Бога всего много...

Но вот началась Великая Отечественная война. Что об этом у Сарнова? Он прежде всего заявляет, что никакой ор-

ганизованной эвакуации населения не было. Как язык не отвалится! Ведь сам-то, как пишет, с папочкой и мамочкой тотчас оказался где-то за Уралом... Совет по эвакуации был создан 24 июня, на третий день войны. К лету 1942 года немцы захватили территорию, на которой проживало, как сказал Сталин в знаменитом приказе №227, более 70 миллионов человек. Целая Германия! Эвакуировать всех было просто невозможно, однако почти 10,5 миллиона все же эвакуировали, в том числе из приграничных западных областей: из Прибалтики — 120 тысяч, из Молдавии — 300 тысяч, из Белоруссии — 1 миллион, а также из Москвы — 2 миллиона, из Ленинграда — 1,7 миллиона и т.д. Да еще 2593 промышленных предприятия, из них 1523 крупных, таких, как Харьковский дизельный и Харьковский тракторный, важнейшие цеха Кировского, заводов «Серп и молот», «Электросталь», «Гомсельмаш», «Запорожсталь», агрегаты Днепрогэса и т.д. Да еще — 145 вузов, 66 музеев только из РСФСР, десятки библиотек, театров и т.д. Да еще 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 0,2 млн. свиней, 0,8 млн. лошадей (Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 1985, С. 801-803). Ничего подобного мировая история не знала.

13 декабря 1941 года Александр Фадеев докладывал Сталину: «Все писатели и их семьи (271 человек) были лично мною посажены в поезда и отправлены из Москвы 14 и 15 октября... Учтите, что свыше 200 активных московских писателей находятся на фронтах, не менее 100 самостоятельно уехало в тыл за время войны и 700 с лишним членов писательских семей эвакуированы в начале войны» (Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 476). Кто был впереди всех, мы теперь знаем.

Сарнов пишет: «Оставались многие. В том числе и евреи, не верившие советской пропаганде. Они были уверены, что слухи об антисемитской политике гитлеровцев сильно преувеличены. Все они, конечно, погибли». Так надо было верить советской пропаганде. Тем более что Гитлер находился у власти уже девятый год, и о его антисемитской политике были не слухи, а достовернейшие сведения. О ней, кстати, во весь голос

кричали и советские фильмы «Профессор Мамлок», «Болотные солдаты», «Карл Бруннер», «Семья Оппенгейм», которые поставили по произведениям Фейхтвангера и других немецких евреев наши евреи: Е.И. Славинский, Г.Л. Рошаль, Г. М. Рапопорт, А.И. Минкин, — а евреи же, оказывается, им и не верили. Вот публика!

«Погибли мои бабка и дед, — пишет мемуарист. — Они жили не так близко от границы и вполне могли уехать. Но дед сказал, что помнит немцев по прежней войне. Это культурные люди, и бояться их нечего. На все уговоры он отвечал: «Что я, немцев не знаю?» Смерть их была ужасна: рассказывали, что после расстрела нацистами местных евреев несколько суток шевелилась земля...» Ну, шевелящаяся земля это избитый газетный штамп, однако же — царство им небесное, и еще хорошо, что внук не объявил их жертвами культа личности.

Впрочем, в другом месте книги он, видимо, проникшись дедовской верой в культурность немцев, все-таки снимает с нацистов ответственность: «В сорок втором деда и бабушку убили. Считалось, что немцы. Но на самом деле, скорее всего, те самые мужички — «богоносные, Достоевские». То есть русские. Спи спокойно, рейхсфюрер Гиммлер. У брата Бенедикта к тебе никаких претензий.

* * *

Итак, война идет, наши дела плохи, и Сталин, говорит наш историк, в отчаянии и страхе «вернул из лагеря Рокоссовского. И даже будто бы пошутить при этом изволил: нашел, мол, время сидеть». Да, Рокоссовский с 17 августа 1937 года находился под следствием, но Сталин, конечно, и не знал этого комдива (генерал-майора), одного из 993 довоенных генералов. А освободили его, восстановили в звании и вернули все награды не после драматического начала войны, а еще 23 марта 1940 года. И тут же назначили командиром 9-го механизированного корпуса. Как жаль, что Сарнов не служил там хотя бы каптенармусом.

Нет, он трудится писарем, опять берется за наших маршалов: «В первые же месяцы войны обнаружилась полная профессиональная несостоятельность всех советских маршалов... Ворошилов, Буденный не могли воевать с танками Гудериана, оказались вдруг профнепригодными». Этот литературный профессионал рассуждает о профессионализме военном, не подозревая даже о том, например, что Ворошилов с «танками Гудериана» не встречался... А что ж он молчит, допустим, о маршале Рыдз-Смиглы, а также о Кутшебе, Стахевиче, Шиллинге и других генералах Польши, которые командовали так профессионально, что правительство на шестой день войны бежало из Варшавы в Люблин, а еще через десять дней — в Румынию? Ведь у них все-таки была миллионная армия против полутораmillionной у немцев. А каков профессионализм голландских и бельгийских военачальников, первые из которых капитулировали на четвертый день сражения, а вторые на седьмой день сдали свою столицу? А каковы их профессиональные короли и королевы, моментально оказавшиеся в Лондоне.

Наконец, что ты, инвалид, скажешь о профессионализме французских и английских генералов да адмиралов, если у немцев было 136 дивизий, а у союзников в целом все-таки 147 и к тому же они имели восемь месяцев для подготовки отпора, однако уже 12 июня, на 33-й день битвы, генерал Вейган объявил Париж открытым городом, и 14-го немцы туда припожаловали? У тебя к союзникам никаких претензий? Или ты считаешь, что верх профессионализма — вовремя объявить столицу открытым городом? Хотя бы напомнил им, что у нас одна Брестская крепость продержалась дольше, чем их Париж, а Одесса — в два раза дольше, чем Париж, Брюссель и Амстердам вместе взятые.

А как думаешь, дружок, когда 5 декабря советские маршалы и генералы начали гнать от Москвы немецких генералов и фельдмаршалов, то за что Гитлер спешно отправил кого в отставку, кого в запас — и командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Бока (18 декабря), и главнокомандую-

щего сухопутными войсками фельдмаршала Браухича (19 декабря), и твоего Гудериана, командующего 2-й танковой группой. Не оказались ли все они профнепригодными? А с февраля 1941 года, когда мы продолжали гнать немцев на запад, по сентябрь 1942 года, когда терпел крах план захвата Сталинграда, Гитлер уволил из действующей армии еще 66 генералов. Вот сколько у него оказалось профнедотеп! А ты молчишь, тебя это не волнует...

Некоторые военачальники заслужили особого внимания автора. Вот что пишет, например, о генерале армии И.Е. Петрове: «Он был легендарным командующим хотя бы уже только потому, что один из всех командующих фронтами не был маршалом». Один из всех... Ах, Беня!.. Ну, кто тебя за язык тянет?.. Если бы речь шла о конце войны, то и в ту пору фронтами командовали Черняховский и Баграмян — не маршалы, а генералы. А Петров за неудачу в наступлении тогда был снят с командования 4-м Украинском фронтом и в апреле 1945 года назначен начальником штаба 1-го Украинского. В течение же всей войны фронтами в большинстве случаев командовали не маршалы, а как раз генералы, начиная с Жукова, Конева, Рокоссовского, первый из которых стал маршалом в январе 1943 года, второй — в феврале 1944-го, третий — в июне 1944-го. А Петр Петрович Собенников командовал Северо-Западным фронтом в звании генерал-майора. Ведь обо всем этом не трудно же было навести справку, но Сарнов так привык, после сытного обеда ковыряя в зубах, повсеместно обличать непрофессионализм и неграмотность, так обленился еще в «Пионерской правде» и так доволен собой и своими познаниями, что уже и не понимает положения, в которое ставит себя, как всезнайку.

А ведь он тут еще и антисталинскую идейную базу пытается подвести: «Петров не был маршалом не случайно. Когда фронт наступал, Сталин отстранял его и назначал другого командующего. Потому что при наступлении людские потери всегда очень велики, и Петров всякий раз доказывал, что наступление плохо подготовлено: он жалел людей. Когда

же фронт переходил к обороне (при обороне потери не так велики, как при наступлении), — командующим снова назначался Петров».

Всю эту чушь критик сморозил только для того, чтобы внушить читателю: Сталин людей не жалел! А вот я пишу об этом и, значит, жалею. Но почему Петров не стал маршалом если уж не во время войны, то хотя бы после нее или после смерти Сталина, как Баграмян, Гречко, Еременко, Москаленко, Чуйков, — этого Сарнов так и не объяснил. Мозгов не хватило? Хотя бы у Войновича занял...

* * *

На Верховного Главнокомандующего наш летописец кидается с еще большей свирепостью, чем на генералов и маршалов Красной Армии. Оказывается, слезку за Сталиным он начал еще в восьмилетнем возрасте, как только в школу пошел, а талант к этому уже прорезался. Еще тогда пришел к выводу, что вот его папа умный человек и его друзья Рабинович, Шульман тоже умные. «Но Сталин?.. Определение «умный человек» в приложении к нему я воспринимал как совершенно неуместное, неправильное, никак к нему не относящееся». Да почему же? А потому, что он «в его сапогах и полувоенном кителе, о котором папа говорил, что в нем пристало ходить в уборную, а не встречаться с иностранными дипломатами, к словословию интеллигентов явно не принадлежал». Каков вундеркинд! Но каков и папочка, который, судя по всему, имел специальный костюм для посещения уборной!

«Не последнюю роль для меня, — продолжает вундеркритик, — играл и низкий сталинский лоб». Правда, это соображение он сейчас считает «совсем уж детским». Но тем не менее пишет: «Один старый газетчик рассказал мне, что в начале 30-х годов всем газетам «сверху» было спущено специальное указание: публикуя сталинские портреты, увеличивать лоб вождя на два сантиметра». Какой старый газетчик! Где он? Как его звать? Да побойся ты Бога! И тут, как в прежних сюжетах, опять просто обираешь брата, на сей раз — Роя Медведева. Это он в

книге «Семья тирана» (Н. Новгород, «Лета», 1994) божился: «Не только художники, но и фотографы увеличивали на один-два сантиметра лоб Сталина». И ты эту чушь стащил. Но главное, тебе уже не восемь лет, а под восемьдесят, однако же твердо веришь в эту полоумную байку, словно тебе восемь.

А он еще стыдит Сталина за то, что тот будто бы не умел плавать. Допустим. Ну и что? А Гитлер, предположим, был отменным пловцом. Но 30 апреля 1945 года как нырнул в Берлине, так и не вынырнул. А кроме того, вот интересный факт. Однажды молодой Сталин прогуливался с друзьями по морской набережной в Баку. Вдруг с пирса упала в воду трехлетняя девочка. Все растерялись, мечутся, кричат: «Лодку! Спасательный круг!» Но ждать нельзя, ребенок же... И не умеющий плавать Сталин бросается в море и вытаскивает девочку. Ее звали Надя Аллилуева. Как же ей потом было не любить своего мужа-спасителя... А кто из твоих собратьев, Бенья, из этих плавающих историков, глубоководных мыслителей, двоякодышащих интеллигентов, непотопляемых брехунов способен на такое...

* * *

Но минул год, вундеркинду уже девять, и он, продолжая слезку, приходит к заключению, что в речах и докладах Сталина «набор банальностей». Допустим. Например, не их ли мы видим в докладе «Итоги первой пятилетки» 7 января 1933 года?:

«Каковы итоги первой пятилетки в четыре года в области промышленности?

Добились ли мы победы в этой области? Да, добились. И не только добились, а сделали больше, чем могли ожидать самые горячие головы в нашей партии. Этого не отрицают теперь даже враги...

У нас не было черной металлургии, основы индустриализации страны. У нас она есть теперь.

У нас не было тракторной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было станкостроения. У нас оно есть теперь.

У нас не было серьезной и современной химической промышленности. У нас она есть теперь.

У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь.

В смысле производства электрической энергии мы стояли на самом последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест.

В смысле производства нефтяных продуктов и угля мы стояли на последнем месте. Теперь мы выдвинулись на одно из первых мест» и т.д.

Какие скучные банальности! И никаких ораторских красот!..

Особенно запал в трепетную душу вундеркинда доклад Сталина на Чрезвычайном VIII съезде Советов 25 ноября 1936 года «О проекте Конституции». Отрок слушал доклад по радио, но этого показалось мало — потом еще и прочитал в газетах эти банальности. И вот что его поразило. Перед началом доклада «точно по команде раздавались возгласы: «Родному!.. Любимому!.. Вождю!.. Учителю!.. Лучшему другу!..» Открываю на странице 545 «Вопросы ленинизма» издания 1952 года, последнее прижизненное. Здесь начинается этот доклад. Приветственные возгласы действительно есть, но ни перед докладом, ни после него нет ни одного словца из перечисленных Сарновым, кроме слова «вождь». Подвела вундеркинда стариковская память. А в газете отрока поразила стенографическая помета «несмолкающие аплодисменты»: «Что значит «несмолкающие»? Ведь раньше или позже они обязательно умолкнут». Листаю текст доклада. Помет много, но, конечно же, нет ни одной — «несмолкающие аплодисменты». Ах, как жесток вундерстарец по отношению к вундеркинду...

Вывод такой: все это было фальшиво и организовано заранее. «До сих пор, правда, мне так и не удалось узнать, — пишет бывший вундеркинд, — состояли эти крикуны на штатной должности или это была общественная нагрузка. Знаю толь-

ко (прочитал в книге А.Н. Яковлева «Омут памяти»), что было у них даже специальное наименование «ответственные за энтузиазм». Зловонный яковлевский омут как источник познания жизни! До этого надо дожить...

Ну, не будем спорить с таким фанатиком истины, как Яковлев. Допустим, были организаторы аплодисментов и восклицаний. Но ведь доклад еще и 16 раз прерывался взрывами смеха всего зала. 16!.. Спроси, Сарнов, учителя Яковлева, как это-то организовывали. Да еще напхни ему, что, скажем, доклад Сталина на XVII съезде партии в 1934 году прерывался аплодисментами 48 раз, а кроме того, есть в стенограмме и такие пометы: 5 раз — «Смех», 2 раза — «Общий смех», один раз — «Общий хохот» и еще один раз — «Хохот всего зала».

* * *

А теперь открой свою книгу на 122-й странице и перечитай дневниковую запись К. Чуковского от 22 апреля 1936 года: «Вчера на съезде сидел в 6-м или 7-м ряду. Оглянулся: Борис Пастернак. Я пошел к нему, взял его в передние ряды... Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила, и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица...» Попробуй сам перед зеркалом придать своему лицу одухотворенный вид. Что у тебя получится? А разве у твоего друга Войновича было влюбленное лицо, когда он получал из рук Путина премию...

Но Чуковский продолжает: «Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали, — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — мы

все так и зашептали: «Часы, часы, он показал часы» — и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак все время шептал мне о нем восторженные слова, а я — ему, и оба мы в один голос сказали:

«Ах, эта Демченко заслоняла его!» Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью».

И ведь это дневник не колхозного бригадира Марии Демченко, знатного свекловода, а суперинтеллигентного писателя. И я не удивлюсь, если со временем откроется, что «организаторами энтузиазма» именно они с Пастернаком и были. И разве думал Борис Леонидович, что после XX съезда и доклада Хрущева он напишет стихи «Куль личности забрызган грязью...». И Сарнов — один из ее поставщиков.

Читатель может удивится: неужели автор привел в своей книге эту дневниковую запись? Зачем? А затем лишь, чтобы объявить ее «сублимацией страха». То есть со страха, мол, написал это Чуковский, может быть, даже «в расчете на чужой глаз». Если однажды посланцы НКВД нагрянули бы с обыском или арестом, Корней Иванович тотчас сунул бы им под нос дневничок, раскрыв его на нужной страничке... И тут становится предельно ясно, что нет такой ситуации, которую вундеркритик при всей его незатейливости не вывернул бы наизнанку.

* * *

Вот еще и такой факт. «За всеми этими переменами я следил с гигантским интересом». С титаническим!.. То есть слежка продолжается. Парню уже семнадцать, появились вторичные половые признаки... Пишет, имея в виду 1945 год: «Я хорошо помню, как в день победы над Японией Сталин сказал: «Мы, русские люди старшего поколения, сорок лет ждали этого дня». Тогда, услышав эту фразу, я был возмущен... Фраза Сталина, причислившего себя к русским людям старшего поколения, которые воспринимали поражение России в той войне как личную травму и сорок лет мечтали о реванше, была в моих глазах предательством».

Что сказать? Почему же так возмутила попытка руководителя страны, грузина по рождению, причислить себя к русским людям? Разве, допустим, корсиканец Бонапарт не причислял себя к французам? Разве еврей Дизраэли, будучи главой правительства Англии, не считал себя англичанином? Разве, наконец, Гитлер, родившийся и выросший в Австрии, не причислял себя к самым кондовым немцам? Это же вполне естественно. У Сталина было уж никак не меньше оснований причислять себя к основному народу страны, чем у всех названных выше, чем и у его обличителя тоже.

Но вот что самое существенное для понимания не столько Сталина, сколько Сарнова и его творческого метода. Раскрываю речь. Оказывается, Сталин сказал: «Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня». Во-первых, «старого», а не «старшего», что в данном случае гораздо точнее и еще раз доказывает: политик-грузин знал русский язык лучше, чем литератор-еврей. А главное-то, слова «русские» у Сталина нет, его наш друг просто вписал для своего удобства: чтобы было чем возмущаться. Как это называется в цивилизованном обществе, он должен знать без нашей подсказки.

Критик неутомим и неисчерпаем в своих усилиях «забрызгать грязью» или хотя бы принизить Сталина. Так, уверяет, что в 1925 году он был менее значительной и известной политической фигурой, чем нарком иностранных дел Г.В. Чичерин; что даже в 30-е годы в правительстве США не понимали, что за фигура Сталин, чем занимается, какую роль играет в стране. Ну, на каких идиотов это рассчитано!.. В то же время пишет, что после войны «величественные портреты генералиссимуса ежедневно(!) глядели на нас со страниц газет»; что «в газетах его называли Спасителем, причем это слово писалось с заглавной буквы, как если бы речь шла о Христе»; что после войны «едва ли не каждый советский фильм был о Сталине»... На самом деле, если уж ответить на последнюю чушь, о Сталине, в отличие от Ленина, не было ни одного фильма, но были фильмы «со Сталиным», а это не одно и то же.

Неоднократно поминает Сарнов великий тост Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года. Тост этот вот уже почти шестьдесят лет не дает покоя всем сарновым. Старовойтова так и погибла с проклятием ему на устах. Была уверена, что от него и пошел государственный антисемитизм. Эти странные люди ощущают сталинский тост, как шило в заднице, — пытаются вытащить, но не могут. И тогда хлопочут, как бы извратить и оболгать.

Первый раз Сарнов кидается на тост как бы с позиции интернационализма: «Воевали ведь все, не только русские. Зачем же противопоставлять один народ всем другим народам многонационального отечества». Но в тосте не было никакого противопоставления. Его первые же слова были такими: «Я хочу поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа». То есть за здоровье всего народа-победителя, но прежде всего — русского. И это естественно, ибо русские — народ государствообразующий. Если бы подобный тост захотел поднять, допустим, Черчилль, то и он, вероятно, упомянул бы о всем народе страны в целом (то есть и о шотландцах, уэльсцах, ирландцах), но прежде всего сказал бы об англичанах. И де Голль говорил бы не о корсиканцах или алжирцах, а прежде всего о французах.

Другой раз Сарнов изображает знаменитый тост еще и так:

«— У русского народа есть два замечательных качества: ясный ум и терпение.

И Сталин добавил, что другой народ давно бы уже прогнал такое правительство».

Опять вранье и опять воровство. На этот раз у своего друга Бориса Слуцкого. Тот сочинил гнусный стишок «Терпение», жульнически сведя весь тост даже не к двум «замечательным качествам», а к одному, именно к терпению:

Сталин взял бокал вина
(Может быть, стаканчик коньяка),
Поднял тост, и мысль его должна
Сохраниться на века:
За терпение!..
— Вытерпели вы меня, — сказал
Вождь народу. И благодарил.
Это молча слушал пьяных зал.
Ничего не говорил.
Только прокричал «Ура!».
Вот каковская была пора.

Такой омерзительной видится им великая пора нашей победы над фашизмом, пьяной оравой изображают они своих спасителей. А В. Войнович уверяет, что Сталин сказал и не о терпении, а о покорности народа.

На самом же деле в тот незабываемый час всенародного торжества Сталин возгласил: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкость и терпение».

Что же касается «прогнал бы», то у него речь шла не вообще, как хочет представить Сарнов, а о той драматической обстановке, «отчаянном положении», что складывались в 1941 и 1942 годах на фронте. Как уже упоминалось, иные европейские правительства при похожем положении сами бежали: польское — в Румынию, бельгийское и голландское — в Лондон, французское на шестой день сражения — в Тур и т.д.

Сарнов, конечно же, поднатужился еще и высмеять художественный вкус Сталина: «плоские, примитивные, школярские представления о природе художественного творчества»... «не очень-то умел отличать Божий дар от яичницы»... Допустим, не отличал, но интересно, а отличал ли классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе (1837—1907), который не только в своей газете «Иверия» печатал юношеские стихи Сталина, но и включил их в учебник «Родной язык» («Дэда эна»). А Сарнов, если не в юности, то сейчас что мог бы предложить из своих со-

чинений для такого учебника русского или еврейского языка? Может быть, хоть одну из главок своей книги, например, «Два столба с перекладиной»? Или — «Если бы победил Троцкий»? Или — «И подивился Тарас бойкой жидовской натуре»?

Сталин бесспорно был человеком художественно одаренным. Об этом свидетельствуют не только его юношеские стихи, но и речи. Ну, разве ты-то, ненавистник, способен хотя бы в кругу своей жены и тещи произнести речь, которая, как речь Сталина на XVII съезде, 48 раз прерывалась бы аплодисментами и взрывами хохота... (Впрочем, я лично, читая эту его книгу, хохотал 597 раз — над каждой страницей.) А речь Сталина 3 июля 1941 года, слова, которые он там нашел в трагический час истории для обращения к народу, просто не с чем сравнить в мировом ораторском искусстве.

Но и этим дело не исчерпывается. А Сталинские премии! Взять хотя бы самые первые, 1941 года. «Тихий Дон» Шолохова, фортепианный квинтет Шостаковича, «Страна Муравия» Твардовского, «Рабочий и колхозница» Мухиной, фильм «Чапаев» Васильевых — разве это не «Божий дар»? Уланова, Игорь Ильинский, Николай Симонов, Эйзенштейн — где здесь «яичница»? А вот когда «Похождения Ивана Чонкина» называют «замечательным» и «знаменитым» сочинением, то это не что иное, как попытка выдать за вкусную яичницу несъедобное варево Бог знает какой консистенции.

А история с премией Виктору Некрасову в 1946 году? Сарнов сам рассказал ее, а смысла не понял, как это с ним часто бывает. Фадеев вычеркнул Некрасова из списка лауреатов, а Сталин вписал. И что ж, ошибся? А таких случаев, когда он вопреки мнению литературных авторитетов сам принимал решение, немало. Так было, например, и с повестями Веры Пановой «Спутники», «Кружилиха».

* * *

Но вот война кончилась... Я не уверен, что Сарнов знает, чем она кончилась. Во всяком случае, в обильных рассуждениях о войне — ни слова о наших победах, о капитуляции

врага, о спасении народов Европы, а только — о неграмотности маршалов, о бездарности генералов, о своей ненависти к Верховному Главнокомандующему.

Что же заслужило наибольшее внимание автора в нашей послевоенной жизни — восстановление разрушенных городов и народного хозяйства? прорыв в космос? обретение родины статуса сверхдержавы? новые книги, фильмы, спектакли?.. Нет, прежде всего, конечно же, — антисемитизм! Причем не какой-то там подпольный. «Государственный антисемитизм постепенно поразил всю жизнь страны, проник в каждую пору государственного организма...Самым удивительным было то, что после смерти Сталина (главного, дескать, антисемита. — *В.Б.*) государственный антисемитизм набирал все большую силу, день ото дня становился все жестче и изощреннее... Тогда за всеми евреями в народе(!) утвердилось прозвище «инвалидов пятой группы»...

Жуткая картиночка!.. Но в каком народе, от лица которого так любит говорить Сарнов, утвердилось приведенное прозвище? Я лично, принадлежащий к русскому народу, узнал о прозвище только сейчас из этой книги. Так не есть ли оно изобретение самого автора или его друзей?

А какие доказательства антисемитизма, обоснования, имена, факты? О, у Сарнова их навалом. Я, говорит, этих антисемитов проклятых видел живьем, с некоторыми даже учился вместе в Литературном институте. Это кто же? Например, «со мной на одном курсе учился Алексей Марков, будущий видный в Союзе писателей антисемит, получивший за это — по аналогии с известным думским черносотенцем — прозвище «Марков Второй»...

Тут вспоминается эпизод, имевший место в 1916-м военном году в Государственной думе. Депутат из Одессы профессор Левашов сказал с трибуны, что в его Новороссийском университете в 1915 году на медицинский факультет принято 586 студентов, из них — 391 еврей, т.е. 65 процентов; в Варшавском университете, эвакуированном в Ростов-на-Дону, на юридическом факультете 81 процент евреев, на медицин-

ском — 56, на физико-математическом — 54. Вот тебе и «черта оседлости»... Но депутат Гуревич, заявив в ответ, что, дескать, все русские, желающие учиться, приняты, а больше среди них таковых нет, воскликнул: «Так что, вам нужны пустые аудитории?!» Тогда помянутый черносотенец Марков сказал: «Университеты пусты оттого, что русские молодые люди взяты на войну». Это антисемитизм?.. А.Солженицын, воспроизведя в своей последней книге «Двести лет вместе» ту давнюю перепалку в Думе, остороженько заметил: «С одной стороны, конечно, был прав Гуревич: зачем аудиториям пустовать? каждый пусть занимается своим делом. Но, так поставив вопрос, не подтвердил ли он подозрения и горечь правых: значит, дело наше не общее? дело одних — воевать, а других — учиться?» (с. 506).

Этот текст интересно сопоставить с некоторыми цифрами в другом месте книги, правда, более ранними. Так, известный в свое время адвокат А. Шмаков со ссылкой на «Правительственный Вестник» утверждал, что за время с 1876 года по 1883-й «из 282.466 подлежащих призыву в армию евреев не явилось 89.105, т.е. 31,6%», тогда как общий недобор по стране был 0,19%. В иные годы этого периода соотношение цифр было еще красноречивей. Например, влиятельная петербургская газета «Голос» 15 февраля 1881 года привела официальные правительственные данные, согласно которым в предыдущем году всего было недобрано в армию 3.309 новобранцев, из коих 3.504 еврея, что составляет 92% (с.151).

Далее сообщается, что генерал А.Н. Куропаткин, многолетний военный министр, а затем Главнокомандующий на Дальнем Востоке, писал в работе «Задачи русской армии»: «В 1904 году <когда началась война> не явившихся к призыву евреев увеличилось вдвое против 1903 года. На каждую тысячу призываемых недобор был свыше 300 человек, в то время как недобор среди русского племени составил на 1.000 всего 2 человека. Да и те евреи, что были призваны из запаса, массами бежали с пути на театр военных действий» (с. 350). Лучше бы мне не знать этих цифр. Может, все-таки ошибался Куропаткин?..

А Марков тогда в Думе добавил, что русские «должны охранять свой верхний класс, свою интеллигенцию, чиновничество, свое правительство; оно должно быть русским». Что же тут антисемитского? Ведь не было же сказано: «Вон евреев из русского правительства!..»

* * *

Алексея же Маркова я знал хорошо, мне тоже довелось учиться в одной группе с ним и Сарновым. Это был человек талантливый, веселый, озорной, известный поэт доперестроечной поры. На нашей прощальной общекурсовой фотографии в июне 1951 года мы стоим рядом. Он умер 28 августа 1992 года.

Так в чем же его антисемитизм? Может, он выступал с погромными речами — где? когда? Или бросил бомбу в синагогу? Или зарезал сарновскую бабушку? Или, наконец, ходил на демонстрации с лозунгом «Вон Лазаря Кагановича и Вениамина Дымшица из правительства СССР!» А для прикрытия своего антисемитизма дружил с Андреем Марголиным, красавцем-евреем из нашей группы, кстати, и моим другом?.. Нет, ни в чем подобным он не обвиняется. Но вот, говорит мой однокашник, однажды на экзамене по западной литературе, которую нам читал профессор Я.М. Металлов (еврей, как большинство преподавателей института), ему досталась драма Лессинга «Натан Мудрый», и Марков, будто бы драму не читавший, будто бы сказал: «Эта драма за евреев». Ответ несколько комический, но, во-первых, почему я должен верить, что он был именно таким; во-вторых, он вовсе не бессмысленный, ибо действительно эта драма за религиозную терпимость. Прав Сарнов: «Ее содержание в краткую формулу Маркова не укладывается». Да, но где же тут антисемитизм? А ведь никаких других доводов у критика нет. Или неважно ответить экзаменатору-еврею это уже антисемитизм?

Думаю, что дело тут вот в чем. У Маркова была поэма «Михайло Ломоносов», в ней речь шла и о немецком засилье

в русской наук и жизни в то время. А такие евреи, как Сарнов, принимали это на свой счет. Вот вам и Марков Второй. Впрочем, сам Владимир Жаботинский, основоположник сионизма, умный человек, однокашник Чуковского по гимназии, еще в 1909 году говаривал: «Можно попасть в антисемиты за одно слово «еврей»... Евреев превратили в какое-то табу, на которое даже самой невинной критики нельзя навести». Сарнов доказывает, что за сто лет тут ничего не изменилось.

А еще был Михаил Бубеннов, продолжает свои разоблачения знаток Лессинга, — «один из самых злостных антисемитов». Что же такого злостно-антисемитского совершил еще и этот писатель, умерший двадцать лет тому назад и тоже не прощенный братьями? Может быть, в его романах «Белая береза», «Орлиная степь», «Стремнина» выведены какие-то отталкивающие образы евреев или есть суровые мысли о них, как встречается это, допустим, в «Скупом рыцаре» или «Черной шали» Пушкина, в «Тарасе Бульбе» Гоголя, в рассказе «Жид» Тургенева, в дневниках Блока, в письмах Куприна? Нет, никаких отталкивающих образов, никаких суровостей. Может, антисемитский характер имела его статья «Нужны ли сейчас литературные псевдонимы» (Комсомольская правда. 27.2.1951)? Конечно, при желании это легко истолковать как антисемитизм, ибо псевдонимами больше всего пользуются евреи. Но ведь Бубеннов тут не одинок, многие открыто выступают против псевдонимов. Может, антисемитской была его резкая статья о романе «За правое дело» Василия Гроссмана (Правда. 13.2.1953)? Конечно, при очень большом желании ее можно представить именно так, ибо Гроссман — еврей. Но ведь сколько евреев писали разносные статьи о писателях русских. Например, Марк Щеглов — о «Русском лесе» Леонова, или Зиновий Паперный — о Кочетове, или Михаил Лифшиц, который громил не только Александра Дымшица да Мариэтту Шагинян... Во всяком случае, надо иметь в виду, что если злоба критика на Буденного за статью против «Конармии» брата Бабеля не остыла за 75 лет, то ведь здесь дело гораздо свежее — ему всего 50.

Но никаких фактов, хотя бы упоминания двух названных статей, у Сарнова опять нет. Вместо доказательных доводов он рассказывает байку о том, как М. Бубеннов однажды поспорил с приятелем, таким же, мол, злостным антисемитом: «Уж не знаю, чего они там не поделили. Может быть(!), это был даже принципиальный спор. Один, может быть(!), доказывал, что всех евреев надо отправить в газовые камеры, а другой предлагал выслать их на Колыму или, может быть(!), в Израиль». Значит, сам критик при ссоре, как и при экзамене Маркова, не присутствовал, от кого узнал о ее характере, неизвестно, главный и единственный довод у него — «может быть». Этого ему достаточно, чтобы объявить покойного писателя антисемитом. Право, тех, кто пользуется такими доказательствами для грязных целей, я, может быть, сослал бы на Колыму.

А коли антисемит, то можно лгать и клеветать сколько угодно. Например: «Один писатель-фронтовик рассказал мне, что Бубеннов кинул ему однажды такую реплику: «Вам легко писать военные романы. А вот мне-то каково: я на фронте ни одного дня не был». Кто же этот «один писатель»? Молчок. Оклеветал, и концы в воду. Так вот, любезный, рядом с полученным от меня портретом Буденного с Георгиевскими крестами повесь у себя над столом выписку из справочника «Писатели России — участники Великой Отечественной войны»: «Бубеннов Михаил Семенович (21.11.1909 в с. Второе Поломощново Алтайского края — 03.10.1983, Москва). Член СП с 1939. С марта 1942 — командир стрелковой роты 88-й стрелковой дивизии 30-й армии (с 16 апр. 1943 — 10-й гвардейской армии) Западного, 2-го Прибалтийского, Ленинградского фронтов. Старший лейтенант. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и др.». Справочник «Русские писатели XX века» уточняет: Бубеннов кончил войну корреспондентом дивизионной и армейской печати, что вполне естественно для человека, пошедшего на войну членом Союза писателей.

Итак, антисемиты на «А» и на «Б» уже разоблачены. У Сарнова они есть, пожалуй, на все буквы алфавита, но копать

в них скучно и утомительно. Ограничимся еще лишь одним: «Смирнов Василий Александрович — известный прозаик, более, впрочем, известный как ярый антисемит... Он свою нелюбовь к евреям не просто не скрывал: он ею гордился. Он был самым искренним, самым горячим и самым последовательным проводником государственной политики антисемитизма. Можно даже сказать, что он был ее знаменосцем. В полном соответствии с этой ролью он был тогда главным редактором журнала «Дружба народов».

И что же вытворял в журнале знаменосец — печатал антисемитские вещи? Назови! Сарнову и тут сказать нечего. А я работал журнале с В.А. Смирновым и видел своими глазами, какой там процветал антисемитизм. Ответственным секретарем была Людмила Григорьевна Шиловцева, завредакцией — Серафима Григорьевна Ременик (дочь писателя Герша Ременика), в отделе прозы работали Лидия Абрамовна Дурново, Евгения Борисовна(?) Усыскина, Валерия Викторовна Перуанская, отделом публицистики заведовал Григорий Львович Вайспапир, его заместителем был Юрий Семенович Герш, в корректуре работали Лена Дымшиц, Наташа Паперно, — кто тут русский? Кроме того, отделом поэзии заведовала Валентина Дмитриева, жена Леонида Лиходеева (Лидиса), корректор Рита Кокорина тоже была замужем за евреем. Не обошлось и без тех, что с большой «прожидью», как любит выражаться Сарнов: Владимир Александров, Альберт Богданов. Я заведовал отделом культуры, сменив здесь ушедшую, кажется, в «Искусство кино» Зою Георгиевну Куторгу. Среди моих авторов, в том числе постоянных, евреев было немало — Александр Канцедикас из Литвы, Ада Рыбачук из Киева, москвичи Григорий Анисимов, Светлана Червонная, Миля Хайтина, а цветные вклейки в журнале делал фотограф Фельдман, кажется, Илья Львович. Как же мог знаменосец антисемитизма работать в таком плотном окружении евреев и притом гордиться? Или он хоть кого-нибудь из них уволил? Или не печатал кого-то? Да, хорошо помню, что он решительно отклонил повести талантливых русских писателей Николая Евдокимова и Николая Воронова.

И ведь такой национальный состав редакций московских журналов и газет, как и обвинения некоторых из них в антисемитизме, весьма типичны. Как обстояло дело, допустим, в «Новом мире»? Богатую пищу для размышлений об этом дает запись в дневнике, сделанная Твардовским, тогда главным редактором: «Вообще эти люди, все эти Данины, Анны Самойловны, вовсе не так уж меня самого любят и принимают, но я им нужен как некая влиятельная фигура, а все их истинные симпатии там — в Пастернаке и Гроссмани — этого не следует забывать. Я сам люблю обличать и вольнодумствовать, но, извините, отдельно, а не в унисон с этими людьми».

Увы, слишком часто по своей великоросской кротости Твардовский забывал все это... Упомянутые в записи Даниил Семенович Данин (Плотке) и Анна Самойловна Берзер — многолетние сотрудники «Нового мира». Оба они не так давно умерли. Берзер работала в отделе прозы. Это ей Лев Копелев передал рукопись «Одного дня Ивана Денисовича», а она изловчилась безо всяких посредников вручить ее самому Твардовскому. «И пошла всходить звезда Солженицына», как пишет Инна Борисова, сослуживица Берзер, в предисловии к ее публикации «Сталин и литература» («Звезда» № 11 '95).

В этой публикации есть один небольшой фрагмент, очень выразительно характеризующий Асю, как ее звали в редакции. Защищая Демьяна Бедного, которого ценила едва ли не выше, чем Твардовского, от критики его Сталиным за антипатриотические фельетоны «Слезай с печки» и другие, она пишет: «стараясь хоть как-то выразить сочувствие поэту, я, напрягая память, вспомнила, как когда-то все вокруг пели его песню «Проводы». Приведу по памяти запомнившиеся строки:

Как родная мать меня провожала,
Тут и вся моя родня набежала:
«Ах, куда ты, паренек, ах, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты.

В Красной Армии штыки, чай, найдутся.
Без тебя большевики обойдутся...»

Что тут описано? Родня уговаривает парня не идти в армию, чтобы вместе с большевиками защищать родину. Дело-то происходит во время Гражданской войны и интервенции. И вот об этих-то уговорах Берзер пишет с похвалой: «Живые слова, как бы вырванные из реальной жизни». И она всю жизнь помнит их. А дальше вот что: «Но после правдивых причитаний родных и близких следовала длинная, идейно-выдержанная речь самого героя, которая разбивала заблуждения родни. Из нее я не запомнила ни слова, хотя ее пели всюду — от начала до конца». В чем дело? Почему эта речь так ей отвратительна, что не осталось в памяти ни слова. Да потому что вот как парень отвечает родне:

Если были б все, как вы, ротозеи,
Что б осталось от Москвы, от Расеи? — и т.д.

Словом, от патриотизма даже далеких времен у интеллигентной Аси и теперь с души воротило. Вот с какими сотрудницами приходилось Твардовскому делать журнал. Но еще хорошо, что он знал, кто есть кто. А ведь как часто другие либо не знали, либо не придавали этому вопросу никакого значения. В. Ганичев пишет: «Юрий Щекочихин обвинил меня в том, что я стал проводить в «Комсомольской правде» политику расовой чистки и антисемитизма. Поэтому он и ушел отсюда. Я встретил его недавно в Думе и говорю: «Юра, а я и не знал, что ты еврей». Он смутился и сказал, что ему вообще не нравится моя линия».

А Константин Ваншенкин напечатал как-то в «Клубе 12 стульев» на 16-й странице «Литгазеты» изящные миниатюры, озаглавленные им «Забавные истории». Но так ли уж много там забавного в отношении как евреев, так и русских? Например, Ария Давидовича Ротницкого, долгие годы исполнявшего, увы, горькие, но необходимые обязанности главного похо-

ронщика Союза писателей, автор изобразил круглым идиотом. Судите сами: «Когда хоронили Багрицкого, который, страдая тяжелой астмой, умер от удушья, А.Д. обращал внимание многих на выражение лица покойного, объясняя, сколь сложной была работа лучшего московского специалиста посмертного массажа, приглашенного им». А парикмахер ЦДЛ Моисей Михайлович Маргулис предстает в облике подхалима и хама: «Вот в его клетушечку заглядывает сам Фадеев.

— Садитесь, Александр Александрович! — радостно восклицает парикмахер.

— Куда же я сяду? — удивляется Фадеев. — У вас же человек!

— Где человек? Какой человек? — спрашивает М.М., незаметно толкая в спину своего клиента, бедного стихотворца.

Очередь за раскрытой дверью посмеивается».

Чему ж тут смеяться, когда лакей явно в расчете на хорошую подачку выталкивает недостриженного или недобритого «бедного стихотворца» ради «богатого» начальника вне всякой очереди?

Тут же забавненькая байка и обо мне лично: «После войны в Литературном институте преподавал профессор Павел Иванович Новицкий, старый большевик и одновременно(!) интеллигент... Шло партийное собрание. На трибуне студент Владимир Бушин.

Он говорил о бдительности и о том, что она у нас не на должной высоте. На кафедре марксизма-ленинизма, говорил он, висит портрет Ленина. Но это не портрет Ильича. Это портрет артиста Штрауха в гриме Ленина. Вот до чего может доходить близорукость.

И вдруг из зала раздался хорошо поставленный бас Новицкого:

— Вы это говорите потому, что думаете, будто Штраух еврей. А он не еврей.

Бушин сбился, растерялся.

— Нет, — ответил он, — я говорю не потому, что так думаю...

Потом помолчал и спросил Новицкого:

— А что, Штраух действительно не врей?

Зал, как говорится, лег».

Истории этой, судя по рассказу Ваншенкина, полвека с лишним. И едва ли 80-летний стихотворец будет настаивать, что именно так в точности все и было, что зал, как говорится, лег и долго не мог подняться и т.п. Но даже теперь не могу не заметить вот что. Во-первых, если бы на кафедре марксизма, допустим, была развернута фотовыставка «Образ В.И. Ленина в советском кино», то среди других фотографий, конечно, могла, должна бы висеть и фотография Штрауха в роли Ленина. Но если она красовалась в кабинете одна, то это явная нелепость, несуразица, на что, конечно же, следовало обратить внимание. Во-вторых, откуда Новицкий знал, что я думал, т.е. имел в виду не эту нелепость, а еврейскую подоплеку? В-третьих, Костя, такой мракобес, каким ты меня изображаешь, не мог и мысли допустить, что роль вождя мирового пролетариата после русского Бориса Васильевича Щукина доверили играть еврею. Иначе говоря, я просто не задумывался, кто по национальности Максим Максимович Штраух, как не задумывался и о том, кто по национальности ты, Костя. Но если бы меня тогда спросили, я бы ответил: «Штраух? Конечно, русский. Может быть, из давным-давно обрусевших немцев. Ваншенкин? Русак! Из перерусских русский. Не случайно и женился на Инне Гофф». Наконец, прочитав твою байку в «Литгазете», мне позвонил мой старый товарищ по Литинституту М.Ш. и сказал : «Кафедра марксизма у нас, конечно, была, но своего кабинета она не имела. Где же висела фотография Штрауха в роли Ленина?» Мы посмеялись...От первого щелка отшибло память у старика...

* * *

А может ли Сарнов назвать конкретных людей, ставших жертвами зверского советского антисемитизма? Конечно! Вот, говорит, хотя бы мой друг Гриша Свирский. Он писал: «Меня

не утвердили в должности члена редколлегии литературного журнала, потому что я еврей». Что ж, в принципе это могло быть. Один такой факт мне тоже известен достоверно. В 70-х годах в «Литгазете» работал М. Синельников. Его должность предполагала членство в редколлегии, но Александр Чаковский, тогда главный редактор газеты, пообещав через какой-то срок ввести Синельникова в редколлегию, что-то тянул время, и прошли все сроки. Тогда Миша поставил вопрос ребром: или редколлегия, или я ухожу. И вот, как он рассказывал, Чаковский ему признался: «В руководстве газеты столько евреев, Миша, что не могу я ввести в редколлегию еще одного. Перебор! Газета превращается в орган московских евреев». Миша был человек гордый, он ушел из «Литгазеты» в «Литературу и жизнь».

Вот такая внутриеврейская антисемитская история, и время, и действующие лица которой, и место происшествия известны. А что за «литературный журнал», где не утвердили Свирского? Кто именно не пожелал видеть его в редколлегии? Когда это было? Бог весть!.. Я Свирского знал. Писатель он небольшой, ныне забытый, а скандалист выдающийся. Так не резоннее ли предположить, что именно по этим причинам или из-за помянутого «перебора» его и не ввели в редколлегию какого-то таинственного журнала? Уже давно он живет в Израиле. А главное, какой же это государственный антисемитизм, если виновником неутверждения еврея в должности мог быть всего один человек — главный редактор журнала, который, разумеется, мог оказаться лично и антисемитом.

Кто еще жертва? Оказывается, Борис Слуцкий. Он «испытал все прелести политики государственного антисемитизма». И — ни единого прелестного факта! Да и где их взять? Провинциальный юноша поступает в столичный юридический институт. Не понравилось — через два года перешел в Литературный, который успешно закончил. Вступил в партию. На фронте был сперва военным следователем, потом политработником. Награжден тремя орденами, дослужился до майора, вернулся в Москву. На литературном пути ему содействовали, о нем

писали такие мэтры, как Антокольский, Эренбург, Светлов, Симонов, Самойлов, знаменосец Евтушенко... Обо мне, например, из них писал только этот знаменосец, причем совсем не ласково. Ну, конечно, были у поэзии Слуцкого и противники. Вспоминаю статью Сергея Григорьевича Острового «Дверь в потолок», напечатанную в «Литгазете». Но это уж очень трудно отнести к прелестям антисемитизма...

А вот еще кошмарная судьба Владимира Войновича, тоже друга Сарнова и упомянутой Аси Берзер. В рахитичной статейке «Фашисты и коммунисты в одном строю» (это любимая мысль и Бенедикта Михайловича), напечатанной в «Литгазете» (№52'98) он писал: «Бытовой антисемитизм присутствует всюду — в какой стране мира не рассказывают анекдотов о евреях». Боже мой, да у нас больше рассказывают о чукчах, но они же не шумят об античуклизме. А сколько анекдотов о Чапаеве, о Петьке и Анке? Есть они и в книге Сарнова. Дальше: «Можно ли говорить о вине СССР перед евреями?» Подумал бы лучше, можно ли молчать о долге евреев перед СССР. Хотя бы за спасение миллионов во время Отечественной войны, не говоря уж о создании государства Израиль, куда потом укатили сотни тысяч спасенных, — он не появился бы на карте мира без энергичного содействия СССР и лично Сталина. Дальше: «У нас, слава Богу, не было холокоста». Пронесло, дескать. И как язык поворачивается!.. «Но, безусловно, были совершены прямые преступления против евреев, вспомните «дело врачей», расстрелы еврейской интеллигенции». Во-первых, в «деле врачей», где были и русские, никто не пострадал. Во-вторых, расстрелы евреев? А кто были по национальности Павел Васильев, Николай Клюев, Николай Вавилов, — евреи? А кто по национальности хотя бы Троцкий и Ягода, творившие расправы главным образом над русскими?

Но идем дальше: «Я уж не говорю о «чистоте кадров», когда во всех ведомствах следили, чтобы у сотрудников пятый пункт был в порядке». Не во всех ведомствах, но в некоторых за этим действительно следили. И правильно делали, ибо, как сейчас обнаружилось, у множества евреев оказались родст-

венники за границей, а в иных «ведомствах» это крайне нежелательно. Такие «ведомства» есть во всем мире. Взяли бы на работу в Госдепартамент США человека, имеющего тетю в Саратове? А о чем-то говорит и тот факт, что сотни тысяч советских евреев, как уже сказано, при первой возможности сами рванули за бугор? Например, в адресном справочнике московских писателей 2000 года, приведен список недавно уехавших. В нем 70 имен, больше половины — еврейские от Аксельрод до Шнитцер.

А какие у Войновича доказательства дискриминации «по пятому пункту»? Оказывается, тут у него личный горький опыт: «Меня в Литературный институт в свое время не приняли потому, что в приемной комиссии решили, что моя фамилия еврейская, хотя она сербская (моя мать еврейка, но в институте этого не знали)». Тут уже действительно пахнет госантисемитизмом, ибо будущий путинский лауреат оказался жертвой не одного человека (главного редактора, как Свирский), а приемной комиссии института. Но откуда же Войнович узнал, что его не приняли именно как еврея? Да неужели в приемной комиссии ему так и сказали: «У нас идеологический вуз, евреев не принимаем. Иди в пищевой». Или его Свирский надомнил?

* * *

Сарнов рассказывает, как некий князь в свое время обратился к директору какой-то московской гимназии с просьбой принять мальчика Борю Пастернака. И получил такой ответ: «Ваше сиятельство!

К сожалению, ни я, ни педагогический совет не можем ничего сделать для г. Пастернака: из 345 учеников у нас уже есть 10 евреев, что составляет 3%, сверх которых мы не можем принять ни одного еврея, согласно Министерскому распоряжению... К будущему августу у нас освободится одна вакансия для евреев, и я от имени педагогического совета могу обещать предоставить ее г-ну Пастернаку».

Документик несколько сомнительный: ни имени директора, ни номера гимназии, ни даты... Но никто не отрицает, что была процентная норма для евреев как одна из особенностей дореволюционной жизни. И важно заметить, что, по убеждению Сарнова, эта жизнь была «гораздо более нормальная, чем советская», несмотря на то, что тогда норма была 3%, а в советское время... Но об этом дальше.

Здесь можно добавить вот что. Летом 1946 года я тоже получил от приемной комиссии Литературного института отказ. А ведь у меня, русского, были большие преимущества перед Войновичем: я пришел не со школьной скамьи, а с фронта, имел боевые награды, уже печатался... Но я по своей национальной кротости не стал вопить о русофобии в институте, а послал свои публикации его директору Федору Васильевичу Гладкову, и вскоре получил телеграмму: «Вы допущены к экзаменам».

Но Сарнов беспощаден в изобличении того, как антисемитизм поразил всю жизнь и проник в каждую пору: «Академик Понтрягин и другой знаменитый математик, ставший впоследствии крупнейшим идеологом антисемитизма, — Игорь Шафаревич у себя там, на математическом факультете МГУ, установили такую систему экзаменов, что не имел шанса просочиться даже абитуриент с самой микроскопической прожидью. Эта их система была куда более совершенной, чем жалкие «нюрнбергские законы» их педантичных немецких коллег». Легко и бесстыдно ставит покойного академика Понтрягина и его ученика на одну доску с немецкими фашистами. Хоть бы принял во внимание, что «жалкие» нюрнбергские законы беспощадно запрещали не только браки между евреями и немцами, но и внебрачные половые отношения между ними. А ведь Сарнову никто не помешал жениться на украинке. При некоторой фантазии можно допустить, что он имел внебрачные отношения с представительницами и других 127 наций и народностей СССР, включая чукчей. И тоже безнаказанно!..

А между тем, Л.С. Понтрягин, как известно, с тринадцати лет был слепым, и уже по одному этому не мог иметь никако-

го отношения к «системе экзаменов» с предварительной проверкой на «прожидь». Не имел к ней отношения и И.Р. Шафаревич. Экзамены — дело администрации, а оба академика к ней не принадлежали. Тем более что работали в Математическом институте Академии наук.

С какой же стати кинулся Сарнов хотя бы на первого из них? Дело скорее всего вот в чем. В воспоминаниях Лев Семенович писал об одной своей аспирантке: «Она меня совершенно поразила... Жаловалась мне, что в текущем году в аспирантуру принято совсем мало евреев, не более четверти всех принятых. А ведь раньше, сказала она, принимали всегда не меньше половины». Этих строк вполне достаточно, чтобы Сарновы на всю жизнь возненавидели, как фашиста, знаменитого ученого и мученика, лауреата Сталинской (1941) и Ленинской (1962) премий, Героя Социалистического Труда (1969), гордость русской науки. А ведь данные, приведенные аспиранткой, стоят в одном ряду с цифрами, которые мы уже знаем.

И треп о недоступности для евреев МГУ, вообще высшего образования продолжается: «Тут я мог бы рассказать тьмутьмущую разных историй. Но расскажу только одну, услышанную от одной моей близкой приятельницы». Уже были «один старый газетчик», «один журнал», «один писатель» и вот — «одна приятельница», еврейка. Да что мешает теперь-то называть имена? Ведь это все по нынешним временам либо бесстрашные герои, либо страдальцы тоталитарного режима. Нет, он на всякий случай промолчит.

И вот: «Сын приятельницы обнаружил выдающиеся математические способности и, естественно, хотел поступить на математический факультет МГУ. Тщетно все знакомые твердили, что это совершенно безнадежное предприятие, для евреев — даже для подозреваемых в слабой причастности к «пятому пункту» — там установлен совершенно непреодолимый барьер. (Дело было в середине 1970-х.) Но приятельница на все эти уговоры не поддалась и решила предоставить своему выдающемуся мальчику возможность схватиться врукопашную с могучей ядерной державой». Кто были эти уговорщи-

ки? Надо полагать, евреи. Это не удивляет. Удивительно другое: почему 17—18-летний парень именуется мальчиком, а мать решила ему «предоставить возможность»? Не только в середине 70-х, но и гораздо раньше выпускники школ решали этот вопрос, за редким исключением, сами. Я, например, поступал в шесть вузов, и всегда принимал решение вполне самостоятельно.

Но как бы то ни было, а малый ринулся в рукопашную схватку с ядерной сверхдержавой. И что же? «Выдающийся мальчик это сражение, конечно, проиграл, хотя из всех задач на экзамене не решил, кажется, лишь одну знаменитую теорему Ферма». Что ты лепечешь, Бенья!.. Во-первых, теоремы не решаются, а доказываются, — ты же за точность языка. Во-вторых, это не просто знаменитая, а Великая теорема Ферма. Над доказательством сей теоремочки, сформулированной в XVII веке, бились Эйлер, Гаусс, Дирихле, Лежандр, Племель, Ламе, Лебег, Луивиль, но в общем виде она не доказана до сих пор. А ты мне про своего выдающегося еврейского мальчика... Да ведь если бы он доказал эту теорему, то немедленно получил бы 100 тысяч марок, которые немецкий математик Вольфскель, умерший в 1907 году, завещал тому, кто даст полное доказательство теоремы. И тогда зачем еврейскому мальчику МГУ, он мог бы укатить за границу и открыть свою газету... Словом, Великая теорема Ферма это столь высокая научная материя, что она не может быть предложена на экзаменах школьнику. Если уж ты среди «кубиков» и «шпал» запутался, то хоть на сей раз справочку навел бы, прежде чем удариться во все тяжкие.

К слову сказать, моя дочь, в которой нет ни грамма «прожиди», тоже с первого захода не прошла в МГУ. Но через год она ринулась второй раз в рукопашную схватку с ядерной сверхдержавой и одолела ее.

Так был ли мальчик-то выдающийся? А если был, то что с ним потом произошло? Поступил он все-таки или нет? Молчание... Это излюбленный прием Сарнова: ошарашить ужасающей историей, а чем она закончилась — утаить. Живописует, например, как его в Литинституте исключили из комсомола

(теперь-то ясно, что совершенно справедливо). Уверяет, что делом занимался — представьте себе! — «сам Жданов», что «близка была тогда разинутая пасть ГУЛАГа», что он «чуял уже ее зловонное дыхание, спинным мозгом ощущал смертельную опасность». И что же в итоге? Довольно скоро ЦК ВЛКСМ отвел «смертельную опасность» — восстановил Сарнова в комсомоле, институт он окончил в тот же год, что и все однокурсники, а вместо зловонного ГУЛАГа попал в члены благоуханного жюри ЦК по комсомольским премиям. Но обо всем этом — ни звука. Можно подумать, что, ободрав всю кожу, едва вырвался из разинутой пасти.

* * *

Пообещав рассказать «только одну» историю о живодерстве в МГУ, Сарнов не удержался и поведал вторую, еще более ужасную. На сей раз о русском мальчике да еще из Сибири, тоже «выдающемся математике». «Он был просто раздавлен, изо дня в день наблюдая, как прославленные профессора сладоустрастно топят одного блистательного абитуриента за другим, не жалея ни сил, ни времени, тратя по пять часов на каждого». Профессионал, ну, во-первых, каким образом твой новый вундеркинд мог изо дня в день сидеть на чужих экзаменах? (Тем более что ему надо было готовиться к собственным.) Кто бы ему разрешил это? Во-вторых, ну, кто тебе поверит, что прославленные профессора, т.е. люди пожилые (если Л.С. ПонTRYгин, то ему было тогда под семьдесят) тратили на каждого поступающего по пять часов, чтобы завалить! Да и зачем? Ведь это можно гораздо быстрее. Наконец, чего же хотели «прославленные», если безжалостно топили и евреев, и русских, и всех «блистательных» без разбора? Кого они в таком случае принимали — только чукчей, что ли, и притом — тупых? «Несчастный русский мальчик не знал, какая играется тут игра». И я не знаю, хотя давно не мальчик. А ты сам-то знаешь?

Впрочем, твой второй вундеркинд, оказывается, до экзамена не дошел, но «убедившись, что такой экзамен ему нипочем

не выдержать, он забрался на самый высокий этаж прославленного Московского университета и кинулся вниз». Как жаль, что не прихватил с собой некоторых московских сочинителей...

«Если бы это случилось с еврейским мальчиком, — просвещает нас автор. — Что ж! Еврейскому мальчику это на роду написано. И эта история была бы настолько банальной, что мне даже в голову не пришло бы о ней рассказывать. Мало ли было таких историй!» Вот кошмар-то! Еврейским мальчикам, оказывается, на роду написано сигать с верхних этажей высотных зданий, знать, специально построенных для этого в Москве антисемитом Сталиным.

И опять: «Да, историй о наглой, подлой, гнусной дискриминации школьников-евреев, тщетно пытавшихся поступить в разные советские вузы, мне приходилось слышать множество. И были среди них совершенно чудовищные!»

Но как же так? Такие жуткие преграды, такая вопиющая несправедливость, а вот цифры: в нашей стране 68% евреев имеют высшее образование, а еще 8% — незаконченное высшее, т.е. они поступали, были приняты, но по каким-то причинам прервали, не завершили учебу. Таким образом, всего в вузы было принято 76% евреев, а вместе с принятыми в техникумы — 90. Цифры эти нам сообщили не антисемиты Марков, Бубеннов или Смирнов с того света, а живая товарищ Рывкина Раиса, кажется, Ивановна, доктор, профессор из Академии наук, сотрудница знаменитой Заславской Татьяны, кажется, Ивановны, академика. Эти цифры — из ее книги «Евреи в постсоветской России: кто они?» (М., 1996). Надо полагать, Сарнов уверен, что евреев не только душат на пороге вузов, но и тем из них, которым все же удастся проскользнуть и получить высшее образование, дальше не дают никакого хода. Но вот еще одна поразительная цифра: в 1982 году число докторов наук среди евреев в процентном отношении было в 17,5 раза больше, чем среди русских.

Да вот же и наперсный дружок Войнович признает в своей последней книге, что когда он работал на радио, в его редакции «не меньше, чем половину составляли евреи и полу-

кровки вроде меня» (с. 213). Не меньше, а может, и больше. И нет никаких сомнений — все с высшим образованием.

Разумеется, у евреев есть очень красивое объяснение этих удивительных, ни в одной другой стране невозможных цифр. Так, С. Кара-Мурза приводит слова философа Д. Фурмана: «Несмотря на все препоны, создававшиеся советским антисемитизмом, на ограничения при приеме во все вузы и просто невозможность для евреев поступить в некоторые, наиболее престижные из них, евреи значительно, на порядок образованнее русских, что объяснимо лишь громадной, преодолевающей все препоны тягой к образованию». Значит, философ признает, что свою громадную тягу евреи удовлетворяют не путем, скажем, домашнего образования, а в вузах. Но как же все-таки они туда проникают, если везде ограничения, всюду препоны, кругом заслоны? У меня, например, всю жизнь была громадная тяга стать оперным певцом, но там же перед безголосыми железный заслон, и мне прорваться не удалось. А евреи?..

Самый престижный в стране вуз это, конечно, Московский университет. Я там, к сожалению, не учился, но вот что пишет Ст. Куняев: «Смотрю на громадное фото нашего выпускного курса 1957 года, читаю фамилии, вглядываюсь в лица и понимаю, что не менее сорока студентов из двухсот двадцати, поступивших на первый курс филфака, были евреями... Судя по сегодняшним стенаниям борщаговских и рыбаковых, в те годы государственный антисемитизм якобы достиг такого накала, что легче было верблюду пролезть сквозь игольное ушко, нежели бедному еврейскому отпрыску войти под своды главного храма науки... А тут почти двадцать процентов — еврейские юноши и девушки!»

* * *

Литературный институт по-своему не менее престижный вуз, чем МГУ. Вот и передо мной старая фотография. 1950 год. Во дворе Литинститута на его фоне стоят по дуге в два ряда студенты этого года выпуска. В центре — Константин Симо-

нов, он был в тот год председателем экзаменационной комиссии. С левого края во втором ряду с папиросой в руке — проректор В.А. Смирнов, тот самый знаменосец антисемитизма. Кто же рядом со знаменосцем? Слева — Гриша Хейфец (Куренев); справа — Володя Шорор, Костя Левин, Володя Корнилов (по выражению Сарнова, «полтинник»), Сережа Файнберг (Северцев); впереди — П.Г. Печалина, Инна Гофф, Берман (забыл имя). Все славные ребята, но ведь нарочно не придумаешь такое окружение для знаменосца... А всего на снимке 24 человека, из них 12 евреев (13-й — Александр Шендерович-Ревич — отсутствует), 1 аварец, 1 армянка, 2 украинца и 8 русских. Восемь!.. То есть евреев 50 процентов, а русских — 33. Вот какие антисемитские цифры нас преследуют. А ведь Смирнов был и проректором, и завкафедрой творчества и секретарем парткома института, т.е. имел большую власть и мог бы многое сделать для оправдания клички знаменосца, данной ему Сарновым. И что же, пользуясь ею, он препятствовал приему евреев? губил их дипломы? изгонял преподавателей евреев? Да ведь там при нашей русской кротости такая была «прожидь», что сопоставима разве лишь с прежней поликлиникой Литфонда да с нынешним телевидением. А право жаль, что кое-кого Смирнов, если бы мог, не сослал в кандалах на Колыму. И между прочим, вспоминаю, что два таких небезызвестных русака, как поэт Василий Федоров и автор этих строк, за свои дипломные работы получили у Смирнова тройки. По отношению к Федорову это была вопиющая несправедливость.

Вот бы и Сарнову вместо рассказа о «чудовищных историях», неизвестно когда и с кем происшедших, посмотреть на студенческие фотографии, вспомнить нечто вполне конкретное и документально достоверное. Например, как сам он в 1946 году поступал в Литературный институт. Большинство поступавших были только что вернувшиеся с войны солдаты и офицеры, многие уже печатались, а он, по собственному выражению, «желторотый юнец» — вчерашний школьник, еврейский мальчик, возросший у Елисеевского магазина, и за спиной — никаких литературных деяний, кроме школьных сочинений о Татьяне Лариной и «лишних людях». Однако же —

приняли!. Правда, был он жутко начитанный. Помню, Л.Н. Галлицкий в рассказе о каком-то рыцарском романе употребил слово «гульфик». На всем курсе никто не знал, что это такое. Беня объяснил нам на перемене...

Всего за пять лет через наш курс вместе со студентами-иностранцами и теми, кто внезапно появлялся и внезапно исчезал, прошло 37 человек, но в 1946 году нас было принято 25 честолюбцев. И среди 25-ти не только этот милый Сарнов, а также Фридман, Иоффе, Шлейман, Нидерле, Сорин, Марголин — кто тут не еврей? Поскольку Бенедикт уверяет, что в приемных комиссиях выискивали и душили на пороге вузов даже тех, кто «с самой микроскопической прожидью», то можно назвать еще Винокурова, Коршунова, Друнину, Поженяна — у них матери еврейки, позже двое первых и сами женились на еврейках, а Друнина, разведясь с Николаем Старшиновым, стала женой известного Каплера. Видимо, это и привело ее в 1991 году в ряды ельцинистов — защитников «Белого дома»... Так сколько же получается вместе с «прожидью»? Одиннадцать человек. Да ведь это 45 процентов! И мы в великорусской кротости своей не протестовали. Признаюсь, что у меня лично с одним из них на последнем курсе произошел острый конфликт, а с остальными и в институте и после были самые добрые, даже дружеские отношения: с Андреем Марголиным после первого курса — впервые в жизни! — ездили вместе туристами на Кавказ, Женю Винокурова позже я возил в свою деревню, у Люды Шлейман в Фурманном переулке частенько собирались мы почитать стихи и погудеть. Правда, однажды я ее ужасно напугал. Утром в день экзамена по старославянскому языку она получила телеграмму: «Зрю сквозь столетия: двойку обрящешь днесь. Феофан Прокопович». Получив четверку, Люда показала телеграмму экзаменатору, В. Д. Левину. Тот спросил, кто мог ее послать. Люда ответила: «Скорей всего Бушин». Виктор Давидович сказал: «Передайте ему, что он может не приходить на экзамен. Я ставлю ему в ведомости пятерку...» Милые мои друзья прекрасной советской молодости, незабвенные наши профессора... Пошли вам Бог вечный покой и благодать... Как сказал Женя Винокуров,

Я не решаю сложную задачу,
Глубинную загадку бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне! Просто плачу я...

Вот и сопоставь, Беня: 3 процента евреев-гимназистов в обожаемое тобой царское время и в 15 раз больше студентов при советской власти, проклинаемой тобой. Это тоже вина СССР перед евреями?.. Из приведенных цифр поступающих в вузы евреев (20 — 44 — 50 процентов) выросли цифры их высокой образованности: 68 — 76 — 90 процентов. И не только это... 24 марта 1953 года три секретаря Союза писателей СССР А. Фадеев, А. Сурков и К. Симонов направили в ЦК КПСС письмо «О мерах секретариата Союза писателей по освобождению писательской организации от балласта». Уж они-то знали проблему. И вот — допекло всех троих... В письме говорилось: «Из 1102 членов Московской писательской организации русских — 662(60%), евреев — 328(28,9%), украинцев — 23 человека, армян — 21, других национальностей — 67 человек». Как видим, соотношение русских и евреев в русской столице 2:1. В чем дело? С одной стороны, в приведенных выше цифрах, в частности, цифрах студентов Литинститута. Но не только. У трех секретарей было и свое объяснение: «Такой искусственно завышенный прием в Союз писателей лиц еврейской национальности объясняется тем, что многие из них принимались не по литературным заслугам, а в результате сниженных требований, приятельских отношений, а в ряде случаев и в результате замаскированных проявлений националистической семейственности» («Независимая газета», 29,1X. 2000).

* * *

Но наш мемуарист никак не хочет отлипнуть от alma mater как цитадели государственного антисемитизма и сообщает нам вот что: «В Литературном институте на одном курсе со мной учился студент С., обладавший ярко выраженной ев-

рейской внешностью. Такой еврейский нос, как у него, можно было встретить нечасто. И вот однажды другой студент, без всякого к тому повода, ну, просто так, ни с того, ни с сего, с криком «Жидовская морда!» врезал кулаком по этому выдающемуся еврейскому носу. Хлынула кровь. Драчуна оттащили, пострадавшему оказали первую помощь...»

Вы только подумайте, какая опять зверская живопись! Ведь не где-то в темном переулке, а в общественном месте, в храме литературы с диким воплем лупцевали в кровь обладателей еврейских носов, прорвавшихся в институт. Ну, просто «хрустальная ночь» среди бела дня в центре Москвы. И это при том весомом контингенте евреев не только среди студентов, о чем уже говорилось, но и среди преподавателей: Белкин, Бровман, Исбах, Куниисский, Левин В., Левин Ф., Металлов, Нечаева, Новицкий, Печалина, Симонян (Ежерец), Фейгина, Щирин — кто тут не еврей?

А видел ли Сарнов своими глазами ту «хрустальную ночь среди бела дня»? Нет, не видел. Но несколько раз опубликовал ужасающую историю в книгах да еще огласил на всю державу по радио, уверяя, как очевидец, что она разыгралась в коридоре института.

А вот что поведаль безо всякой утайки об этом кошмаре в своих воспоминаниях «Лобное место» (М., 2000) Михаил Голденко, тогда студент этого же курса и даже участник события: «Помню взрывной случай. На одной из лекций Семен Сорин, сидевший сзади Малова, разговаривал с соседом. Малов сделал ему замечание. Сеня, не задумываясь, ответил: «Заткнись, говно!» Обиженный с разворота, с левой, наотмашь стегнул по лицу обидчика. Сорин тоже не из флегматиков. Рывком вскочил, вырвал из-под себя стул, занес его над головой Малова... Могла произойти трагедия. Пришлось мне, моряку-балтийцу, вмешаться в конфликт. Успел выхватить занесенный для удара стул, поставил на место. Взяв под локоть Сорина, вывел его из аудитории (от греха подальше!), посадил на низкий подоконник в конце коридора. Сорин бушевал, грозил жестоко отомстить...» (с.13)

Итак, что же мы видим? Во-первых, дело было не в коридоре, а на лекции, притом, добавлю, на лекции упомянутого В.Д. Левина, читавшего курс старославянского языка. Это уже ставит под большое сомнение «жидовскую морду» в устах студента. Во-вторых, уверения Сарнова, что Сеня схлопотал «без всякого повода, просто так, ни с того ни с сего» достойны лучших афоризмов Свирского и Войновича, отравленного КГБ. В-третьих, оскорбительный выкрик действительно имел место, но принадлежал не Малову, а Сорину и имел несколько другой смысл и направленность. В-четвертых, потока крови и первой помощи пострадавшему не было, а была элементарная пощечина. В-пятых, Сеня отнюдь не проявил здесь свою незлобивость и готовность простить.

Вы думаете это все? Не тот человек Сарнов, у него мунблитовская закалка... Он продолжает: «Обладатель еврейского носа легко согласился с товарищами, уговаривавшими историю эту оставить без последствий. Но вмешалась комсомольская организация. Возникло персональное дело. Объектом разбирательства стал и получил суровое комсомольское взыскание, однако, не студент, который ударил, а тот, — которого ударили... Обвинялся он в том, что спровоцировал русского человека на драку... Спровоцировал своей ярко выраженной «жидовской мордой». Точнее, носом. Такой нос не мог не возмутить и не вывести из себя истинно русского человека». Вероятно, Сарнов думает, что говорит все это о национальной кротости великороссов как истинно еврейский человек...

А какое же суровое взыскание получил невинный Сорин? Ведь очень выигрышно назвать. Но автор молчит. Почему? А потому, что никакого взыскания не было. Почему? А потому, что комсомольская организация не вмешивалась и никакого персонального дела не было. Почему? А потому, что Малов был не комсомольцем, а членом партии, Сорин же — ни членом партии, ни комсомольцем. Уж это все я знаю точно, поскольку был тогда членом комсомольского комитета, а потом и его секретарем. Из всего сказанного предельно ясно, кто тут истинный провокатор и антисемит. И к слову сказать, жестоко избитый Сеня пережил своего истязателя на 47 лет.

Как уже говорилось, Сарнов — великий энтузиаст защиты культуры вообще, русской культуры в частности, и особенно — русского языка. Это, пожалуй, даже главное в его последних книгах. Что ж, прекрасно!

Как же именно защищает он эти духовные ценности? Прежде всего, проходится по именам известных русских писателей от Горького до Николая Доризо и лепит им ярлыки такого пошиба: «чучело», «слюнтяй», «холуй»... А чаще — известного фекального характера: «г...о», «г...к», «г...ед» и т.д. Иногда это делается мимоходом, иногда сопровождается байкой. Так, пишет, например, что когда арестовали Л. Авербаха, то одна талантливая русская поэтесса, «выступая на партийном собрании, на котором клеймили разоблаченного, сказала:

— Даю слово коммуниста, что ни в какой связи с врагом народа Авербахом, кроме половой, я не состояла». Это, видите ли, сарновский юмор. Но ничего подобного быть не могло не только потому, что молодой поэтессе чужд такой цинизм и непристойность (это недоступно пониманию Сарнова), но и просто потому (уж это-то он должен понять), что она была беспартийной. Какое же «слово коммуниста»? Да ведь и замужем. И вот при живом муже публично такие хохмочки? На это способны только существа, подобные нашему критику да иные активисты телепередач Ханги...

Что же касается «г.на», то, как мы уже видели и раньше, критик так привержен к нему в его разных ипостасях, словно ничего прекраснее на свете и быть не может. Так, на странице 485 оно трижды шибает в нос. Отсюда повышенный интерес к тому, что он назвал «проблемой российских сортиров». Вот однажды побывал критик в гостях у Надежды Мандельштам. О чем конкретно они долго беседовали, не рассказывает, но счел нужным сохранить для истории русской литературы вот что: «Провожая меня, она кивнула на дверь в прихожей: «Первый раз в жизни у меня отдельная уборная». Конечно, Наде-

жда Яковлевна прожила жизнь нелегкую, но все же не всегда — без отдельной уборной. Об этом свидетельствует хотя бы Эмма Герштейн, большой друг семьи. Она рассказывает в своих «Мемуарах» (М., 1998), что в 1933 году Мандельштамы получили отдельную двухкомнатную квартиру в писательском доме в Нащокинском переулке. Они не имели права на эту квартиру, поскольку Осип Эмильевич не состоял в Союзе поэтов, построившем дом. Однако, «энергия Мандельштамов преодолела все препятствия. Мандельштам был включен в список членов кооператива, но какая-то неуверенность чувствовалась до самого последнего дня. Как только был назначен день вселения, Надя с ночи дежурила у подъезда, поставив рядом с собой пружинный матрац.

Утром, как только дверь подъезда открыли, она ринулась со своим матрацем на пятый этаж и первая ворвалась в квартиру. И вот врезан замок, вселение свершилось.

Квартирка казалась нам очаровательной. Маленькая прихожая, напротив — дверь в крошечную кухню, направо — неопишуемая роскошь! — ванная, рядом уборная»(с. 40). Именно такая, отдельная. Никто, кроме поэта и его супруги, ею не пользовался.

Осветив как смог сортирную проблему, Сарнов объявил «благословенным» русский мат и в интересах русской литературы оснастил похабщиной да матерщиной всю книгу. Это отвращало и у Астафьева, но тот все-таки изведаль сиротство, беспризорщину, бродяжничество, в юности — война, — было где набраться. А этот? Вырос, как уже отмечалось, на ступеньках Елисеевского магазина, с детства питался апельсиновым соком, слушал лекции профессоров с дореволюционным стажем, работал в «Пионерской правде», в «Пионере», был членом жюри конкурса имени Николая Островского, который проводил ЦК комсомола, словом, прожил жизнь под парниковой рамой, — а тоже туда со своей клешней!.. Вот еще Ерофеев такой же. Но как эти словесно буйные гении беспомощны, банальны и жалки, когда их припирают. Этого Ерофеева недавно в телепередаче загнала в угол с его похабщи-

ной группа молодых ребят. И как же он стал выкручиваться? Ну, самым пошлым способом! Вы, говорит, еще всего Достоевского не прочитали, а обо мне судите. Можно подумать, что он прочитал. Да и зачем читать всего? И никто не читал. Иные большие художники не любили его. Чайковский, например. А Бунин просто терпеть не мог. Да и при чем тут этот большой писатель, когда речь идет о писателе совсем иного масштаба. А дело в том, что такие, как Никита Михалков и Ерофеев, превратили Достоевского в канделябр, которым бьют по головам своих противников. Можно сказать и так: это их последнее убежище... Да, картина у нас еще более удручающая, чем у Астафьева и даже Ерофеева, особенно для тех, кто помнит Беню ангинозным пай-мальчиком в Литинституте.

Вполне в сортирном стиле выдержаны и образцы его остроумия, национального по форме, демократического по содержанию. Например:

«— Почему у нас всегда проблема с туалетной бумагой?

— Потому что вся она уходит на сырье для производства сосисек».

Смешно?

Или: «Между понятиями «социалистические страны» и «сосиски сраные» гораздо более прочная связь, чем брежневское косноязычие». Весело?

Или бесчисленные частушки, самая приличная из которых такова:

Жопа гола, лапти в клетку,

Выполняем пятилетку.

Зловонные слова он вкладывает в уста многим персонажам своей книги от Твардовского до Сталина. Вот, говорит, сгорая от нетерпения блеснуть остроумием и потешить нас, был у меня знакомый поэт, он не выговаривал букву «р», картавил, у него, например, получалось: «Мы прошли говнило Великой Отечественной войны». То же самое видим у Войновича: «Во время войны и после(?) в газетах печатались прика-

зы Верховного Главнокомандующего Сталина. Было несколько случаев, когда в слове «главнокомандующий» была пропущена буква «л». Таков уровень их ума и сарказма, такова степень злобности. Трудно сказать, то ли это соревнование двух говнопоклонников, то ли один говнопоклонник у другого кучу украл.

* * *

Но именно такие приверженцы «г...на» сейчас в почете. Когда в июне 2007 года тогда еще президент Путин выдавал очередные премии, он, обращаясь к награжденным, сказал:

— Сегодня вы встретите праздник в кругу родных и близких. А для меня родные и близкие — все 145 миллионов граждан России.

Но что мы видели, когда Путин вручал премии? Кто их получил? Жрецы искусства той же масти, что и прежде: Герой Социалистического Труда, мультилауреат Даниил Гранин, недавний сотрапезник президента во время поездки в Ленинград; великий эстрадный писатель Жванецкий, только что уже получивший какую-то премию от того же Путина; Константин Ваншенкин, совсем недавно получивший какой-то орден от того же Путина; орденоносная Галина Волчек; кинорежиссер Александр Митта, — кто тут русский? Почему-то среди награжденных на сей раз не оказался Хазанов, другой любимый сотрапезник президента, а также Главный Московский раввин...

Это и есть, гражданин Путин, «миллионы ваших близких». А великороссы на все это кротко взирают...

МЫ СПАСЛИ ИХ ОТ ХОЛОКОСТА

Газетенка «МК» давно стала любимицей жриц, а потом и жрецов интимного досуга от 18 до 60 лет и старше. Она была первой и остается самой щедрой на их рекламу. Вот хотя бы рядовой номерочек: «Досуг. Молодые. 792-90-11»... «Досуг. 19-28 лет. 743-55-22. Дешево»... «Досуг. 18-31 год. Дешево. 309-70-33»... «Досуг. Дамы 18-55 лет. Все районы. 930-99-01»... «Досуг. Леди 18-60. Широкий выбор. Дешево. 945-00-86»... «Досуг. Феи. 24 ч. Все районы. 200-62-98»... «Досуг. У вас! Шикарные девушки! 746-45-49»... «Досуг. Русские красавицы. Выезд. 729-07-29»... «Досуг. Азиатки. Выезд.. 509-41-60»... «Досуг. Негритянки. 505-55-92»... «Досуг. Парни. 24 ч. 790-90-24»... «Парни lux. 778-60-54»... И так — сотни две с лишним, и так — в каждом номере... И ведь за большинством объявлений не что иное, а нищета и горе... Заметьте, уж если сами леди объявляют «60 лет», то наверняка им за 80. А какой интернационал! И русские, и азиатки, и негритянки... Вот только евреек вроде бы нет, во всяком случае не обозначились. Но их, пожалуй, успешно заменяют Марк Дейч и Александр Минкин, парни lux.

Эти однайцовые близнецы уже давно работают в газете под мудрым руководством Павла Гусева. Они очень похожи по внутренней сути, и по литературной манере, главные черты коей — визг и вопли, судороги страсти и клацание зубами. Но Дейч, кажется, умнее Минкина, а Минкин, пожалуй, эрудированней Дейча: читал воспоминания одного битого немецкого генерала. Поэтому при желании отличить их все-таки можно...

Речь у нас пойдет о статье А. Минкина «Чья победа?». Статья написана еще в 1989 году, в пору самого полоумного разгула демократии. По его собственному рассказу, Минкин то-

гда обежал с ней крупнейшие центры разгула — «Московские новости», «Огонек», журнал «Апрель». На даже в ту пору даже такие зубры демократии, как Егор Яковлев, Виталий Коротич и Анатолий Приставкин не решились напечатать статью. И тут Минкина, видимо, наконец, осенило: ведь в США много его со-племенников, может, они клюнут? И представьте себе, кто-то клюнул в Нью-Йорке. А потом еще и какая-то газетка в ФРГ, в Мюнхене.

Прекрасно! Международная слава. Но прошло уже много лет, и, видимо, все это время Минкин носился, бегал, шастал по редакциям газет милой родины, Но, увы, никто не желал печатать его Труд Жизни.

И тогда правдолюб решился. Вошел в кабинет главного редактора «МК» Павла Гусева с присланным ему в подарок из Мексики Анной Алисией ледорубом в правой руке и сказал: «Ну...» И статья появилась в газете. Прочитали все московские жрицы досуга и даже они, говорят, все решили больше не подписываться на «МК» и не читать его. Что ж удивительного? Помните мопассановскую Пышку? Она тоже была патриотка и, несмотря на давление французских демократов образца 1870 года, с которыми дорога свела ее на одной почтовой станции, отказалась переспать с ее начальником, с пруссаком-оккупантом, который без этого не давал пассажирам экипаж.

* * *

О персонажах своей статьи представление у автора смутное. Уверяет, например, что немецкий генерал К. Типпельскирх, которого цитирует, «с 1928 года и до разгрома в 1945-м служил в Генштабе вермахта». Но, милый друг, во-первых, в 1928 году вермахт не существовал, он появился только в 1935-м. А Типпельскирх с января 1942 года командовал 30-й пехотной дивизией на советско-германском фронте, с декабря 1942-го там же — 8-й итальянской армией, с февраля 1943-го — 12-м корпусом, потом — 4-й армией, которая летом 1944 года по-

терпела тяжелое поражение в Белоруссии, потеряв 130 тысяч человек. После этого — командовал 14-й армией в Италии и сдался в плен англичанам. С чего ж вы взяли, что он всю войну просидел в Генштабе?

Но дело не в генерале, а в авторе. Он пишет, что «История Второй мировой войны» Типпельскирха «вышла у нас в 1956 году каким-то чудом». То есть надо понимать, что никаких других книг о войне немецких и вообще иностранных авторов на его железом занавешенной родине в ту пору не издавали. О дремучесть на двух ножках! Мы издавали и немцев, и американцев, и англичан, и французов...

Такие несуразицы на первый взгляд не столь уж существенны, но за ними виден персонаж, не умеющий работать, газетный халтурщик. В самом деле, ведь все это лежит на поверхности, проверить факты ничего не стоит, но он не привык работать, он ленив умом и телом, к тому же самоуверен и, довольствуясь тем, что где-то что-то слышал краем уха, прет в газету, на трибуну, в Думу, охаивая свою родину.

Невежеству, к сожалению, частенько, сопутствует плохое соображение. Вот Минкин именует Сталина «семинаристом-генералиссимусом», у которого-де за войну «и волос с головы не упал». Да ведь все великие люди были когда-то, первокурсниками, курсантами, учениками, подмастерьями, ну и семинаристами — как можно не сообщать это? И сам же когда-то сидел на горшке, а теперь — правая рука титана Гусева! Кроме того, почему же Гитлер не назван «ефрейтором-главнокомандующим»? Наконец, говоря «ни один волос не упал», вы, что же, маэстро, хотите, чтобы Верховный Главнокомандующий в рукопашных боях участвовал? А ведь сам-то едва ли ринется в бой за «МК», если газета прекратит наконец печатать рекламу жриц досуга и они пойдут на штурм редакции.

А главное, Минкин не соображает, что талант вещь чрезвычайно загадочная, его связь с образованием и званиями порой не поддается уразумению. У великих писателей Максима Горького и Михаила Шолохова, в отличие, допустим, от Михаил-

ла Жванецкого, было за спиной всего три-четыре класса школы. И маршалы Жуков с Рокоссовским в Академии Генштаба не учились. Этот перечень можно продолжать долго.

Что же касается Сталина, то после семинарии он прошел великую школу жизни. Один день такой жизни мог бы превратить Минкина в Гусева. В годы Гражданской войны партия бросала Сталина на самые трудные участки, и всюду он добивался успеха. Для умного человека это полезней всяких академий.

* * *

Не зная страну и ее историю, журналист Iux не находит здесь для себя ничего, что радовало бы его, чем он мог бы гордиться. В начале статьи пишет: «Победа над Гитлером — единственное светлое пятно в нашей истории. Чем еще можем гордиться?» А в конце, как итог всех авторских доводов и соображений, читаем: «Так что же получается? И победой гордиться нельзя? Получается, вообще нечем гордиться?! Один стыд?!» И тут же скорбно вздыхает: «Наверное, ничего не удалось доказать». Естественно. Что и кому может доказать о Великой Отечественной войне, о самой героической и трагической странице нашей истории, газетный пустозвон, презирающий свою родину! Ведь это выпирает из каждого абзаца статьи и начинается еще с рассуждений о довоенном времени.

Так, Финскую войну он называет провалом. С какой стати? Провал, сообщите и Радзинскому, это, например, американское вторжение в КНДР (1950—1953): хотели ликвидировать там народную власть и даже доперли до Пхеньяна, захватили его, но вскоре получили такой удар от корейцев и китайцев, что едва не плюхнулись в море. В конце концов договорились о границе по 38-й параллели. И американцы, ничего не добившись, утирая кровавые сопли, убрались восвояси.

Еще? Те же американцы во Вьетнаме (1959—1973). Цель — и тут ликвидировать социалистический строй. И результат тот же, даже еще более сокрушительный и позорный: если в Ко-

рее все-таки удалось сохранить угодный США сеульский режим в южной части страны, то во Вьетнаме американцам и их прислужникам пришлось уносить ноги и с юга, со всей вьетнамской земли: произошло объединение страны, над Сайгоном взвилось знамя народной победы, т.е. американцы получили совершенно обратное тому, чего так жаждали. Это и есть, мыслитель Минкин, полный провал. Поделитесь этой новостью еще и с другом Млечиным.

Так вот, если американцы с дюжиной своих союзников за долгие годы войны (во втором случае 14 лет!) ничего, кроме вселенского позора и презрения, не получили в Корее и Вьетнаме, то мы безо всяких союзников за три месяца в тяжелейших природных условиях, очень удобных противнику для обороны, добились в Финской войне всех целей, которые ставили. Назвать это провалом, дружок, могут только олухи да клеветники.

У Минкина, как и у Радзинского, Млечина, Сванидзе, подход к войне чисто спортивный: подсчитывают, кто больше набрал разного рода «очков». Последний из названных однажды чистосердечно признался по телевидению: «Когда я вижу, как играет футбольная команда ФРГ, я не могу понять, каким образом мы выиграли войну!» Человек признался в своем слабоумии, даже и не поняв этого.

А наш герой состязается со Сванидзе. «Загадка марсианину: «Кто выиграл войну: тот, кто потерял пять миллионов, или тот, кто тридцать?»» Ну, во-первых, и немцы потеряли не пять, и мы не тридцать. Но тут не в этом дело, а в том, что эти миллионы для него опять же очки в спортивном состязании, именно по ним он судит о победителе. Ведь это, мол, так просто, ясно и очевидно: кто больше набрал очков, тот и победитель.

Приходится сообщить спортивному болельщику, что во всех упомянутых выше трех войнах корейцы, вьетнамцы и Красная Армия (и в Финской, и в Отечественной) понесли большие потери, чем противник. Например, по американским данным, их потери во второй войне составили 360 тысяч че-

ловец, а вьетнамцев погибло около 1,5 миллиона. А победа за теми, кто потерял больше! Понять это Iux-ум не в силах.

И пускается в новый спортивный подсчет: «Через три месяца после начала войны Гитлер был под Москвой. Обратный путь занял три с половиной года». «Обратным путем» он стыдливо называет изгнание Красной Армией немцев, разгром их, взятие Берлина и капитуляцию немцев. Не в силах он произнести такие слова!

У него получается, что немцы наступали раз в 15 быстрее, чем мы, значит, у них в 15 раз больше очков. Ну, допустим. Прекрасно! Но наш приятель и думать не смеет, чем для немцев обернулось рекордное достижение Москвы и что через три с половиной года произошло в Берлине. Приходится и тут разжевать: под Москвой немцы получили разгром, а в Берлине — капитуляцию, причем — безоговорочную. Усек?

Кстати говоря, через три месяца немцы и не были «под Москвой». Зачем и тут-то врать, болезный? Отдохнул бы. Ближе всего они подошли к столице в поселке Красная Поляна, которую захватили 28 ноября. Как видим, на это им потребовалось не три месяца по минкианскому календарю, а пять с лишним. Через десять дней Красная Армия с Божьей помощью вышибла их из Красной Поляны. Верите, Минкин?

Вот еще два факта. Гитлер шел до Москвы почти полгода и по прибытии получил у ее стен отлуп. А Наполеон с примитивнейшими по сравнению с вермахтом оружием, техникой, транспортом, связью вторгся с той же позиции и даже на два летних дня позже, но через два с половиной месяца был под Москвой и взял ее. Обдумал бы, дружок, хоть эти два факта: в чем дело? где раскорячились дотоле столь резвые фашистские ножики?

* * *

Однако мы забежали вперед, вернемся в предвоенную пору. Минкин пишет, что тогда арестовали и посадили «всех авиаконструкторов». Ну, если всех, то назови хоть два-три

имени. Яковлева посадили? Ильюшин сидел? Микоян сидел?.. На самом деле действительно кое-кто некоторое время сидел, например, Туполев, будущий академик, генерал-полковник-инженер, трижды Герой Социалистического Труда, восьмикратный кавалер ордена Ленина, пятикратный Сталинский лауреат и т.д. Но Минкин не знает фактов, он почему-то думает, что ему и так поверят, поэтому просто вопит: «Все сидели!»

Что еще? «Уничтожили лучших разведчиков». Слава богу, не всех. Но кого же именно? Зою Ивановну Воскресенскую? Мы жили с ней в одном доме, она умерла в глубокой старости лет десять назад. Николая Кузнецова убили бандеровцы, Зорге расстреляли японцы... Кто еще? Филби, Фукс и вся «великолепная пятерка» умерли своей смертью. Супруги Розенберг казнены не нами, а американцами как советские разведчики, коими они не были. Что дальше? В ответ — сопение...

Что еще было ужасного перед войной? Как же, говорит, «уничтожение вообще(!) командного состава Красной Армии». Слово «вообще» тут означает опять же «всего». А как иначе? Значит, в войну мы вступили без всякого командного состава. Лихо! Но рассуждать об этом уже просто неприлично, и обрывдло, и бесполезно, ибо «цифры публиковались неоднократно», Минкин их неоднократно читал, но ничего не понял.

А все-таки, какие цифры? Около 40 тысяч. Давно было показано, сколько тут демагогии: в число уничтоженных минкинские друзья зачисляют уволенных тогда из армии и по возрасту, и по болезни, и за пьянство, и за воровство, и за иные виды непотребства. И так набирают нужное количество.

Но даже если согласиться, что было репрессировано около 40 тысяч командиров, то это лишь около 20 процентов командного состава. А было еще 80, и это число перед войной росло за счет выпускников военных училищ и академий. Однако на самом деле в 1937—1939 годы было уволено 36.898 человек. Это число минкины, конечно, округляют на свой манер. А известно оно из «Отчета о работе Управления по начальствующему составу РККА за 1939 год», представленного

5 мая 1940 года Сталину, Ворошилову и Берии начальником Главного управления кадров Наркомата обороны, заместителем наркома обороны генерал-лейтенантом Е.А. Щаденко. К тому же, как следует из очередного отчета Щаденко, на 1 января 1941 года из числа уволенных было возвращено в армию свыше 13 тысяч командиров. Значит, процент уволенных оказался еще значительно ниже и 20. А арестовано было 8622 человека. Но это не значит, что все они были расстреляны или получили сроки заключения, многие были и оправданы.

Итак, рыдает Минкин, провалили Финскую кампанию, посадили всех до единого авиаконструкторов, уничтожили лучших из лучших разведчиков, истребили под корень весь состав армии. Какую бы еще гадость учинить стране? — гадает у него «государственный изменник» Сталин, о котором, говорит, я «ежедневно думаю» и круглосуточно ненавижу его. И вот что еще придумал этот его Сталин: «Ставка на кавалерию!» Что значит? Да, надо полагать, только одно: если в стране всего есть, допустим, 250-300 дивизий, то из них дивизий 200 должны быть кавалерийскими. Как иначе! Но что было на самом деле?

На самом деле перед войной в Красной Армии было 4 кавалерийских корпуса, имевших по 2-3 дивизии, всего 13 дивизий. Какой жуткий недобор.

* * *

Но вот война все ближе. И что? Как что? Черчилль, говорит, предупреждает Сталина, а тот... А кто такой Черчилль? Едва ли Минкин знает, что до Гитлера, тот был нашим врагом №1 и после смерти Гитлера опять стал им, что именно Черчилль был организатором интервенции Антанты в годы Гражданской войны. При первой же встрече со Сталиным в августе 1942 года в Москве он спросил, простил ли его тот за интервенцию. Сталин ответил: «Бог простит».

Минкин едва ли своим lух-умом догадывается, что 22 июня 1941 года был самым счастливым днем в долгой жизни Черчилля, который он ждал, как утопающий ждет, что ему

бросят спасательный круг. Еще бы! Ведь Англия уже целый год оставалась один на один с германской военной машиной. Тут можно к слову заметить, что и у Сталина отлегло на сердце 7 декабря 1941 года, в день нападения Японии на США. Значит, нам не придется воевать на два фронта; значит, можно перебросить на запад побольше дальневосточных и сибирских дивизий.

Так вот, просто ли было поверить Черчиллю? Тем более что Сталин знал о переговорах англичан с немцами, а только что, 10 мая, в Англию прилетел Гесс, заместитель Гитлера. Зачем? Полюбоваться замками Шотландии?

Горазд Минкин на всякие загадки о войне. Вот пишет он о каком-то безымянном мужике, сбежавшем в 1934 году из голодающей деревни в город. А где эта деревня, что в том году голодала? Ведь голод был, как известно, раньше. А что это за город? Мужик, говорит, имел тяжелое ранение, хромота, едва ковылял, но «всю войну прошел в пехоте». Всю! В пехоте! Хромой! Ну, разве не загадка? Правда, тут же узнаем, что еще задолго до окончания войны калечного мужика «послали в тыл аэродром охранять». Как хочешь, так все это и понимай! Тут могу сказать только одно: я таких калечных мужиков, таких голодающих деревень и неизвестных городов могу столько насочинять, что в «МК» места не хватит перечислить. Но дело не в этом, а в том, что сей мужик будто бы прочитал статью Минкина и сказал: «Спасибо. Все — правда». Где этот мужик? Как звать этого прозорливца, устами коего сочинитель дал себе достойную оценку. И верит ей! А еще верит битому немецкому генералу. Выходит, не лишен способности верить тому, кто говорит нечто для него отрадное.

А вот как загадочно разок упомянул Минкин и наших военачальников: «Генералы, даже маршалы устали доказывать, что не Сталин, а народ выиграл войну». Он и с ними вроде бы согласен. Прекрасно. Но ни одного генерала или маршала, ни одной их книги или статьи по обыкновению не назвал. Почему? Да потому, что ни один из них не ставил так вопрос о победе, это могут разве что одни интеллектуальные бронтозав-

ры, что сохранились еще только в «МК» под эгидой Павла Гусева. А нормальные люди понимают и всегда понимали, что в войне победил народ, которым руководили советская власть, партия и Государственный комитет обороны во главе со Сталиным, победила Красная Армия, которой руководила Ставка и Наркомат обороны во главе со Сталиным.

* * *

И вот утром 22 июня немцы напали.

А что Сталин? Сталин, говорит, жутко перетрусил и сбежал спасаться на дачу, там у него был погреб. Минкин, лапушка, ведь от этой брехни уже давно отказались даже такие классики вранья, как Солженицын и Радзинский, последний даже покаялся. А вы опять... Стыдно же!

Со временем, говорит, Сталин все-таки очухался и выступил по радио. Но это была речь-призыв, произнесенная «в истерическом ужасе». А Солженицын писал, что Сталин выступал «полуплачущий». Однако, по признанию даже битого генерала Типпельскирха, «истерический» и «полуплачущий» призыв «нашел отклик в сердцах советских людей».

В частности, Сталин призвал создать народное ополчение. Мысль не новая. И в 1612-м, и в 1812-м, и в 1854 году тоже было ополчение, немало потрудившееся на войне. А что теперь? Минкин опять как очевидец негодует: «безоружное ополчение, брошенное под немецкие танки». Конечно, были и неудачи, и жертвы, и поражения, особенно в начале. Но вы же, маэстро мыслитель, взялись дать общую, итоговую оценку войне. В таком случае запомните: всего в ответ на призыв вождя выразили желание вступить в ополчение около 4 миллионов человек, но отобрали около 2-х, в действующую армию через ополчение влилось 36 дивизий, 26 из них прошли всю войну, а 8 получили звание гвардейских. Безоружным это звание не давали.

Немцы продолжали наступать. И опять же что Сталин? Оказывается, «как теперь стало известно, уже в конце лета 1941 года подумывал сдаться, засылал сватов через Берию в

Болгарию, да фюрер побрезговал, отказал». Но ведь о сватах через Берию в Болгарию писали уже многие, а теперь — ваше благородие. И все по-разному! Так, историк А. Уткин в сочинении «Вторая мировая война» (М., 2002) уверяет, что Сталин решил повернуть «феерическую интригу» примирения сразу, как стало известно о нападении немцев, — так он струсил в первые же часы (с. 191); Э. Радзинский в своем двухпудовом «Сталине» (М., 1997) пишет, что это произошло сразу после того, как 8 августа 1941 года Сталин стал Верховным Главнокомандующим (с. 507). Что ж вы так — кто в лес, кто по дрова! Собрали бы конференцию или даже конгресс олухов царя небесного и договорились бы о единой и обязательной для всех дате, допустим, о 37-м мартабря.

А война идет. Много наших пленных. Позже появилась власовская армия. Ликующе-негодующий друг народа Минкин тут как тут: «А почему ни из пленных поляков, ни из пленных французов немцам не удалось сформировать ничего подобного?» Ну, думает, поди, уел я их, куда денутся от такого бесспорного факта? А на самом деле и тут обнаружил свое загадочное нутро. Во-первых, в этих странах не было ни революций, ни гражданской войны, ни других сопутствующих им явлений, порождающих противников власти. Кроме того, население Франции и Польши раза в 4-6 меньше, чем СССР, поэтому просто сыскать там предателей было гораздо труднее, чем в 194-миллионной стране. Наконец, в этих странах не могло быть «ничего подобного» хотя бы по той простой причине, что они были сокрушены мгновенно — в три-четыре недели. Какие тут могли быть «власовские формирования? А ведь надо знать еще и то, что не пленные, которым некуда деваться, а регулярные части французской армии воевали вместе с немцами в Северной Африке против англичан, своих вчерашних друзей-союзников. А против нас в немецкой армии воевали и французы, и поляки, и многие другие мусье. Не слышал, товарищ Минкин?

И потом, что такое власовская армия? Вот, Минкин, ваша сестра по разуму Сорокина-Каждой-Бочке-Затычкина органи-

зовала телепередачку «Каратели». И начала ее своим грудным голосом так: «Этот фильм — о самой позорной странице Великой Отечественной войны». Дальше: «Этот фильм о войне русских против русских. Более миллиона бывших российских граждан с оружием в руках воевали на стороне Германии». Затычка не соображает, что говорит. Вот Гражданская война действительно была войной русских против русских, как в свое время были войны англичан против англичан, французов против французов, американцев против американцев и т.д., но эти войны никто не называет позорными страницами, наоборот, — победители прославляются. Но если бы во время Великой Отечественной даже действительно на стороне немцев воевало «больше миллиона русских», то и тогда это было бы лишь участием в войне, а не войной. И потом, почему же мадам Затычка говорит только о русских, все сводит только к своим любимым соплеменникам? Ведь были и украинцы Бандеры, и прибалтийские эсэсовцы, и ККК — калмыцкий кавалерийский корпус, и Туркменский легион, и известные кавказцы... Так что, всего, может быть, миллион и наберется.

Что же касается именно русских с оружием в руках, то это Русская освободительная армия (РОА), состоявшая, как я уже не раз говорил, всего из двух дивизий (Буняченко и Зверев). Гиммлер разрешил сформировать и вооружить их только уже в отчаянную для Германии пору — в ноябре 1944 года. По сравнению со всеми попавшими в плен это меньше, чем Дейч и Минкин по сравнению со всем замечательным коллективом «МК» или мадам Затычка по сравнению со всем кагалом телевизионных клеветников.

Но у нашего мудреца свое понимание, почему в Польше и во Франции не было «ничего подобного». Во-первых, «пленные буржуи и помыслить не могли воевать против своих» — такие они, видите ли, благородные, «а наши...» Это даже загадочно. Учился же, надо думать, человек в школе и должен бы знать, что только что помянутые гражданские войны, революции, восстания была не только в гнусном ему отечестве, но и опять же в Англии, Франции, Америке, Испании... И всюду,

представьте себе, свои колошматили своих. И как!.. Хотя именовалось это порой ах до чего красиво, например, — «война Белой и Алой розы».

Во-вторых, говорит, Советский Союз «обрек своих пленных на голодную смерть, назвав их предателями...» И что, благородные немцы приняли это указание и не пожелали кормить тех, кого враг назвал предателями? А мы кормили немецких пленников только потому, что Гитлер не называл их предателями? Вот вопрос! Кроме того, говорит, Советский Союз «отказался кормить своих пленников через Красный Крест». Какой Красный Крест, аспид газетный! Сам же пишешь, что Гитлер объявил немцев высшей расой, мечтал о мировом господстве и проводил политику уничтожения целых наций. Вот русские и другие народы Советского Союза, а вовсе не только ваши соплеменники и были подлежащими уничтожению.

* * *

А между тем, война продолжается. Немцы наступают, мы отходим. Минкин изображает это так: «Идешь в атаку — может быть, повезет, немцы не убьют. Отступишь — свои убьют обязательно». Нет предела его пронзительному взгляду в прошлое! Но ведь отступали-то до Москвы, отступали и после приказа 227 до Волги, до Эльбруса — и что, всех отступавших перестреляли? Кто же тогда наступал? Кто освободил родину и взял Берлин — вы с Дейчем?

Однако же немцы наступают, обе стороны, естественно, несут потери. «Нападающий (Германия) должен нести больше потерь, чем обороняющийся (СССР)», — поучает мыслитель «МК». Но, ваше степенство, так бывает не всегда. Вот вы, нападающий на правду о Великой Отечественной войне, понесете у нас огромные потери. Но в жизни, мог бы сообразить, случается и по-другому. Разве не слышал, что вот врывается бандит в школу, в дискотеку, в храм и убивает десятки людей, а самого, если удастся, ловят и казнят лишь потом, у нас же и не казнят даже. Так было и в 41-м: ворвался бандит,

который до этого устно и письменно обещал вести себя прилично, даже печать поставил, и начал кругом все крушить и уничтожать. И вас с Дейчем, невинных дитяток, попадись вы ему, уничтожил бы в первую очередь, потом — Гусева. Вы же уверяете: «Гитлер убивал по идейным соображениям только еврейских и цыганских детей». Правда, не совсем понятно, почему «только»? А русских и белорусов, украинцев и поляков, что, совсем не убивал или по каким-то иным безыдейным соображениям, просто попадались под руку? Нет, сударь, в русских он видел главного врага, об их обширной и благодатной земле, а не о еврейском клочке, он мечтал всю жизнь. Так что русские были самые «идейные» жертвы фашизма. В целом советский народ пережил почти пять холокостов, но мы их никому в нос не суем.

А каковы же потери сторон? Минкин объявляет: у немцев 4,5 миллиона, у нас — 35. В другом месте дает соотношение: то 1:7, а то и 1:20. Если умножить 4,5 миллиона на 20, то получается 90 миллионов, т.е. почти половина всего населения страны. Для лух-ума и это не диво.

Но в таком случае, объясните, мудрец, почему же при столь пропорционально небольших потерях немцы подписали капитуляцию, и не какую-нибудь, а безоговорочную, т.е. делай с ними, что хочешь. А ведь их было 80 миллионов, да еще страны-сателлиты и ресурсы всей Европы. С другой стороны, даже 35 миллионов, не говоря уж о 90, это почти все наше взрослое мужское население, способное носить оружие. Кто же вышибал немцев из страны, кто брал Кенигсберг, Будапешт, Берлин? Эшелоны с кем встречал народ на Белорусском и на всех вокзалах страны в мае 1945-го? Соображать надо, дядя, ведь уже лысенький. У вас, как у известной героини Островского, что больше тыщи, то и мильен. Запомните и повесьте у Гусева в кабинете, что соотношение немецких и наших боевых потерь 1:1,3. Остальное — целенаправленное истребление фашистами и наших пленных, и нашего народа, включая евреев.

Но герой не сдаётся и доказывает наши двадцатикратные потери, во-первых, тем, что «все годы войны существо-

вала тактика «взять город к празднику», в частности, ужасно хотели «взять Берлин к 1 мая»». Кто сказал, что была такая тактика? Откуда взял? Но вообще-то говоря, если была возможность именно к празднику порадовать народ освобождением своего или взятием чужого города, то почему бы и не сделать так. Но тактика?.. А главное-то в том, что Красная Армия освободила 727 советских городов и взяла 484 иностранных, всего это 1211 городов, причем некоторые — дважды. Так что совсем не удивительно, что нередко это совпадало с нашими довольно многочисленными праздниками. Думаю, что даже к дням рождения Минкина, Дейча и тем более Гусева тоже что-нибудь освободили.

К слову сказать, тут уж самое непристойное жульничество: это вы, Минкин, напечатали свою профашистскую статью о Великой Отечественной войне 22 июня — как раз к знаменательной дате, к годовщине ее начала. А ваш однояйцовый близнец Дейч выступил в том же «МК» с не менее позорной статьей о Владимире Карпове именно в день его 80-летия.

Во-вторых, говорит он опять о потерях, личная тактика Сталина выражалась словами: «Нам дэшевая пабэда нэ нужна». Не соображая, как он выглядит, лух-еврей передразнивает грузина, оскорбляя его национально, а он, грузин, знал русский язык лучше, чем Гусев, Дейч и Минкин, вместе взятые и помноженные друг на друга.

Это, мол, Сталин так сказал, «когда ему доложили, что при лобовом штурме Берлина неизбежны гигантские потери». Да ведь только полный идиот мог так сказать. А кому сказал? Разумеется, и тут одно вранье. Во-первых, Берлин брали не в лоб — он был окружен, потом шло дробление окруженной группировки и, наконец, добивание.

А кроме того, когда Жуков доложил Сталину, что хорошо бы взять Берлин к 1 мая, но не удастся, тот, как рассказал маршал К.Симонову, ответил: «Ну ничего, впереди Первомай, это и так большой праздник. А возьмем мы Берлин 2 мая или 3 мая, это не имеет большого значения. Надо жалеть людей, мы меньше потеряем солдат. Подготовьте лучше заключительный этап операции».

Ни об одной нашей победе — ни под Москвой, ни в Сталинграде, ни в Курской битве и т.д. — Минкин и не упоминает — это ему абсолютно неинтересно. Впрочем, нет — упоминает о взятии Берлина. Но как! Только с точки зрения потерь и, разумеется, лживо. А вот как оценивал эту битву хотя бы начальник штаба армии США генерал Д. Маршалл: «Хроника этой битвы дает много уроков для всех, кто занимается военным искусством. Штурм столицы нацистской Германии — одна из самых сложных операций Второй мировой войны... Она представляет собой замечательные страницы славы, военной науки и искусства».

Упомянул и об одной операции союзников. Да как трагически возвышенно! «У союзников тоже бывали смертельно опасные операции. Например, открытие второго фронта». Кто спорит? Конечно, опасная. Но за три с лишним года, что они увиливали от нее, Красная Армия провела множество смертельно опасных операций, в которых погибли миллионы советских людей. Нашему фанатику правды никогда не приходило в голову взглянуть на проблему второго фронта с этой стороны.

Дальше: «Представьте себе честного, храброго, патристичного английского парня в ночь перед высадкой в Нормандии. Непреступный Атлантический вал. Смерть почти неизбежна...» Перед нами запоздалая жертва гитлеровской пропаганды. Непреступность вала была только на языке Геббельса. На самом деле к дню десанта иные его сооружения были готовы на 50-60%, а то и на 15-20%.

И почему же смерть солдата была так уж «почти неизбежна»? Что, процентов на 95? Но ведь силы вторжения имели огромное превосходство над немцами, они составляли 2 млн. 876 тысяч человек. На участке вторжения 38 союзных дивизий при полном господстве авиации обрушились на 3 немецких дивизии. В результате их подавляющего во всем превосход-

ства потери союзников не превысили 5-6 процентов. Так что, если бы в этой десантной операции приняли участие Дайч в качестве моряка, Минкин как пехотинец и Гусев, естественно, как летчик, то шанс выжить у них был бы гораздо выше, чем ныне в московской профашистской газетке.

Из конкретных событий войны Минкин упоминает еще вот что: «Советская армия два месяца стояла рядом с восставшей Варшавой, хладнокровно ожидая гибель сотен тысяч ненужных поляков...» Какое позорное дело разоблачил правдолюб!

Тут надо сказать, что перед войной польское правительство вело себя так подло и малограмотно, так спесиво и близируко, как никто и, пожалуй, никогда: вместе с Гитлером и Венгрией приняло участие в растерзании Чехословакии, отвергало все советские предложения о диалоге, слепо поверило шкурным гарантиям Англии и Франции, — и в итоге Польша оказалась один на один с механизированными полчищами Германии. Той потребовалось три недели для ее полного разгрома.

Естественно, что после такого вселенского позорища полякам хотелось хоть как-то оправдаться. И именно для этого их правители, оказавшиеся в Лондоне, измыслили эффектный план — освободить Варшаву. Тогда бы они на весь мир шумели: да, войну мы проиграли, но свою любимую столицу все-таки освободили собственными силами! «Еще Польша не згинела!..»

Да, 1-й Белорусский фронт вышел тогда к Варшаве. Командовавший им маршал Рокоссовский позже писал: «Нашлись злопыхатели, пытавшиеся в западной печати обвинить войска фронта и меня, конечно, в том, что мы сознательно не поддержали повстанцев, обрекая их на гибель». Да, когда-то лишь в западной печати, а теперь эти русско-еврейские злопыхатели на Красной Пресне.

Маршал продолжал: «2 августа (1944 г.) наши разведорганы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание... Но его руководители стремились изолировать восстав-

ших от всяких контактов с Красной Армией». То есть они, начиная восстание, и не думали координировать свои действия с нашим командованием или хотя бы предупредить его. И это понятно: для них самым важным было освободить столицу исключительно своими силами, иначе все теряло смысл.

Маршал: «Ведь самым неудачным временем для восстания было именно то, в какое оно началось». Наши войска только что завершили «не имеющую себе равных» Белорусскую операцию, пройдя с боями свыше 600 километров и разгромив мощнейшую группировку немцев. Естественно, тут и большие потери, и общая измотанность, и нехватка боевых средств. И на тебе — иди немедленно в бой за Варшаву! А для ее освобождения требовалась полномасштабная фронтовая операция, которая позже и была проведена. Словом это восстание было тупоумной и, как всегда, спесивой авантюрой, обернувшейся для поляков большой кровью. Слышал обо всем этом пан Минкин? Едва ли...

* * *

О Сталине минкины любят балакать больше всего. И ни один, начиная, кажется, еще со знаменитого Ципки (ренессансная личность!), желая показать его жестокость, не упустил возможность бросить камень за то, что он не спас сына Якова из фашистского плена, не обменял его на Паулюса. При этом Радзинский, как и другие, приписывает Сталину слова: «Я солдата на фельдмаршала не меняю». Ну, ничего не соображают! Ведь Сталин сказал бы наоборот: «Фельдмаршала на солдата не меняю». Но к тому же Яков был и не солдат, а офицер.

Вот и Минкин: «Сталину было плевать на родного сына!» Знаете, тут и сердиться не надо: просто нет у них в мозгу клеток для понимания того, что не мог вождь народа, Верховный Главнокомандующий спасти сына, когда в плену оказались миллионы сыновей родины. У них просто другая программа в мозгу: своя рубашка ближе к телу, надо спасти родное дитя и наплевать на множество других. Но если бы Сталин

вызвали Якова — о, какой шабаш они устроили бы! Для этого у них приспособлена вся черепная коробка...

Но вот война окончилась. Минкин в трагическом раздумье: «Кто победил?.. Для верного ответа сравним уровень жизни победителей и побежденных. Сравнение катастрофически не в нашу пользу». У немцев «реальный доход на душу населения» гораздо выше. Значит, они и победили.

Перед нами все тот же спортивно-арифметический подход к войне, на сей раз шкурно-гастрономического уклона: у кого годовой доход на душу выше, кто ежедневно больше ест колбасы, поглощает калорий, тот и победитель! Не могут, не силах они понять, что советский народ воевал не за доход на душу населения, не за двадцать сортов колбасы, не за калории и не за «мерседесы», а за свободу и независимость родины, за само свое существование. А это арифметическим подсчетам не поддается. Но Минкин уверяет, будто и Владимир Высоцкий вместе с ним мечтал о суперколбасе, подсчитывал калории, а подсчитав удивился: «Как же так? Ведь победили-то мы!» Нет, не был Высоцкий таким идиотом и шкурником. А кроме того, приходится напомнить, что статья-то написана в 1989 году, на пятый год разгула бандитской демократии, когда уровень потребляемых народом калорий уже действительно резко упал. Тем более ныне...

Но наш аналитик упрям, как помянутое непарнокопытное: «В чем же дело? Ведь немцев тоже разбомбили...» Да, бомбили Берлин, Гамбург, Кёльн... При этом погибло около 500 тысяч человек. Но Красная Армия прошла до Берлина, и только. Англо-американцы шагали по немецкой земле почти без сопротивления. Так что разрушений было не столь уж много. А по советской земле каток войны прокатился дважды, и в обоих случаях — с яростными боями, более двадцати городов по несколько раз переходили из рук в руки. Ничего подобного не было в Германии. Это соображать надо, а не лепетать, что бомбили нас и бомбили их.

«Но ведь немцев тоже разграбили... Мы вывозили у них все, что могли, все, что уцелело: станки, заводы...» А как же

было не вывозить пусть даже и устаревшие станки, заводы, чтобы хоть как-то возместить их 3-4-летний грабеж, доходивший до вывоза трамвайных проводов в Харькове и чернозема в Воронежской области. А главное — угон миллионов рабов на свои заводы и фермы. С какими станками это можно сравнить? Вы-то с Дейчем где тогда были? Вот бы вас для просвещения к Ильзе Кох. А Красная Армия, придя в Германию, кормила из походных кухонь не только детей.

* * *

И вот мы дошли до главного. Трудно поверить, но это так: еврей обеляет Гитлера, еврей горько сожалеет, что фашисты не победили, еврей признается, что хотел бы жить в нацистском рейхе вместе со Швыдким.

Что же он выискал у Гитлера приличного? Да как же, говорит, во-первых, он был человеком открытым, откровенным: прямо, публично объявил, что уничтожит евреев и других. Рубаха-парень! Во-вторых, да и сколько он уничтожил-то? «На счету Гитлера максимум (!) 15 миллионов». Это как? Ну, видимо, прежде всего, 6 миллионов евреев, да? 4,5 миллиона немцев, погибших на советском фронте. Остальные — потери его сателлитов. Так, что ли? Позволь, жучок, а названные тобой 35 миллионов советских людей? Ах, советских? «Наши военные жертвы — целиком на счету Сталина». Значит, не говоря уж о бандитском нападении и развязывании войны, но и к расстрелам наших пленных, к душегубкам, к Бабьему Яру, к Освенциму ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Эйхман никакого отношения не имеют. Да не почтить ли вам их память выпуском специального номера «МК»? Предложите Гусеву.

И вот главный вопрос минкинской жизни: «А вдруг было бы лучше, если бы не Сталин победил Гитлера, а наоборот-Гитлер Сталина?» Это еще в форме вопроса. Но дальше уже без вопросительного знака: «Может, лучше бы фашистская Германия в 1945-м победила СССР». И наконец, решительное утверждение, радостное восклицание: «А еще лучше, если бы Германия победила СССР в 1941 году!» Но, черт бы их по-

брал, «гитлеровские оккупанты упустили шанс привлечь сердца людей. А это был так просто!» Неужели? Да! Надо было всего лишь назначить Минкина на место Геббельса, и он бы привлек сердца людей.

И представьте себе, это не приступ эпилепсии, он пускается в рассуждения: «Ведь в 1945 году погибла не Германия, погиб фашизм. Аналогично: погибла бы не Россия, а режим».

Ну что лепечет! «Аналогично...» Еще 23 февраля 1942 года, в труднейшее для нас время, Сталин сказал: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с немецким народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий, а государство германское остаются». А ведь иначе думали и Черчилль и Рузвельт. Еще на Тегеранской конференции первый заявил, что после войны Пруссию следует изолировать от остальной Германии, из которой надо будет образовать «Конфедерацию дунайских государств» (А.Уткин. Цит. соч. С. 90). Рузвельт считал, что «Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций» (Там же). И потому сперва считал нужным «раздел Германии на три отдельных и независимых друг от друга государств» (там же, с. 87), а в Тегеране «предложил Сталину и Черчиллю создать уже пять государств на немецкой земле плюс два самоуправляемых региона» (там же). И только «дядюшка Джо» твердил: «А народ немецкий, а государство германское остаются». Так что немцам беспокоиться за свое будущее не приходилось.

Тысячелетнее фашистское рабство? — продолжает умствовать Минкин. «Это — миф, это ложь, подsunутая сталинской пропагандой». И дальше: «Согласитесь, ведь тысячелетний рейх это бред. Гитлер не мог прожить 1000 лет, даже сто». Вот создание, а?! Да кто ж тебе говорил, что Гитлер собирался жить тысячу лет! Ведь и ты не проживешь тысячу, даже сто, а помнить тебя как небывалое явление русской земли будут лет триста, ну, в крайнем случае, пока существует «МК» и жив Гусев. Помнят же тысячу лет Святополка Окаянного, убийцу трех братьев, с помощью поляков в 1018 году захватившего Киев.

«Долго ли смогли бы фашисты удерживать Европу?» — опять вопрошает окаянец. И у него опять наготове историческая аналогия: «Мы же не удержали Афган». Лапочка, Афганистан мы и не думали «удерживать», нас не выперли оттуда, как американцев из Вьетнама, а мы ушли сами по решению правительства с развернутыми знаменами. Но у него еще примерчик как раз об этом: «Американцы с Вьетнамом не справились, а уж какой перевес и в числе, и в технике». Правильно, малыш, но вьетнамцам помогал могучий Советский Союз. Ранее в Северной Корее наши летчики сбили 1309 американских самолетов, а позже во вьетнамском небе главным образом нашими летчиками было сбито более четырех тысяч оклахомцев и пенсильванцев. А кто помог бы поверженной России? Ведь гитлеровская агрессия была в сущности крестовым походом против нас всей Европы. Но мыслящий лопух полон оптимизма и точно знает, что в 1948 году Гитлер умер бы и фашистский режим в оккупированной России рухнул. Однако же ему очень хотелось бы до этого срока пожить при фашизме. Ах, какая досада, что не удалось! Помешал проклятый Сталин да и родной дед Александр Давидович, погибший в боях под Моздоком.

* * *

Как раз в эти дни, когда Минкин на страницах «МК» негодовал и ликовал, умствовал и холуйствовал, клеветал на нашу Победу и плевал в лицо своему деду, как раз в эти дни бывший первый заместитель министра иностранных дел, депутат Госдумы Юлий Квицинский как будто специально для него опубликовал в «Советской России» большую статью «А если бы победил Гитлер». Автор напоминает много фактов, цифр, программных заявлений.

Например, Гитлер о России еще в 1923-м году: «Это громадное государство на Востоке созрело для гибели. Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением расовой теории». Он же

3 марта 1941 года, выслушав доклад Кейтеля о плане «Барбаросса»: «Предстоящая кампания это конфликт двух мировоззрений. Недостаточно будет разгромить вооруженные силы противника. Всю территорию России нужно разделить на ряд государств». Может, вы думаете, Минкин, что Гитлер создал бы и еврейское государство, где вы могли бы стать министром пропаганды? В таком случае Ю. Квицинской напоминает вам: в одном лишь Освенциме были уничтожены тысячи и тысячи евреев. А Гитлер давал такое указание военному командованию: «Необходимо устранить еврейско-большевистскую интеллигенцию...» Так что вы лично, Минкин, подлежали устранению по всем трем пунктам: как и еврей, и большевик, и интеллигент гусевской породы.

Геринг в ноябре 1941 года: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать». И позже: «Многие миллионы станут лишними на территории России». Тут никак нельзя не вспомнить нашего доморощенного Геринга, рыжего и конопатого. Он однажды сказал своему сотруднику по Госкомимуществу, который возмущался пагубными реформами: «Что вы так переживаете? Да, миллионов 30 вымрет. Но они сами виноваты: не вписались в наши прогрессивные реформы. Ничего, русские бабы еще нарожают». Примечательно, что из двух цифр того Геринга «от 20 до 30» этот Геринг взял вторую. И ведь тот-то говорил о чужих, а этот — о соотечественниках.

АНТИСЕМИТЫ

Мой давний товарищ М., зная, что я написал книгу об А. Солженицыне («Гений первого плевка». Алгоритм, 2003, 2005 и 2006) прислал мне статью известного писателя Григория Бакланова «Кумир», напечатанную в «Международной еврейской газете». В статье речь идет о герое моего сочинения. А у меня на столе в это время как раз лежали подаренные в «Алгоритме» только что вышедшие две книги неизвестного мне Якова Рабиновича — «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну» (700 стр.) и «Россия еврейская» (382 стр.). И в них тоже о моем персонаже: это как бы ответы еврея на двухтомник Солженицына «Двести лет вместе», посвященный русско-еврейским взаимоотношениям.

Понятно, что статья и книги сразу заинтересовали меня уже одним присутствием в них моего героя, но по мере чтения обнаружилось, что все в них на сей счет мне давно и хорошо известно, кое в чем даже лучше, чем им, однако у обоих авторов оказалось немало увлекательного и помимо темы Солженицына.

Судите сами. Г. Бакланова уже не первый раз пишет: «Литература опасный род занятий: пишешь про кого-то, а сам ты виден на просвет». Правильно. И дальше: «Солженицын, проявляя(!) поразительное невежество, пишет...» Да, невежество нобелевского лауреата столь поразительно, так изумляет и ошарашивает, что закрадывается сомнение: да он ли, русский человек, имеющий за плечами Ростовский университет и два или три курса знаменитого Московского института философии, литературы и истории, сам ли писал, допустим, «Архипелаг ГУЛАГ»? Ведь там чего стоит одно лишь утверждение, что «из-за болот и лесов Наполеон не нашел Москвы». Какой рус-

ский хотя бы с семилетним образованием в шестидесятых годах прошлого века мог написать такое? А там — вороха подробных сведений!

Но Бакланов-то, воспитанник Литературного института, державный лауреат и многократный орденоносец тоже... Конечно, слово «невежество» тяжеловесно, если я присобачу его к Григорию Яковлевичу, то немедленно ужогу в антисемиты. А вот его коллега и собрат Я. Рабинович изобрел и навешивает на противников такое деликатное украшение — «забавные детали антинаучности». Так вот, следуя его примеру, смело можно сказать, что в статье «Кумир» прорва таких забавных деталей. Причем они разбросаны по самым разным сферам человеческой деятельности и знаний, по разным эпохам — от древнейших времен до наших дней.

Если с древности и начать, то нельзя пройти мимо хотя бы такой детальки: «2000 лет назад римляне победили не покорившихся им иудеев и по дороге от Иерусалима до Рима распяли на крестах воинов-иудеев». Никто, разумеется, не намерен оправдывать свирепость римлян, но из сказанного ясно, что писатель-воин просто не представляет себе, где Рим, а где Иерусалим и как могла пролегать между ними та кровавая дорога. Во-первых, сплошь сухопутной дороги не было и нет. Если двинуть из Иерусалима на север через нынешнюю Сирию, потом почти через всю Турцию на запад, то дальше надо преодолеть Босфорский пролив, и дальше — по территории нынешней Греции, Албании, которую от Италии отделяет Адриатическое море. Но как ставить кресты на проливах и морях? К тому же это тысячи и тысячи километров. А если от Иерусалима двинуть на юг, а потом по Северной Африке — на запад через нынешний Египет, Ливию, Алжир, Марокко, то опять же на пути водная преграда — Гибралтарский пролив, а затем — Испания и Франция. Этот путь раза в три-четыре длиннее северного. Нет, не были римляне такими показушниками, чтобы чуть не весь тогдашний мир опоясывать крестами. Да и в плен они захватили всего тысяч шесть воинов. Как ими разукрасить такую длинную дорогу?

Видимо, писатель спутал Иудейскую войну (66—73 годы) с восстанием гладиаторов и рабов под руководством Спартака (74—71 годы до н.э.). Тогда, с великим трудом подавив восстание, римляне действительно утыкали одну дорогу крестами с распятыми, но она была всего в несколько десятков километров — от Капуи, где в школе гладиаторов зародилось восстание, до Рима. Конечно, это не то, что солженицынский Наполеон, заблудившийся в лесу, но все же: еврей, а не знает, где Иерусалим, видимо, думает, что в Италии...

Если в статье военного писателя Бакланова от Иудейской войны, минуя детальки о Хазарском иудейском царстве, сразу через двадцать веков перенестись к его суждениям о другой войне — Финской, то и тут обнаруживаем детальки того же сорта: писатель обзывает это войну «позорной».

Это с какой же стати? Целью войны было закономерное желание в условиях начавшейся мировой войны обезопасить вторую столицу, находившуюся в 32 километрах от госграницы. И было предпринято доброе намерение решить проблему мирным путем: советское руководство предложило финнам территорию Карельского перешейка обменять на вдвое большую нашу территорию. Финны, за которыми стояли Германия, Англия и Франция, отказались. А в итоге не мы явились в Хельсинки и запросили мира, а финны прибежали в Москву и согласились на все наши условия. Таким образом, в результате войны мы добились всех целей, которые ставились: отодвинули границу, получили военную базу на полуострове Ханко и т.д. И все это нам очень пригодилось, когда вскоре Финляндия вместе с Германией напали на Советский Союз. Так где же тут с такой легкостью навешанный на свою родину «позор»?

Позорная война, Григорий Яковлевич, это, например, Русско-японская, в результате которой мы потеряли половину Сахалина, Порт-Артур да еще почти весь Тихоокеанский флот и подписали позорный Портсмутский договор. Но, слава богу, в 1945 году мы смыли этот позор и все вернули.

Позорным был также разгром англо-франко-бельгийских войск немцами в мае — июне 1940 года. Тем более позорным, что ведь это было не внезапное без объявления войны нападение, как на Россию японцев в 1904 году и немцев в 1941-м, а удар, предпринятый на девятый месяц войны, когда все войска союзников были давно отобилизованы, вооружены и занимали надежные оборонительные позиции. Тем более позорным, что силы союзников превосходили силы немцев: 147 дивизий против 136. Разгром тем более позорный, что немцам потребовалось для него всего шесть недель. Наконец, тем более позорный, что Францию освободили не французы, а войска США, Англии, Канады.

Позорной была и война США против Вьетнама. Тем более позорной, что эта страна не рядом, как Финляндия у нас, а за тысячи миль от Америки и никакой опасности для нее представлять никак не могла. Тем более позорной, что она длилась 16 лет, и американцы за такое время не только не одолели маленькую страну, но потерпели поражение и, потеряв около 60 тысяч солдат и офицеров, в конце концов удрали за океан. Позорны бандитские войны США и против Афганистана, Югославии, Ирака... Надеюсь, Григорий Яковлевич, сами сообразите почему.

* * *

Из невоенных суждений Бакланова можно отметить его замечание о том, что-де в отличие от украинцев и грузин, башкир или калмыков «евреи в состав России не просились, их присоединили». Что значит не просились? Они же не имели своего «состава», а являлись без всякого спроса, и все. Их присутствие на Руси отмечено еще во времена князя Владимира. Нет, говорит Бакланов, «их присоединили. И тут же прочертили черту, за которую им и ногой ступить не разрешалось». Черту оседлости установили в 1791 году, и охватывала она 15 губерний — целое государство, и большое! — внутри этих губерний евреи могли жить и перемещаться как угодно. А вот

русские крестьяне задолго до этого стали крепостными, т.е. бесправными рабами помещиков, их можно было и продать и обменять на что угодно, например, на породистую собаку (см. хотя бы сцену охоты в «Войне и мире» Толстого). Евреям в черте оседлости ничего подобное не грозило. Не слышно, чтобы Иванов продал Петрову Абрамовича или Сидоров обменял Рабиновича на бульдога.

Это различие полезно бы помнить. Тем более что Бакланов тут же признает: «Никогда никакая черта не сдерживала расселение народов. Не помешала и черта оседлости». Видимо, тут он прав: не помешала...

И тут мы вступаем в баклановский литературный мир. Тут все хорошо знакомо, привычно: «Всеволод Кочетов, известный мракобес»... «Проханов, главный редактор одной из самых мракобесных газет»... «Великий поэт Пастернак»... и т.д.

Но есть и новости. Приведем хотя бы парочку. Так, автор уверяет, что Василий Гроссман принес свой роман «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя», а главный редактор Вадим Кожевников прочитал его и помчался с ним в КГБ. Откуда такие сведения? Неизвестно. Возможно, из телепередачи Сванидзе.

А вот еще и такое: «У моей первой повести о войне было посвящение: «Памяти братьев моих — Юрия Фридмана и Юрия Зелкинда, павших смертью храбрых в Великой Отечественной войне». Прекрасное, благородное дело! И что же? А вот, говорит: «Как же на меня давили в журнале, как вымогали, чтобы я снял посвящение... Я не снял. Но уже в сверке, которую автору читать не давали, его вымарали... Прошли года, и я восстановил посвящение». Достойный поступок.

Но странно, что не названы ни повесть, ни журнал, ни антисемиты, которые давили и вымогали. А главное, почему давили-то, с какой целью? Да как же, говорит, ведь из посвящения «получалось, что евреи воевали». А раньше никто не знал об этом? Скрывали? Государственной тайной было? Да как же евреи-фронтовики смели ордена носить? Не грозило ли это им репрессиями? Вспоминаю, как праздновали День Победы в ЦДЛ. Перед началом — построение в вестибюле, им коман-

дует Генрих Гофман, переключку проводит Алик Коган, в ресторанном зале за командном столом сидят генерал Драгунский, тот же Гофман, Марк Галлай — кто тут не еврей?

Но вот что еще интересно! У меня есть стихотворение «Алтарь победы». Оно тоже имеет посвящение: «Памяти Игоря Зайцева, Володи Семенова, Фридриха Бука, Лени Гиндина — всех моих одноклассников, не вернувшихся с войны». Последний в этом списке — еврей, а может, и предпоследний. Но стихотворение было беспрепятственно напечатано в «Правде», никто не требовал, чтобы я вычеркнул Гиндина или Бука. А уж не «Правда» ли цитадель антисемитизма?

Однако что же все-таки это за повесть? Где печаталась? Оказывается, «Южнее главного удара». Напечатана в 1957 году в том самом журнале «Знамя», где позже Бакланов десять лет был главным редактором и получал на издание субсидии от Сороса. И вот там-то в самый-то разгар «оттепели» он натолкнулся на такой тупой антисемитизм? Странно... И почему не сказано, кто именно давил? Ведь прошло 50 лет, уж теперь-то чего скрывать?

Отгадку сей недоговоренности, видимо, дают вот эти строки из воспоминаний Станислава Куняева, как раз в те годы работавшего в «Знамени»: «Писатель-юморист Виктор Ардов заходил в нашу комнату и однажды, остановив взор на мне, незнакомом ему новом сотруднике, спросил: «А вы, милейший, не полужидок?» И смотрел на меня с подозрением: как это не-еврей может работать в таком престижном журнале?! Вот отделом критики заведует «полужидок» Самуил Дмитриев, его помощник — Лев Аннинский, тоже полукровка, в отделе публицистики — Александр Кривицкий, Миша Рощин (Гибельман) и Нина Каданер, в отделе прозы — Софья Разумовская, жена Даниила Данина, секретарь редакции — Фаня Левина, заместитель главного — Людмила Скорина, украинка, жена еврея Виктора Важдаева — все наши! И вдруг какой-то русский!» (Поэзия. Судьба. Россия. Т. 1. С. 111). И оказался он тут только потому, что привел его Борис Слуцкий.

Понятно, что при столь густом составе редакции Бакланов не пожелал никого называть по именам, а предпочел полную анонимность, позволяющую подозревать того же Кожевникова. Склоняя голову перед памятью его погибших братьев, нельзя не сказать однако: не следует, Гриша, спекулировать тенями мертвых, тем более если это тени близких родственников.

* * *

Как читатель, очевидно, уже догадался, главное в статье Бакланова — национальный вопрос преимущественно в его еврейском варианте. Он пишет, что национальностью «никогда не интересовался.... Даже во взводе у себя меньше всего интересовало, кто — кто». До того он суперинтернационалист. А мне это читать странно. Меня, наоборот, очень интересовало. В самом деле, кого, кроме русских, я знал до войны? Пожалуй, только украинцев, евреев да татар. А на фронте, кроме названных, я впервые встретил казаха Райса Капина, грузина Вану Бердзенишвили, молдаванину Юрескула, удмурта Афанасия Адаева, мордвина Модунова, цыгана Лешку Казанина, узбека Абдуллаева, литовца, фамилию которого уже не помню.... И как это многообразие могло быть неинтересно мне, восемнадцатилетнему! Я любовался им! И ведь о чем говорили мы, когда была возможность? Да главным образом о том, кто откуда, как у кого хлеб пекут, как свадьбы играют. Другое дело, что никаких трений, распрей на национальной почве не было.

Бакланов лукавит, когда говорит, что национальность его никогда не интересовала, что «не делил людей по составу крови. Этим занимались фашисты». А кто же в статье размышляет о «составе крови» сыновей Солженицына: то ли наполовину, то ли на четверть они евреи — Розенберг?

Если не интересовался, то чем объяснить все эти подсчеты и выкладки: сколько евреев было на фронте, сколько погибло, сколько из них стали Героями Советского Союза и т.д.

Причем в этих выкладках Бакланов не редко расходится с коллегами, а кое-что у него и довольно сомнительно.

Так, он пишет, что евреев на фронте было 434 тысячи (Рабинович в своих книгах называет еще большую цифру — 501 тысяча). И оба уверяет, что это — «по данным Центрального архива министерства обороны». Кому верить? У Бакланова «погибло 205 тысяч, т.е. почти 50%». А у Рабиновича — «142,5 тысячи, что составляет 28,5%» (Россия еврейская, с. 187). Кому верить? Хочу поверить Бакланову как фронтовику и моему однокласснику, но это же крайне затруднительно: если погибло 205 тысяч, то ведь наверняка было, как водится в больших войнах, раза в три больше раненых, но оставшихся живыми, т.е. еще тысяч 600. Выходит, на фронте было уже около 800 тысяч евреев — почти в два раза больше, чем 434 тысячи объявленных раньше. А ведь еще многие были и не убиты и не ранены. Это сколько ж всего получается? Да, пожалуй, миллион полтора. Куда же девать 434 тысячи?

Или вот Бакланов доверчиво цитирует статью В. Каджая в Интернете: «Среди погибших воинов-евреев 77,6% составляли рядовые солдаты и сержанты и 22,4 — младшие лейтенанты, лейтенанты и старшие лейтенанты». Но ведь $77,6 + 22,4 = 100\%$. То есть подсчитаны все погибшие евреи. Из этого следует одно из двух: или выше по званию, чем старший лейтенант, евреев на фронте не было, что крайне странно, или каким-то чудесным образом ни один еврейского происхождения капитан, майор, подполковник и выше за всю войну не погиб, предоставляя эту возможность младшим по званию. Как в песне: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Как после этого безоговорочно принять на веру, что «абсолютное большинство евреев Героев Советского Союза — пехотинцы»? Тем более что Рабинович пишет, что пехотинцев из 108 Героев-евреев было только 34 (там же, с. 198), т.е. меньше трети.

В свете сказанного можно посоветовать Бакланову не повторять больше и то, будто «половина евреев звание Героя получили посмертно». Тем более что к сказанному можно добавить такое соображение. В 1987—1988 годах в Воениздате

вышел биографический словарь «Герои Советского Союза». В нем почти 13 тысяч имен. Возьмем несколько особенно распространенных у нас русских фамилий. Больше всего Героев по фамилии Иванов — 84 человека, почти все они русские. Из них посмертно получили звание 19 человек, это около 22%. Среди тоже почти поголовно русских Кузнецовых — 69 Героев, из них посмертных 12, т.е. примерно 17%. Смирновых — 41 Герой, из коих получили звание посмертно 11, что составляет около 25%. В среднем это около 20%. Ну почему же, Бакланов, у евреев в два с половиной раза больше? Что, они шли на несравненно более опасные, почти наверняка смертельные подвиги, чем другие? И тут впереди всех? Подумай, Гриша...

* * *

Наконец, если Бакланова никогда не интересовала национальность человека, то чем объяснить его настойчивые поиски евреев там, где их никогда не было или — то ли были, то ли нет? И желание найти так велико, что бесстрашно залезает в глубь времен.

Впрочем, в этом деле гораздо энергичней промышляет его младший собрат Яков Рабинович, с него, пожалуй, и надо начать эту тему.

Яков Иосифович обожает свою нацию. Что ж, прекрасно! Никто не против. И я люблю свой народ. Но он еще и убежден в том, что «евреи — это бриллиант в короне Всевышнего». Вот так о своем народе я говорить не стал бы и не только потому, что у Всевышнего нет и не было никакой короны. А Израиль, говорит, «по своему интеллектуальному потенциалу примерно равен всей Западной Европе». Слава Богу, мы живем в Восточной.

«Без евреев, — читаем и такое, — Россия никогда не смогла бы достичь тех высот, которых достигла». Да что Россия! «Без евреев немыслим весь процесс мирового развития в целом». Ну, это мы слышали неоднократно. В частности, покойный поэт Семен Липкин еще в далекие советские

годы напечатал одновременно в журнале «Москва» и в альманахе «День поэзии» бриллиантовый стишок «Союз И». Он заканчивался так:

Без союзов язык онемееет.
И я знаю: сойдет с колеи,
Человечество быть не сумеет
Без союза по имени И.

Кроме того, Рабинович еще убеждает, что «евреи всегда славились склонностью изрекать правду, и тут одна из причин, почему их так ненавидели... Долг еврея — говорить правду, как он ее понимает». И как же охотно он предается склонности изрекать! И сколько же у него изречений этой правды, по-своему понимаемой, обо всем, в том числе о доселе неизвестных нам евреях, которых он приобщает к бриллиантовому братству! Глаза разбегаются, не знаешь с чего начать... Тут и знаменитые писатели, и ученые, и военные, и артисты... Но прежде надо заметить, что товарищ Рабинович не слишком обременил себя познаниями даже в тех областях, где все открыто и, как говорится, лежит на поверхности.

Например, он не знает, какова была численность населения в СССР перед войной. Да что там наше население! Путаётся даже в основополагающих фактах истории родного еврейства: то говорит, что его соплеменники обретаются в рассеянии по всему свету две тысячи лет (с. 343), а то — целых четыре (с. 355)! А почему не шесть?

Уверяет, что в Советском Союзе «евреям жилось не сладко» (с. 369). Все, дескать, мед ели, а они — только крапиву. В другом месте уточняет: мы жили как в концлагере (с. 74). Но и в концлагере не как все там, а еще и в кандалах (с. 329). Словом, это бы «кромешный ад» (с. 351). Но мало того, еще и в большинстве советских фильмов и спектаклей, если появлялся еврей, его изображали смешными, жалким (с. 331). Короче говоря, глумились. Очень хотелось бы узнать хоть один такой фильм, поскольку очень многие фильмы ставили как раз

режиссеры-евреи. Уж не «Ленин» ли «в восемнадцатом году»? Как раз его поставил еврей Ромм по сценарию еврея Каплера, и есть там еврейка Каплан, стреляющая в Ленина. Она действительно показана жалкой негодяйкой, которую едва не растерзывает толпа. Рабинович негодует: «Это же несправедливо! Это антисемитизм! Ведь Фани Ефимовна промахнулась!» (с. 75). Просто глазам своим не веришь: человек не знает, что террористка всадила две пули, так и оставшихся в теле, чем, конечно, сократила жизнь Ленина.

Но особенно много самодельных антинаучных деталей в познаниях Рабиновича о войне. Во-первых, он объявляет, что «в приграничных сражениях почти вся Красная Армия попала в окружение» (с. 426). Интересно. А что же в таком случае помешало немцам захватить Москву и Ленинград? Кто их защитил? Вот подумал бы!

Хотя почти вся армия оказалась в окружении, однако «еврейское сопротивление» агрессору в эту начальную пору войны было отчаянным: «В первый год, когда боевых наград удостоивали редко, были награждены 303 солдата-еврея». А офицеры? Ведь их, как уверяет в другом месте, было по одному на каждые два солдата-еврея. Офицеров почему-то не награждали. «Из 303 солдат ордена Красного Знамени и Красной Звезды получили 185 человек, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги — 113» (с. 197). Представляете? Орденами награждено едва ли не в два раза больше, чем медалями! Вот ведь сам ставит своих соплеменников в неловкое положение, а обвиняет других. Поймите, бриллиантовый, так не бывает: в больших военных делах подобно тому, как раненых гораздо больше, чем убитых, так и награжденных медалями всегда больше, чем орденами. Ведь это так естественно и понятно: чем выше награда, тем меньше награжденных, и наоборот! Например, орденом Красного Знамени за войну было свыше 580 тысяч награждений, а орденом Красной Звезды — 2 миллиона 860 тысяч. В пять раз больше. Но если Рабинович настаивает на своем, то выходит, что евреям кто-то содействовал получать орденов больше, чем медалей. И антисемиты могут по-

думать: не Лев ли Захарович Мехлис, который как раз в первый год войны занимал высокие посты начальника Главного Политуправления и заместителя наркома обороны.

Но внимайте дальше о евреях: «Уже в 1941 году было присвоено звание Героя Советского Союза стрелку-радисту Н.В. Стратиевскому, совершившему 292 боевых вылета...» Во-первых, не Н.В., а Н.Б(орисович); во-вторых, не 292, а 232 боевых вылета; в-третьих, получил Героя не в 1941 году, не в начале войны, а в конце — 23 февраля 1945-го.

Еще? Извольте... «В разгроме гитлеровских войск под Сталинградом решающую (!) роль сыграл 48-й стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Я.Г. Крейзер». Во-первых, в сражении такого масштаба, как Сталинградское, один стрелковый корпус не может сыграть решающую роль. Во-вторых, 48 ск в Сталинградской битве вообще не принимал участия. Понимаете? Не при-ни-мал... Но Рабинович не может успокоиться: «Высоко ценил военное искусство Я.Г. Крейзера маршал А.Василевский: «Армия, которой командовал Крейзер, разгромила группу Манштейна под Сталинградом». Тут пример особого искусства, ибо указаны страницы, где, мол, это в книге Василевского «Дело моей жизни» (надо — «всей жизни»), а там Крейзер и не упоминается, т.е. автор протаскивает ложь под прикрытием великого авторитета маршала.

Конечно, не умолчал Рабинович и о власовцах: «Сотни тысяч русских предателей, служивших немцам в РОА!» Да почему же сотни тысяч? Бенедикт Сарнов считал, что миллионы! Пришлось мне однажды в Малеевке разъяснить ему, что вся власовская РОА это две дивизии, первой командовал С.К. Буняченко, второй — Г.А. Зверев. А это никак не больше 25—30 тысяч. Но молчит Рабинович о евреях, воевавших вместе с немцами. Ведь только в плену у нас их оказалось 10 173 человека (ВИЖ № 9' 90, с. 46). А сколько убито? Сколько избежали плена?.. Пожалуй, как раз власовская армия и будет.

Шибко убивается Рабинович по поводу судьбы «еврейских полководцев». Вот, говорит, во время войны в Красной Армии «высшие воинские звания имели 227 человек». Что

за высшие звания — генеральские, что ли? Видимо, так, ибо дальше пишет: «За 8 лет при Сталине было уволено 93 генерала-еврея, а если учесть умерших, то их число сократилось вдвое. После смерти Сталина кампания очистки армии от еврейских полководцев продолжалась». Болезный, а сколько русских генералов было тогда уволено? Это его не интересует. И не соображает он, что шла демобилизация огромной 10-миллионной армии военного времени, и прежнее количество генералов было просто не нужно. К тому же время шло, люди, независимо от национальности, старились и даже, как сам пишет, тоже совершенно независимо умирали.

Господи, а что плетет Рабинович о Сталине! Например, вкладывает ему в уста такое: «Евреи плохие солдаты». Где, когда, кому он сказал это — может, Радзинскому? О Сталине, конечно, Рабинович особенно охотно режет замызганную правду-матку такого пошиба: «Он уничтожил половину России». Странно, почему в эту половину не угодил и Яков Иосифович, такой махровый антисоветчик...

* * *

И вот с такой-то оснащенностью ума и памяти товарищ Рабинович занялся самодельным изготовлением евреев из подручного материала.

Ну, начнем с писателей. Пушкин у него хоть и не еврей, но и не русский, а «полуэфиоп», Достоевский тоже не русский — «полулитовец». Как? Каким образом? По отцу? По матери? Неизвестно, молчит. Для него, как видим, главное порой даже не в том, чтобы талантливого русского человека объявить евреем, а отнять у русских этот талант. Тут мне вспоминается невольно, как однажды в Коктебеле писатель Леонид Аронович Жуховицкий, ныне член редколлегии «Еврейской газеты», представлял мне не только себя полуполяком, но и меня — полунемцем. Это как национальная болезнь или хобби.

Не объясняя, почему Пушкин и Достоевский — «полу», Рабинович зато хорошо знает, почему полувеврей Фет: живи он

сегодня, говорит, «имел бы право как сын еврея стать гражданином Израиля». То-то радость была бы для Афанасия Афанасьевича... Но позвольте, полумудрец, ведь хорошо известно, что отец поэта — богатый орловский помещик Афанасий Неофитович Шеншин. И если уж вы не знаете, кто его русский отец, то бесполезно спрашивать вас об иностранке матери, если захотите поправиться: «Ах, нет, не по отцу, а по матери он еврей!» Так и быть, сообщая: мать его Каролина Шарлотта была католичка, а еврейка или нет, копайтесь сами, мне это неинтересно. Замечу только, что брак с католичкой в России не признали, и Фет всю жизнь добивался фамилии отца, а когда все-таки в старости добился, то Тургенев посмеялся в письме к нему: «У вас было имя — Фет, а теперь вы получили фамилию — Шеншин».

Уже по этим первым примерам видно, сколь печальна степень осведомленности автора и в любимом им деле изготовления евреев. А что дальше?

Очень возмущают Рабиновича русские писатели, которых он милостиво зачислил в евреи, а они от этой великой чести отказываются. Тут целая шеренга от князя Петра Андреевича Вяземского, старшего друга Пушкина, до Алексея Николаевича Толстого. Между прочим, сохранилось 74 письма Пушкина к Вяземскому. И Рабинович мог бы гордо воскликнуть: «Вот какая большая дружба связывала великого полуэфиопа с истинным евреем!» А как отрадно ему сознавать, что знаменитые книги «Хожение по мукам», «Петр Первый», «Гиперболоид инженера Гарина» и другие написаны талантливейшей рукой его соплеменника.

Еще больше добытчик бриллиантов негодует на таких, как Антон Рубинштейн. Когда, случалось, кто-то ему напоминал о его еврейском происхождении, говорит, он спесиво отвечал: «Я православный русский дворянин!» Рабинович кривится: «Ну и Бог с ним, с русским дворянином! Обойдется еврейство и без него!» Еще легче оно обошлось бы без Рабиновича.

Неутомимо ведутся розыски замаскированных евреев и за пределами нашего отечества. Например, представьте себе,

уверяет, что евреи и Рихард Вагнер, любимый композитор Гитлера, в честь которого в нацистской Германии устраивались празднества да фестивали, и генерал Франко, которым, оказывается, некоторые евреи гордятся, и немецкий канцлер Гельмут Шмидт, и даже какой-то не названный по имени — и так, мол, все знают — шведский король, а еще и таинственный «бас Большого театра» — все евреи. Бас — то не Марк ли Осипович Рейзен, дважды Георгиевский кавалер и трижды лауреат Сталинской премии?

Но особенно много сознательно скрытых советской властью евреев Рабинович обнаружил среди участников Великой Отечественной войны, руководителей промышленности и конструкторов. Например, генералы Глазунов Георгий Захарович, Ласкин Иван Андреевич, Стельмах Григорий Давыдович, адмирал Анатолий Галицкий, полковники А. Кривулин, С. Карагодский, танкостроитель Котин Жозеф Яковлевич, авиаконструктор Жезлов Михаил Сергеевич, конструктор огнестрельного оружия Шпитальный Борис Гаврилович, разведчик Лев Медведев, которому-де из-за его еврейской национальности не дали вторую Звезду Героя и т.д.

Прекрасно! Однако как всему этому верить, если в иных случаях автор не знает или скрывает отчество, дает только имя или — один инициал, а то даже путает имена и фамилии. Например, Котин у него Костин, а Иван Ласкин — Юрий Ласкин. И почему этот Иван должен быть евреем? А фамилии Кривулин, Медведев шибко еврейские? Среди Героев Советского Союза 13 Медведевых, и все русские. А Рабиновичу для превращения человека в сияющий бриллиант достаточно того, что он Лев. Да это же международное имя. Его имеют и многие евреи, и многие русские, и люди других национальностей. Одних пап римских по имени Лев было больше дюжины. Вспомните хотя бы Льва XIII, восседавшего в Ватикане с 1878 года до смерти в 1903-м. Ну, была в истории папства одна папесса, но еврея — ни одного. Кстати, Льва Медведева среди Героев нет. Откуда взял?

И Гаврила, отец Шпитального, тоже еврей? Помните?

Служил Гаврила хлебопеком,
Гаврила булку выпекал.

Так он в свободное время еще и евреем служил у Рабиновича?

А с чего решил автор, что генерал Стельмах еврей? Был известный писатель Михаил Афанасьевич Стельмах, академик, Герой Социалистического Труда, Ленинский лауреат, депутат Верховного Совета СССР — истинный украинец!

Тут не столько ошибки, сколько печальные детали тупой антинаучности. Как только Рабинович встречает фамилию с окончаниями не на «ов» и не на «ин», наиболее распространенными среди русских, так немедленно цапает и тащит в бриллиантовое царство.

Или вот объявлен евреем адмирал Анатолий Галицкий. Какие доказательства? И почему скрыл отчество? А оно не Иванович? Был генерал армии Кузьма Никитович Галицкий и генерал-лейтенант инженерных войск Галицкий И.П., оба кавалеры многих орденов, в том числе — Суворова и Кутузова — тоже евреи? В Литературном институте помню профессора Галицкого Льва Николаевича — и он? С какой стати зачислен в евреи член Медицинской академии наук Владимир Федорович Зеленин?

* * *

«Коммунистическая пропаганда и цензура делали многое, чтобы скрыть или приуменьшить подлинные факты участия евреев в войне» или, как пишет Рабинович в другом месте, «в еврейском сопротивлении». И вот какую демагогию громоздит для доказательства этого вокруг славного имени Цезаря Львовича Куникова: «На протяжении многих лет длилась позорная история с национальностью майора Куникова. Фронтовое начальство умышленно (!) внесло в наградной лист на

представление еврея к званию Героя национальность «русский», чтобы избежать отклонения ходатайства (о наградах не ходатайствуют, к ним представляют. — В.Б.) вышестоящими начальниками-антисемитами».

Откуда ему это известно? Такие вещи надо доказывать с наградным листом и другими документами, с фамилиями начальства в руках, а без этого кто поверит человеку, считающему евреем любимого композитора Гитлера? Хотя объяснил бы, откуда взял, что «вышестоящее начальство» — антисемиты, а «фронтовое начальство» — вовсе нет. Ведь сам же пишет, что такой представитель самого высокого начальства, как министр обороны маршал А.А. Гречко в своих воспоминаниях, «перечисляя национальности героев битвы за Кавказ, назвал Куникова евреем». Вот именно — «перечисляя национальности». А обычно в литературе о войне национальность просто не указывается. Нет, Рабинович с этим решительно не согласен, он требует, чтобы всегда и везде евреев, выделяя из всех, называть евреями. В Азове поставлен памятник. Что, и на нем надо было выбить: «Герой Советского Союза еврей Ц.Л. Куников»?

«Много лет в книгах и открытках воспроизводили «русскую» национальность Куникова». Вот, например, книга П. Межирицкого «Товарищ майор». Поинтересуйтесь, что там на сей счет. Но из множества, по его уверению, публикаций Рабинович привел лишь один случай: в 1-м томе биографического словаря «Герои Советского Союза» Куников действительно назван русским. Да, ошибка. И она там не единственная в этом роде. Например, Абрамов Ш.С. назван татарин, а он тат; Ачмизов А.А. назван черкесом, а он адыг, вот и Куников. И все эти обычные в издательском деле ошибки исправлены во 2-м томе. Чего тебе еще? Таты и адыги не шумят, не визжат, а Рабиновичу за издательской ошибкой видится коварный антисемитский заговор, не иначе: «Каждому ясно, что это не опечатка, а юдофобская выходка». Каждому, кто спятил.

В справочнике, говорит, еще несколькими евреям приписана иная национальность. Трудно поверить, уж он бы не упус-

тил шанс, вволю потоптался бы на каждом факте, разоблачая антисемитов.

Если поверить, что в наградном листе Куников действительно назван русским, то ведь этому есть гораздо более правдоподобное объяснение, чем зверский антисемитизм. Его имя и отчество не имеют никаких национальных признаков, они интернациональны, а фамилия вполне русская по форме, вполне возможно, что когда-то она была, допустим, Кун, но он сам придал ей русскую форму, считая себя, русским, как, например цитируемый в книге «Быть евреем в России» кинорежиссер Михаил Ромм: «Я родился в Иркутске, вырос в Москве, говорю только по-русски и чувствовал себя всегда русским, полноценным советским человеком» (с. 442). Почему же Куникову отказывать в том, чем был наделен Ромм? Да разве он один! К тому же, ведь Куников был представлен к званию Героя уже посмертно, спросить было невозможно, а документы могли при штурме не сохраниться. Понимает ли Рабинович, что такое захватить плацдарм на другом берегу? Вот это и проделал штурмовой отряд Куникова в ночь на 4 февраля 1943 года в районе села Мысхако и поселка Станичка южнее Новороссийска. Тут не до национальности, не говоря уж о документах.

Скорбя о погибшем, надо радоваться, что и Героя присвоили ему быстро, без волокиты, и навечно зачислили в списки части, и памятник поставили в Азове, а мемориальные доски — в Ростове, где он родился, и в Москве, где работал, его именем названы танкер, а также школы и улицы в Ростове, в Новороссийске, Туапсе, Азове, поселок Станичка переименован в Куниковку, и в самой столице в его память переименована площадь Земляной Вал да еще и во множестве не только военных справочников имеются статьи о нем, и книги написаны. Что еще вам не хватает — оперы? Назовите второго Героя, памяти которого было бы оказано столько внимания. Радоваться бы надо, говорю, а он грязную склоку заводит из-за одной издательской ошибки, к тому же исправленной. А потом еще и вопли: «Вот почему нас всегда ненавидели —

за правдивость!» Да, за такую правдивость могут возненавидеть везде и всегда.

По цинизму вранье о Куникове можно сравнить, разве что, с враньем о Владимире Высоцком: «Его долго и упорно преследуют, не давая возможности публиковаться», поскольку-де кто-то в его роду еврей. Для артиста «публиковаться» — это играть на сцене или сниматься в кино. Так вот, Высоцкий был ведущим артистом одного из самых популярных театров и там играл важнейшие роли вплоть до Гамлета и снялся в 30 фильмах, а песни его слушала вся страна. Что же до текстов его песен, но на бумаге они сильно проигрывают по сравнению с его живым исполнением. В самом деле, ну что это такое?

Где мои семнадцать лет?
На Большом Каретном!
Где мой черный пистолет?
На Большой Каретном!
Где меня сегодня нет?
На Большом Каретном!

Чушь! А когда он пел, публика неистовствовала.

А преследовали его так упорно, что он вынужден был жениться на француженке, чтобы прятаться за ее импортную спину...

Вот еще прелестный эпизод: « Не везло в советской печати одному из руководителей обороны Брестской крепости Ефиму Моисеевичу Фомину... Почти никогда не указывали ни его национальности, ни его отчества. Проявляя к его памяти неуважение, граничащее с оскорблением, намеренно спускали его еврейскую национальность». Если это почти оскорбление, то как охотно занимается этим в своих книгах Рабинович.

Ну, а отчество, как мы видели, он и сам то и дело не указывает (Анатолий... Галицкий, Борис... Шпитальный, Лев... Медведев и т.д.). Но что такое отчество? Был в царской армии крупный генерал Николай Иудович Иванов (1851—1919).

Командовал Киевским военным округом, во время войны — Юго-Западным фронтом. Откуда ему досталось еврейское отчество, вернее, его отцу — имя? Оно есть в святцах, вот по ним и дали. А что такое имя? Оно тоже берется из святцев или просто с потолка, по вкусу. На соседней странице Рабинович упоминает Тараса Фисановича. Имя чисто украинское, а он — щирый еврей. Скорее всего, именно так дали имя и отцу Фомина, и ему самому. А вот фамилия гораздо более коренная вещь, чем имя или отчество, она уходит в глубь веков. И сколько среди русских Ефимовых да Моисеевых!

В поисках бриллиантов Рабинович забрался даже в позапрошлый век и привел оттуда в свой стан еще и знаменитого адмирала П.С. Нахимова. И тут нам пора вернуться к Г. Бакланову.

* * *

Бакланов пишет, что дед адмирала Нахимова «был местечковый сапожник Нухим, а отец — кантонист, которого крестили: был Самуил — стал Степан. Потомки Нахимова живы, носят его славную фамилию: это (?) от его невенчанной жены Рахили, которая отказалась креститься, и ее изгнали с детьми из их поместья в Курской губернии, когда адмирал умер».

Я готов поверить, но сомнение вызывает то, что автор скрыл источник. Где он все эти сведения раздобыл? Естественно, приходит на ум, что родничек-то уж больно недоброкачественный. И почему лет полтора-два такие дотошные, как Бакланов и Рабинович, не раскопали это? А если давно раскопали и все знали, но при кровавом «тоталитарном режиме» не смели заикнуться, страшись четвертования или посажения на кол, то почему, допустим, Эммануил Бройтман в своей книге «Знаменитые евреи», вышедшей у нас в 2000 году уже при полном разгуле демократии третьим изданием, среди 180 евреев, в числе которых и такие, как провокатор Евно Азеф, террористка Фанни Каплан или чемпион по фехтованию Марк Мидлер, и вытасщенные из глубины веков историк

Иосиф Флавий, философ Спиноза и петровский дипломат Шафиров — почему при всем этом автор не нашел в книге места для знаменитого адмирала, гордости Российского флота, который мог бы стать и гордостью евреев? Как не нашел места и для Вагнера, генерала Франко, Алексея Толстого и многих других, упоминавшихся выше.

А откуда родом, где жили дед и отец адмирала? И кто их жены? Если Нахимов был с женой невенчан, значит, он православный. Надо полагать, и дети адмирала крещеные. А умер он в 1855 году от полученного ранения, вся Россия плакала и скорбела о герое Синопа и Севастополя, и вот именно тогда его жену и детей выгнали из дома? Кто посмел? Да ведь это не коммуналка, из которой, впрочем, в советское время тоже не выселяли на улицу, а адмиральское поместье. И что, только потому выгнали, что вышеназванная Рахиль не захотела креститься? Невозможно поверить! Не было закона, который обязывал евреев креститься.

Но царского адмирала XIX века Бакланову показалось маловато. Он захотел приобщить и советского генерала да еще и маршала. И приобщил знаменитого кавалериста Льва Доватора, Героя Советского Союза, погибшего в боях под Москвой, и столь же знаменитого танкиста Михаила Катукова, дважды Героя. Он умер в 1976 году. О первом писатель и рассуждать не стал, заметив мимоходом, будто и школьники знают, что он еврей. (Больно интересно это школьникам.) А второго представил цитатой из воспоминаний Гудериана, битого им, и заключил: «Катуков, если не ошибаюсь (проверить ему лень! А то, что стыдно не знать это военному писателю, и в голову не приходит. — В.Б.) маршал бронетанковых войск, дважды Герой — еврей. Я этого не знал до последнего времени, и у нас по известным причинам это не афишировалось».

Но ведь у нас не афишировалось и то, что евреи, допустим, Л. Каганович, М. Ботвинник, Д. Ойстрах, Ю. Харитон, А. Райкин, М. Ромм, Э. Быстрицкая и множество других известных евреев в самых разных областях жизни. Видно, Бакланов хочет, чтобы во время войны сводки Совинформбюро в иных

случаях были примерно такими: «Вчера танковая бригада, которой командует еврей Драгунский, вела ожесточенные бои на Харьковском направлении». А после войны хорошо, если были бы такие афиши: «12 апреля в Большом зале консерватории состоится концерт народного артиста СССР скрипача Давида Ойстраха, еврея». Или сообщение в газетах: «После двадцать девятой партии в матче между русским чемпионом мира Анатолием Карповым и гениальным полуевреем Гарри Каспаровым (Ванштейном) счет стал 5:0 в пользу бездарного русского». Вот это была бы жизнь!..

Я, конечно, всегда знал, что Доватор — белорус, Катуков — русский, так о них сказано и в двухтомнике «Герои Советского Союза», и в других источниках. Но я вдруг опять вспомнил, что Бакланов ссылается в своих захватнических устремлениях на потомков адмирала Нахимова, которые-де живы и гордятся своим великим предком. Однако ни имен потомков, ни чего-либо еще о них писатель не сообщает. Я подумал: если живы потомки человека, умершего так давно, то очень вероятно, что живы и родственники тех героев Великой Отечественной, кого Бакланов рекрутирует ныне в самодельное еврейство. Надо найти!

И нашел! Позвонил одному весьма высокопоставленному офицеру, и через два дня он сообщил нужные мне данные обо всех родственниках заинтересовавших меня покойных героев.

К первой я обратился к Екатерине Сергеевне Катуковой, вдове маршала. Не знаю почему. Уж не потому ли подсознательно, что когда в Косово танковый полк генерала Заварзина совершил дерзкий бросок в Приштину, я напечатал в «Завтра» стихотворение, начинавшееся словами:

Никто не ожидал такого!
Так в сорок первом в грозный час
Бросок бригады Катукова,
Что, может быть, Москву и спас...

Екатерина Сергеевна была достойной спутницей мужа. С Михаилом Ефимовичем она прошла путь длиною в 38 лет, в их числе — и грозные годы войны. А вскоре после смерти мужа она создала его музей, который открыт для всех. Когда я прочитал ей приведенные выше стихотворные строки, она сказала: «Здесь два слова лишних — «может быть».

Выслушав новость о том, что писатель Бакланов и «Международная еврейская газета» зачислили ее мужа в свои соплеменники, она долго молчала, а потом спросила:

— Вы знаете адрес этого Бакланова?

— Ну, есть у меня справочник с адресами и телефонами писателей. А зачем вам?

— Как зачем? Несмотря на свои девяносто с лишним, я бы сбегала к нему, и поговорила бы с ним по душам.

— Да ведь он тоже старый. Может, и соображает уже плохо.

— Ну тогда в газету пойду. Кто там редактор?..

Она помолчала и вдруг воскликнула:

— Мой Миша еврей!.. Мой Миша иудей!.. Мой Миша друг царя Соломона!.. Да он родился в крестьянской семье в деревне Большое Уварово тогда Коломенского уезда, а сейчас Озерского района Московской области. И мать и отец — из перерусских русские крестьяне. Эти писаки что — спятили?

— Как видно, сочли бесспорным доказательством его отчество — Ефимович, которым они заменяют Хаимович: Фанни Хаимовна (Ефимовна) Каплан, Борис Хаимович (Ефимович) Немцов, Михаил Хаимович (Ефимович) Швыдкóй...

— Да это самое русское, даже деревенское имя. Мою мать звали Анна Ефимовна! — вскрикнула Екатерина Сергеевна. — Что, еще и она и я еврейки? Нет, дайте мне его адрес! Главная-то беда не в том, что зачислят в евреи, а в том, что лишают человека национальности его предков, его народа и присваивают его жизнь, его подвиги. А еврейскую газетку вы мне подарите. Я ее в музее повешу рядом с геббельсовской листовкой.

Я обещал прислать, но адрес на всякий случай все-таки не дал боевой подруге маршала. У нее ведь и у самой множество наград за бесстрашие и решительность.

Еще одна беседа была у меня с Маргаритой Львовной Доватор, дочерью легендарного генерала. Она моложе Екатерины Сергеевны, но, понятно, и она в годах.

— Господи, ну когда они уgomонятся! Ведь сколько лет уже... Мало им Буси Гольдштейна, мало Чубайся и Немцова, дай им и Доватора!..

Оказывается, еще при Брежневe родственники покойного генерала не выдержали и обратились в ЦК с письмом, где требовали прекратить в печати принудительную евреизацию их мужа, отца, брата. Им прислали извинение, а в «Вечерней Москве», где главным редактором был тогда известный Семен Исаакович Индурский, впоследствии тесть краткосрочного министра культуры Евгения Сидорова, была напечатана большая статья о Доваторе, в которой, конечно, не говорилось, что он не еврей, но ненавязчиво подчеркивалось, что белорус.

— И женат он был на белоруске, — сказала Маргарита Львовна, — и меня они родили белоруской. Передайте это Бакланову. Его же никто никуда не зачисляет насильно, не отрывают ни от Моисея, ни от Шендеровича. Дайте мне его телефон, я сама ему скажу пару слов.

— Ну... — замялся я.

— Ах, не хотите... Так это ж не проблема — в Москве найти телефон известного человека. Я ему скажу словцо, скажу...

Позже, сама прочитав в Интернете статью Бакланова, Маргарита Львовна позвонила незадачливому автору. Представилась и спросила:

— Откуда вы взяли, что мой отец еврей?

Бакланов тотчас бросил трубку. Что он мог ответить?

Но дочь героя не из тех, кто позволяет так обращаться с собой даже великим писателям. Он снова набрала номер и сказала:

— Что ж вы увиливаете? Ответьте, по какому праву лишили моего отца его национальности.

— Да какая разница, кто какой национальности! — воскликнул интернационалист.

— Если никакой разницы, то зачем же вы перетаскиваете человека из одной нации в другую? Да еще человека, давно погибшего за родину.

Великий писатель опять положил трубку.

* * *

Мне вспомнилось, что Рабинович пишет: «Три президента Израиля и четыре премьер-министра — «русского» происхождения», т.е. родом из России. Ах, какая радость! Но он не упоминает о том, что и у нас было четыре ельцинско-путинских премьер-министра — еврейского происхождения, причем безо всяких кавычек — Гайдар, Кириенко, Примаков, Фрадков. Разве это «перекрестное опыление» может не радовать Бакланова и Рабиновича? Евреи бывали главами правительств и в других странах: в Англии — Дизраэли, во Франции — Леон Блюм, в Австрии — Бруно Крайский... Но чтобы в короткий срок четыре подряд, такого не бывало никогда и нигде, кроме Израиля. А им и этого мало! А они все об антисемитизме!

ВСЕХ ЗАГОНЯЮТ В ОДНУ НАЦИЮ

Экое диво дивное!.. Оказывается, среди литераторов появилась особая популяция, что из кожи лезет, дабы лишить некоторых прославленных военачальников Великой Отечественной войны их национальной принадлежности: Героя Советского Союза Л.М. Доватора — белорусской, дважды Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова — русской, дважды Героя и маршала Советского Союза министра обороны Р.Я. Малиновского — украинской... Впрочем, недавним прошлым представители этой популяции не ограничиваются: добрались даже до героя Синопа и Севастополя адмирала П.С. Нахимова. Всех загоняют в одну нацию.

Мне уже приходилось об этом писать. Поэтому повторяться не буду, но нельзя умолчать о новой вылазке: это статья Марка Штейнберга о Р.Я. Малиновском «Нетипичный маршал» в «Еврейской газете»

Понятное дело, автор старается изобразить себя знатком, эрудитом, интеллектуалом. И начинает с того, что усматривает нечто общее в судьбе маршала Малиновского и... Христофора Колумба. Великий путешественник, говорит, был «то ли из семьи генуэзских ткачей, то ли внебрачным сыном испанского принца де Виана и крещеной еврейки». А маршал тоже внебрачный сын...

Поскольку речь идет о военачальнике, о его участии в Великой Отечественной войне, а о себе Штейнберг говорит, что прослужил в армии 36 лет, то естественно ожидать, что человек хорошо осведомлен в военных делах вообще, в истории Великой Отечественной в частности, а также в биографии своего персонажа.

Но что мы видим? Прежде всего, бросается в глаза, что статья написана языком Сванидзе — Новодворской. Например, пишет, что мы не освободили от фашистского ига Польшу, Чехословакию, Румынию, Венгрию, Австрию, а, конечно же, «оккупировали» их.

Но если бы только в этом дело! Он не знает даже, когда война началась, думает, что в мае. Путает и другие важнейшие даты, в том числе — даты в жизни самого Малиновского, путает фронты, операции, события, имена: 2-й Украинский называет 2-м Белорусским, Мао Цзэдун у него Мао Дзедун, генерал Илларион Ларин — Иван Ларин, Наталью, дочь маршала, перекрестил в Надежду и т.д. Как обычно у халтурщиков.

Ну, а Сталина он, разумеется, считает «бездарным» да еще «Верховным» в кавычках. До чего ж отчаянный эмбрион: бесстрашно вступает в спор с крупнейшими полководцами Второй мировой — с маршалами Жуковым, Василевским, Рокоссовским... да еще и с Черчиллем, Рузвельтом... И притом Сталин изображается таким чудовищем, что иные генералы, будучи вызваны к нему, ожидали непременно тюрьмы или расстрела, а другие — в ужасе кончали жизнь самоубийством. Вот в 1938 году вернувшегося из Испании с орденами Ленина и Красного Знамени полковника Малиновского вызывают из Минска, где он теперь служил, в Москву. Уезжая, он будто бы сказал другу: «Увидимся ли — не знаю». Значит, ожидал, несмотря на большие ордена, чего-то страшного. А что получил? Назначение на преподавательскую должность в академию им. Фрунзе. Другой раз уже во время войны, в июле 1942 года, когда командовал Южным фронтом, «его и члена Военного совета Ивана Ларина (который Илларион. — В.Б.) вызвали в Ставку». Приехали они в Москву, поселились в одноименной гостинице. Вызывают. И что? Генерал-лейтенанта Малиновского назначили командующим 66-й армии. А генерал-майор Ларин? А он, говорит, «услышав о вызове, застрелился». Судя по всему, прямо тут же, в гостинице. Да зачем тогда ехал в Москву, знал ведь, что вызывает Сталин. Мог бы застрелиться и на фронте под видом шальной пули. Гораздо, как ныне говорят, ком-

фортней! И для людей хлопот было бы меньше с трупом и похоронами, и даже, если угодно, выгодней: «Погиб смертью героя...». Пенсия жене и т.д.

Впрочем, что ж, всякое в жизни бывает: итак, в июле 42-го Ларина не стало. Но вот что читаем в воспоминаниях маршала С. Бирюзова о ночи накануне перехода 2-й гвардейской армии в наступление на Котельниково: «Помню волевое, огрубевшее на степном ветру лицо командарма Р.Я. Малиновского, склонившегося над картой. Тут же, в тускло освещенной избе, чудом сохранившейся в вихре войны, находились член Военного совета генерал-майор Ларин, заместитель командующего генерал-майор Крейзер» и другие (Бирюзов С.С. Суровые годы. М., 1966. С. 119). Может быть, тут у Бирюзова описка? Но читаем дальше: «Ну что ж, товарищи, — проговорил Малиновский, — остается последнее. На КП нам всем делать нечего. Я намерен быть завтра в 1-м гвардейском стрелковом корпусе. А что выберет член Военного совета?

Генерал Ларин улыбнулся:

— Люблю танкистов.

— Что ж, поезжайте к Ротмистрову» (там же, с.120).

А ночь эта была с 23 на 24 декабря 1942 года под Сталинградом. И в воспоминаниях П.А. Ротмистрова читаем, что после разгрома немцев и освобождения Котельникова «родилась идея отпраздновать нашу победу встречей наступающего нового 1943 года... Разделить с нами радость победы прибыли начальник Генерального штаба А.М. Василевский, заместители наркома обороны Я.Н. Федоренко и И.Т. Пересыпкин, командующий 2-й гвардейской Р.Я. Малиновский, член Военного совета И.И. Ларин и начальник штаба С.С. Бирюзов» (Стальная гвардия. М., 1984. С.154).

Что ж получается — в июле застрелился, а через полгода Новый год встречает? Да еще как! Праздничный стол ломился от вин и фруктов из Франции, сыров из Голландии, консервов из Норвегии, масла из Дании... Все — из немецких запасов, приготовленных для празднования победы под Сталинградом. А ведь при этом Штейнберг словно своими ушами

слышал еще и то, как «Сталин назвал Ларина дезертиром и поинтересовался у Малиновского, что помешало застрелиться ему». Должно быть, только надежда встретить Новый год с французским вином и голландским сыром.

* * *

О Сталине есть и такая побрехушка: «К ноябрю 1944 года войска 2-го Белорусского фронта, завершили Дебреценскую операцию...». Эта операция — 2-й Украинский фронт, а не 2-й Белорусский, которым Малиновский никогда не командовал. Сочинитель даже этого о своем герое не знает. Но слушайте дальше: «войска вышли на рубеж, с которого реальным становилось взятие Будапешта. Но требовался отдых... Именно в этот момент раздался звонок Сталина (Штейнберг сам слышал!), который потребовал от Малиновского взять Будапешт к годовщине Октябрьской революции».

Невежда есть невежда, клеветник — клеветник: «Малиновский попросил дать хотя бы пять дней для подготовки. Сталин потребовал: «Будапешт должен быть взят к 7 ноября!» И повесил трубку». И ведь Штейнберг пишет так, словно был очевидцем. Но вот вопрос: почему и на сей раз Малиновский не последовал примеру Ларина?

А источники побрехушек то и дело такие: «достоверно известно», «есть сведения», «совершенно достоверно»... Не хватает только — «одна баба говорила...».

Но вернемся несколько назад. Штейнберг пишет, что в декабре 1941 года Малиновского назначили командующим Южным фронтом, который, «почти непрерывно отступая, прошел через Лисичанск, Бахмач и лишь под Харьковом сумел остановить немцев». Человек не ведает, что говорит. У него получается, что оба названных города — к западу от Харькова, причем первый западнее второго.

Но взгляните на карту. Лисичанск это по прямой километров около 200 к юго-востоку от Харькова, а Бахмач — километров 300 к северо-западу от него. Как же можно, отступая

к востоку, сначала «пройти через» Лисичанск, а потом — «через» Бахмач? Разумеется, наши войска сперва оставили Бахмач — 13 сентября 1941 года, когда Южным фронтом командовал не Малиновский, а генерал-лейтенант Рябышев, и только 10 июля 1942 года — Лисичанск. А до этого и под Харьковом остановить врага не удалось, его вслед за Бахмачом немцы захватили 25 октября сорок первого. Между прочим, можно считать, что в подарок Геббельсу, родившемуся 29 октября.

Не разбираясь даже в таких вопросах, где какой город, Штейнберг зато обнаруживает большой интерес и осведомленность относительно возлюбленных и жен как Малиновского, так и других военачальников: рассказывает, сколько их у кого было, сообщает, что одну звали Тонечка, другую — Лидочка и т.д. Но и тут, конечно, не обходится без вранья. И какого! «Есть сведения из «лубянского» досье Малиновского...» Смотрите, куда залез! «...что в Испании он встречался, так сказать (понимаете? — В.Б.), с очаровательной эстрадной артисткой, и по этой причине задержался там на три срока вместо одного, положенного для советников. Любопытный факт приводит в своих воспоминаниях Константин Симонов. Про стихотворение «У огня», он рассказал, что оно — о посещении блиндажа командарма Малиновского под Сталинградом. Помните:

Крутится испанская пластинка.
Изогнувшись в тонкую дугу,
Женщина под черною косынкой
Пляшет на вертящемся кругу.

В дымной промерзающей землянке,
Под накатом бревен и земли
Человек в тулупе и ушанке
Говорит, чтоб снова завели...

Этот человек, дескать, и есть Малиновский, затосковавший о возлюбленной испанке.

Но открываем второй том «Разных дней войны» Симонова, находим это стихотворение и читаем: «Так начинались написанные мной под впечатлением встречи с Шумиловым стихи о Мадриде и Сталинграде» (с. 252). Это что ж получается? Взял Штейнберг и на место Героя Советского Союза командарма легендарной 64-й армии Михаила Степановича Шумилова поставил нужного ему здесь воображаемого еврея Малиновского. И не постеснялся наврать о Симонове. Коли так, то уж позвольте не поверить ни в «лубянское досье», ни в очаровательную испанку, ни в Тонечку, ни в Лидочку, Тем более, что в последнем случае, как известно безо всякого досье, была вовсе не Лидочка, а Галочка.

* * *

Но читаем опять: «66-я армия, которой командовал Малиновский севернее Сталинграда, истекала кровью. Немцы стремились прорваться к Волге, но Малиновский не позволил врагу осуществить свой замысел». Да, севернее Сталинграда немцы не прорвались, но там держала оборону не одна 66-я армия, а еще и 24-я.

Это очень характерная забывчивость. Она сопутствует автору и дальше: «Задачей 2-й гвардейской армии, которой командовал Малиновский, было не допустить прорыва Манштейна к немецким войскам, окруженным в Сталинграде. И он со своим заместителем (тоже евреем) эту задачу выполнили: их армия не отступила». Что было бы, если б вообще не евреи... Действительно, не отступила, но оборону держали еще и 51-я армия, и 8-я воздушная.

Нет, это не забывчивость. Автор то и дело старается обособить Малиновского, представить его действия единоличными, отделить от других военачальников и даже противопоставить им, унижая и оскорбляя их при этом.

Посмотрите, что вытворяет! Будто бы приводит строки известной книги Александра Верта «Россия в войне 1941—1945» (М., 1967): «Передо мной был командующий 2-й гвардейской армией, красивый брюнет, смуглое лицо которого несло пе-

чать глубинной интеллигентности, что было совершенно нетипично для всех русских полководцев, с которыми довелось встречаться. И что особенно поразило — врожденная деликатность, скромность, полнейшее отсутствие солдафонства, которое так и выпирало из большинства русских военачальников даже самого высокого ранга».

Малиновский много раз упоминается в книге А. Верта, упоминаются и Жуков, Конев, Василевский, Шапошников, Рокоссовский, Лелюшенко и другие, но, конечно же, при этом в книге нет ни одного подобного приведенным оскорбительного слова о них, — все это Штейнберг, смотрящий на наших полководцев глазами ненавистника и клеветника, просто придумал. За такие гнусные проделки судить надо прохвостов...

Но вот что писал, например, в воспоминаниях Эренбург об одном из помянутых солдафонов — о командующем 5-й армией генерале Л.А. Говорове, на КП которого под Можайском он побывал 18 января 1942 года: «Я увидел не brave вояку, а скорее математика или инженера, хорошего русского интеллигента. Потом я иногда встречал Леонида Александровича на фронте, в Москве, в Ленинграде; помню вечер в мае 1945 года — мы говорили о красоте белых ночей, о поэзии, об игле Адмиралтейства». В другом месте: «В Сухиничах я познакомился с генералом Рокоссовским. Кажется, он был самым учтивым генералом из всех, которых я когда-либо встречал». Подумайте, Штейнберг, как со своей лживостью и злобностью выглядели бы вы, если вас посадить между этими русскими генералами.

Да, наши военачальники не отличались аристократичностью происхождения, не было среди них ни одного князя, графа, барона. Если взять командующих фронтами во время войны, а это 43 маршала и генерала, то 21 из них или сами в молодости крестьянствовали или из крестьянских семей, 15 — сами были рабочими или из рабочих семей (ВИЖ №5'93. С. 21-26). Это большинство. Конечно, они несли печать своего простонародного происхождения. А вот немецкие генералы почти сплошь — изысканные «фоны». И что? Незадолго до полного разгрома Германии весьма неглупый Геббельс,

ознакомившись с полученными из Генштаба биографиями наших военачальников, взглядевшись в их фотографии, записал в дневнике: «Эти маршалы и генералы в большинстве своем исключительно молоды, они имеют богатый опыт революционно-политической деятельности, являются убежденными большевиками, чрезвычайно энергичными людьми, а на их лицах можно прочесть, что они имеют хорошую народную закваску. В большинстве своем это дети рабочих, мелких крестьян, сапожников. Словом, я вынужден сделать неприятный вывод: военные руководители Советского Союза являются выходцами из лучших народных слоев, чем наши собственные». Своим выводом Геббельс поделился с Гитлером, и тот был полностью согласен. Им помог в этом, возможно, уже доносившийся гул нашей артиллерии. Так что, если вас, Штейнберг, посадить между и этими двумя фигурами, вы и тут будете выглядеть полным идиотом.

А он все свое: дескать, «многое коренным образом отличало Малиновского от других советских полководцев...Уж больно непохож он на всех (!) других военачальников его ранга...Он был безусловно, честнейшим, скромнейшим, порядочнейшим из всех(!) советских маршалов». Но Штейнбергу и этого мало. Он карабкается дальше: «Руководство боевыми действиями маршала Малиновского безоговорочно достойны называться военным искусством, чего нельзя сказать о многих других военачальниках Красной Армии». Вы только вообразите себе этот клокочущий океан злобности, в котором невежественный олух пытается утопить «многих других», не владевших-де военным искусством.

И уже просто впадая в безумие, он нахваливает еще и так: «Малиновский никогда не бил палкой, не стрелял в подчиненных, чем уж почти никто из крупных военачальников Красной Армии похвастаться не мог». Сам этот Штейнберг видел, как наши военачальники и били и стреляли своих подчиненных направо и налево. Ну хоть бы один примерчик привел! Кого избил Жуков? Кому выбил глаз Рокоссовский? Кого пристрелил Василевский? Кого измордовал Конев?...

Причину столь великих талантов и редких добродетелей, такой разительной «несхожести Малиновского с советскими стандартами», как это следует из всего содержания статьи, этот Штейнберг видит в «этническом происхождении Родиона Яковлевича», т.е., попросту говоря, в том, что он еврей. Правда, хотя «существует полная уверенность» у мыслителя в том, что отец маршала еврей, однако его мать Варвару Николаевну некоторые «считают русской». Но Штейнберг разбивает это заблуждение невежд: «совершенно достоверно» известно, говорит, что Надежда, родная сестра матери, и ее сын «были расстреляны вместе с другими евреями в Бабьем Яре. А немцы точно знали, кого убивают»

Во-первых, Бабий Яр — это Киев. Каким образом жившая в Одесской области Наталья (а не Надежда) оказалась в со своим сыном в Киеве? Ну, допустим, в порядке бегства от немцев, хорошо. Но приходится напомнить Штейнбергу, что в Бабьем Яре были расстреляны не только евреи.

Но Штейнберг верен себе и для подтверждения своего теперь уже бесспорного открытия о стопроцентном еврейском происхождении Малиновского вербует в союзники известного писателя: «Малиновский очень уважал Илью Эренбурга и был рад принять его в своем штабе». Ну и что? Я тоже с удовольствием принял бы: умный человек, много знал, было бы о чем поговорить. А во время войны его статьи были чрезвычайно популярны и на фронте и в тылу.

Но это у Штейнберга не все. Оказывается, в разговоре с Эренбургом маршал еще и употребил одно библейское выражение, по поводу чего Эренбург кому-то когда-то где-то «говорил — так мог сказать только еврей». Все. Вопрос исчерпан. Вот только еще прочитать бы — где это у Эренбурга?

Впрочем, помимо хотя и таинственных, но прямых свидетельств есть у Штейнберга и косвенные доказательства его драгоценной идеи. В самом деле, говорит, посудите сами, с чего бы так: «За три года, когда министром обороны был Жу-

ков, генеральские звания получили только 5 евреев, а при Малиновском — более 40!» В восемь раз больше! Выходит, он был не просто евреем, а ярким еврейским националистом, продвигавшим своих? Однако же надо учесть, что Жуков был министром только два с половиной года, а Малиновский — десять лет.

Есть у этого Штейнберга еще и такое косвенное доказательство: «Символично, что в отличие от остальных маршалов о Малиновском почти нет печатных материалов. Единственная книга — роман «Солдат отчизны» А.Марченко, вышедший в 2005 году». Вот, мол, как зажимали еврея. Но как же в таком случае и получил он две Золотых Звезды Героя, орден «Победы», пять орденов Ленина, два ордена Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, как держали его десять лет министром? Неизвестно... Однако и та «единственная книга» Штейнбергу не нравится, ибо там — «ни слова об этническом происхождении маршала», т.е. о том, что он еврей.

Ах, чучело бесстыжее!.. О Малиновском есть статьи во множестве энциклопедий и справочников, причем не только военных. А кроме того, еще в 1965 году вышли воспоминания маршала С.С. Бирюзова, под Сталинградом начальника штаба 2-й гвардейской, в 1971-м — книга маршала М.В. Захарова «Р.Я. Малиновский», в 1973-м — книга М.Н. Горбунова «Солдат-полководец», в 1983-м — книга В.С. Голубовича «Маршал Р.Я. Малиновский», его автобиография напечатана в 1990 году в «Военно-историческом журнале» №4, в 2005 году вышла книга генерала армии М.М. Гареева «Полководцы Победы», в которой большая глава посвящена Малиновскому... И это далеко не все. А в 1969 году вышла книга самого Малиновского «Солдаты России». Штейнберг жульнически умолчал даже о ней!..

Он пишет, как помним, что Малиновский никого не бил палкой и никого не расстрелял. Прекрасно. Но я уверен, что если бы Родион Яковлевич был жив и прочитал бы такую статью о себе и такие похвалы по своему адресу за счет боевых товарищей, то наверняка изменил бы своему правилу и взял в руки палку, а то и пистолет, чтобы проучить лжеца и невежду, националиста и олуха.

Однако справедливости ради надо сказать, что за некоторые дела Штейнберг и порицает Малиновского. Так, перечислив его великие еврейские достоинства, однако с горькой укоризной пишет: «Правда, Малиновский, будучи командующим войсками Дальневосточного военного округа, принимал непосредственное участие в обеспечении всем необходимым армии Мао Цзэдуна. А в 1950—1953 годы территория его округа служила базой снабжения армии Северной Кореи в ходе ее войны с южными корейцами и войсками ООН».

Штейнберг считает, что для еврея это непростительно. Особенно — помогать Северной Корее. Там же набили морду не только символическим «войскам ООН», а прежде всего и больше всего — драгоценным американцам, о чем разоблачитель стеснительно умалчивает: будто никаких американцев и не было...

А знаменитая операция «Анадырь», которую провели в 1962 году, когда Малиновский был министром обороны? «Он приказал Генштабу разработать операцию по переброске на Кубу группы войск и в конце мая доложил ее план на заседании Президиума ЦК КПСС... Не стану задерживаться на финале этой безумной затеи».

Да почему же не задержаться? Почему не сказать хотя бы кратко, чем кончилось дело? А вот чем. После провала вторжения американских наемников на Кубу 17 апреля 1961 года у прибрежного поселка Плайя-Хирон сменивший Эйзенхауэра на посту президента Кеннеди в ноябре 1961 года подписал план «Мангуста», имевший целью вторжение на Кубу уже американскими силами. Н. Хрущев об этом времени вспоминал: «США окружили Советский Союз своими базами, ракетами в Италии, Турции, ФРГ... Их самолеты с атомными бомбами могут долететь до наших важных жизненных центров. Нельзя ли противопоставить им то же самое?» Так родился план «Анадырь», защищавший интересы СССР и являвшийся ответом на

«Мангусту»: поставить наши ракеты на Кубу. И они были тайно поставлены. Это означало: всего лишь одна наша база около США против многих американских баз у наших границ с дальностью полета их ракет до 3 тысяч километров. Что же в итоге? Убедительно дав американцам ощутить угрозу стать объектом ядерной атаки, мы убрали свои ракеты, но вынудили американцев отказаться от вторжения на Кубу. Отказ этот длится вот уже более сорока лет. И Хрущев был прав: «Карибский кризис является украшением нашей внешней политики. Мы добились блестящего успеха, не сделав ни единого выстрела».

Ну, как это пережить Штейнбергу, лучшему другу США! И тут опять приходится защищать реального, а не придуманного Малиновского от его клеветы. Он пишет: «Министр, понимая, к чему может привести операция «Анадырь», был, тем не менее, только добросовестным исполнителем указаний свыше. Приказано бросить войска на Кубу — «Слушаюсь!», приказано вывести их — «Есть!». А вот о чем свидетельствует маршал Д.Т. Язов, тогда командир нашего полка на Кубе, в книге «Карибский кризис» (М., 2006). Когда директива для генерала И.А.Плиева, командующего нашими войсками на Кубе, уже подписанная начальником Генштаба маршалом М.В. Захаровым, поступила Малиновскому, «он сказал, что нужно опустить часть директивы о праве на использование атомного оружия». Вот так «слушаюсь!». А немного позже, 27 октября, Плиев получил директиву министра обороны: «Категорически подтверждается, что применение ядерного оружия из фронтовых крылатых ракет, ракет «Луна» и самолетов-носителей без санкции из Москвы запрещено». Вот так «есть!».

А ведь еще была война во Вьетнаме. И это не дает Штейнбергу покоя, и тут он пытается опорочить в глазах своих единомышленников маршала: «Именно так («Есть!») он действовал, когда во Вьетнаме началась гражданская война. Это случилось летом 1969 года». Ошибаетесь, сударь, — лет на десять раньше. А если в 69-м, то Малиновского уже два года не было в живых, он умер в марте 1967-го. Какое же он мог иметь от-

ношение к этой войне? Но бдительности Штейнберга нет предела: «Необходимо знать, что задолго до начала войны Малиновский умело, последовательно и настойчиво управлял процессом подготовки северян. А в ходе войны, пока был жив, делал все возможное, чтобы они победили. Безусловно, с позиций сегодняшней реальности такие действия благовидными не назовешь». С позиций не сегодняшней реальности, а вашей всегдашней сервильности перед Америкой.

Уделив войне во Вьетнаме несколько строк, Штейнберг заявляет: «На этом я закончу рассказ». Опять! Как о войнах в Китае, в Корее, на Кубе, — опять увिलивает от вопроса, чем же все кончилось, каков итог. Не в силах он выговорить, что и на этот раз все завершилось мордобитием и вышибом его друзей. Правда, в данном случае для внушения американцам сознания общечеловеческих ценностей потребовалось много лет мордобития...

Мы помним, как президент Путин очень тревожился об экстремизме в национальном аспекте: «Кое-кто не гнушается самыми грязными технологиями, пытаясь разжечь межнациональную рознь. Прошу вас ускорить принятие поправок, ужесточающих ответственность за экстремизм». Так вот, разве это не самый грязный экстремизм, когда люди одной национальности на страницах своей национальной газеты вторгаются в духовно-исторический мир других национальностей с целью лишить их своих славных сынов, составляющих гордость этих народов?

СОЛЖЕНИЦЫН И ДЕЙЧ

Марк Дейч... Вы спрашиваете, кто это? Какая непросвещенность! Дейч — ведущий и вперёдсмотрящий журналист «МК», любимой газеты московских проституток, и сам — любимец нашего телевидения. Последний раз вы могли видеть его в передаче НТВ «К барьеру!». Это была жестокая схватка с Александром Ципко, с философом, который на двадцатом году разграбления его родины начал, наконец, кое-что соображать. Дейч защищал «либеральные ценности» с кровавым привкусом и оправдывал все, что его единомышленники сотворили со страной.

Так вот, сей адвокат грабежа и предательства, естественно, когда-то пламенно любил Александра Солженицына и во всем свято верил ему и его «Архипелагу ГУЛАГ». Он этого не скрывает: «Еще в советское время я и многие мои друзья, знакомые неоднократно читали «Архипелаг», восхищались автором... Мы безоговорочно верили... Эта книга вошла в историю и вместе с ней — ее автор. Ничего, кроме глубокого уважения, они — автор и «Архипелаг» — не вызывают».

Прекрасно, как эпитафия. Но почему безоговорочно верили? А потому, говорит, зачитывались «Архипелагом» и верили автору, что «иных фактов и цифр не знали». Но, милый, это же тупоумная вера. Если мне скажут, что Дейч пишет для проституток объявления в МК, пробивает их на полосу и за каждый текст в пять-десять слов берет по сто долларов, то я, не зная иных фактов о нем и иных цифр, могу, имею право верить услышанному о Дейче?

Но у него есть дополнительный резон: «а факты и цифры советской пропаганды вызывали оскормину». Это еще глупей, ибо оскормину может вызывать и правда, если она неприятна или назойлива.

Нет, и слепая вера и жаркая любовь Дейча, как и его друзей, на самом деле объясняются совсем другим,

Дело в том, что М.Д. — мелкий, но исключительно злобный и неряшливо образованный антисоветчик. Доказательства этого он дал и в помянутой передаче 13 мая и дает в данной публикации. Достаточно хотя бы такого заявления: «Власть большевиков стала трагедией для России. В очередной раз народ был обманут в своих надеждах на социальную справедливость...» Но он не может ответить, как с этой трагедией за плечами страна стала второй державой мира, а по многим показателям жизни народа и первой. Ах, как и тут жестоко большевики обманули всех, включая бедного Дейча и его несчастную матушку. А вот с середины 80-х годов, т.е. со времени прихода к власти Горбачева и его демократического кагала, до начала 90-х годов уровень смертности в стране поднялся в 1,5 раза. В 1992 году смертность превысила рождаемость, которая упала в два раза, из-за чего страна потеряла 14 миллионов неродившихся граждан. И катастрофа нарастала: сейчас по сравнению в 1998 годом смертность увеличилась на 122%, убийства — на 132%, самоубийства — на 106%. По уровню жизни страна скатилась из первой десятки на 63-е место, а по здравоохранению с первых мест в мире — на 130-е.

Но Дейча это ничуть не волнует. Почему? А потому, во-первых, что теперь у всех дейчей есть возможность брехать что вздумается. И не потому ли, во-вторых, что из всенародной катастрофы многие его соплеменники извлекли невиданную выгоду? Достаточно сказать, что в «Золотой Сотне» богатейших людей России, опубликованной в журнале «Форбс», соплеменники Дейча при общем их количестве в стране не более 260 тысяч там составляют не менее трети, причем их имена стоят во главе списка: Абрамович, Вексельберг... Александр Смоленский (№ 92, как ни странно) назвал эту публикацию «расстрельным списком». Чует кошка, чье мясо съела... Такое ограбление народа грозит ему не только всеобщей нищетой, но и — «полной гибелью, всерьез», как сказал, между прочим, тоже еврей, но талантливый.

А Солженицын пишет в своем двухтомнике «Двести лет вместе» о власти большевиков так: «Она действовала отчетливо антирусски на разрушение русского государства». В сущности это то же самое, что лепечет Дейч: большевики разрушили государство. Но СССР каким-то непостижимым образом превратился в соперника Америки...

* * *

И вот мелкие антисоветчики встретились с антисоветчиком крупногабаритным и поняли, сколь «несомненна роль его в крушении коммунизма». Как же им не верить ему! Как им такого не любить! Как не скулить вслед за ним то же самое, что и он!

Так бы всю жизнь свою М.Д. и прожил в блаженной вере и любви, если бы объект его обожания вдруг не выпустил помянутый двухтомник «Двести». Он его смастачил из отходов от 10-томного «Красного колеса». Книга эта о роли евреев в русской истории. Вот любопытно: после того, как в 2001 году вышел первый том, Игорь Шафаревич тоже из отходов своей «Русофобии» слепил в 2002 году книгу «Трехтысячелетняя загадка» — это уже о роли евреев в мировой истории. У обоих авторов-академиков, конечно, есть в этих сочинениях что почитать.

Сразу надо заметить, что для обоих еврейский вопрос лишь повод для очередного антисоветского трепана. Дейча это, естественно, абсолютно не интересует, вернее, ему это очень даже нравится, но в фундаментальном двухтомнике (больше тысячи страниц!) он усмотрел прежде всего мысль о многолетнем еврейском засилье в России, и это пронзило насквозь его сердце. Поэтому, стремясь с порога высмеять ее, он озаглавил свою статью о книге Солженицына чрезвычайно решительно: «Бесстыжий классик». Да еще каждую затем свою публикацию о книге (их оказалось три) снабдил язвительным подзаголовком, пламенно негодующей врезкой и уж вовсе убийственной карикатурой редкостного карикатуриста Ме-

ринова с заборной надписью «Как нам об..ть Россию?». Такую карикатурку можно назвать и мериновской и жеребцовской... И это не все! Присобачил еще два эпитафия: один заграничный — из Фейхтвангера, второй отечественный — из Ильфа и Петрова. Уже по этой изначальной непроворотной гущи видно, что и автор и редакция соображают туго и не о них сказано: «В ограничении познается мастер».

Приведу в сокращенном виде только второй эпитафия, как бы высмеивающий вопрос о еврейском засилье: «Десять лет жизни нет, — сказал экс-камергер Митрич. — Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, Рабиновичи...» Это относится к 1927 году.

М.Д. делает вид, что сам он и не знает, что это такое — еврейское засилье. Откуда, мол, ему взяться? Каким ветром могло занести? Вот пишет: «Согласно Солженицыну, власть большевиков была «по составу изрядно и русской», но участие в ней евреев — «непомерное». М.Д. недоумевает: «Изрядно» — это сколько? И что считать «непомерным?»

Вопросы деликатные. В каждом конкретном случае на них надо давать конкретные ответы. Если, допустим, в скором времени при МК под руководством Дейча и Минкина будет создан Ансамбль еврейской песни и пляски в составе 100 человек, и окажется, что 95 из них это знаменитые соплеменники руководителей, допустим, — Жириновский, Явлинский, Радзинский, Рязанов, Хазанов, Арканов и т.д., а остальные 5 человека это, допустим, будут русский Путин, немец Греф, татарин Шаймиев, чуваш Федоров и грек Гавриил Попов, — если так, то просто замечательно, и никто не скажет, что в Ансамбле непомерно много евреев. Наоборот, все будут радоваться и ликовать.

Но вот другой факт. Идет телепередача «Свобода слова». Одним из первых в ней выступил известный адвокат Резник, гордо назвавший себя «русским интеллигентом еврейского разлива». Прекрасно! А вслед за ним выступают другие интеллигенты того же разлива — Познер, Толстая, Кобзон, телеведущий Архангельский, очень похожий на молодого Троц-

кого, да тут же и сам товарищ Дейч. А ведет передачу Шустер. Некоторых из участников, например, народного артиста СССР Иосифа Кобзона я глубоко уважаю, но зачем было тащить в передачу, скажем, Познера и Толстую? — у них же есть свои большие программы, где они просвещают публику. Или уж такие умники, что без нихдохнуть невозможно? А интеллигентов русского разлива только двое — свихнувшийся на монархизме Илья Глазунов и некоммунист Доренко (если он русский). В итоге соотношение 7:2 в пользу «русских интеллигентов еврейского разлива». Вот уж в этом случае экс-камергер Митрич имел бы полное право сказать и «непомерно» и «изрядно». Ведь так просто, но М.Д. не понимает! А вот американский президент Никсон понимал это еще тридцать лет тому назад. Как обнаружилось в недавно опубликованных ранее секретных документах, он жаловался на еврейское засилье в правительстве США. Думаю, что наш нынешний президент сурово осудит его за это.

Между тем, заявив, что реальные обобщенные цифры «развенчивают миф о еврейском засилье», настаивая, в частности, на том, что «с 1927 года «лиц еврейской национальности» в правящих партийных кругах практически не осталось», что с этого года «еврейского участия во власти практически не было», после всего этого М.Д. вдруг бабахнул: «В середине 30-х годов в центральном аппарате НКВД некоторое время наблюдался некоторый переизбыток евреев». Тогда возглавлял НКВД Ягода. И вот оказывается, что в ближайшем окружении главы ведомства работали 43 еврея (39% руководящих кадров), и 33 русских (30%). Ничего себе «некоторый переизбыток»! Пожалуй, как сейчас на телевидении.

Дальше автор сообщает, «в конце 1936 года Ягоду сменил Ежов». Возможно, именно потому, что НКВД мог при Ягоде превратиться в чисто еврейский орган власти. И что же затем? «С приходом Ежова число евреев среди руководящих работников (центрального аппарата) НКВД сократилось с 43 до 6». Что ж, это вполне разумно. «Доля же русских руководителей увеличилась с 33 до 102». Может быть. Но Ежов оставил при

себе на прежних должностях трех заместителей Ягоды, истинных евреев: М.П. Фриновского, Я.С. Агранова и М.Д. Бермана. Возможно, сделал он это по просьбе своей жены Евгении Соколомоновны Хаютиной-Гладун.

Из приведенных им сомнительных цифр М.Д. делает такой утешительный вывод: «А в 37-м году начался «большой террор»... Осуществили его отнюдь не евреи». Так что, спите спокойно, братья евреи, на том и на этом свете...

Но вот ведь какое дело: первый судебный процесс по делу «Антисоветского троцкистского центра» (Пятаков, Радек, Сокольников и др.) состоялся уже в январе 37-го года. А ведь требуется немало времени для организации процесса: надо установить круг подозреваемых, произвести аресты, найти свидетелей, допросить тех и других, составить обвинительное заключение и т.д. Так что будет совсем не праздным предположить, что все это было проделано при активнейшем участии не только теперешних 6-ти, но и прежних 43-х.

А тут М.Д. выдает гораздо более масштабное сообщение по вопросу еврейского засилья: «В 20-х и в первой половине 30-х годов евреи-большевики входили в руководство и партийных и хозяйственных органов власти». Еще как входили-то! Каганович, Литвинов, Ягода, Мехлис, Гусев (Драбкин), Гамарник, Яковлев (Эпштейн)... И тем из них, кто, как хотя бы первые двое, честно трудились на благо родины, низкий поклон. Да в то время еще фигурировали в верхах и Троцкий, и Каменев, и Зиновьев... Выходит, нет у Дейча ясности в этом вопросе, если он сам себе противоречит, а жаждет обличать других.

* * *

Выше было сказано, что для Солженицына, как и для Шафаревича, еврейский вопрос не имеет самостоятельного значения, а лишь повод для очередной антисоветской декламации.

Об истинном отношении некоторых товарищей к евреям свидетельствуют их постоянные, неутомимые поиски евреев там, где ими и не пахнет. Особенно рьяно тут усердствуют

Виктор Корчагин, самодельный академик, и такой же трижды академик Юрий Бегунов. Вот, например, кто представлены в книге Бегуна «Тайные силы в истории России» (М., 2000) как евреи: Керенский, Ленин, Сталин, Чичерин, Луначарский, Крупская, Хрущев, Суслов, Пельше, Байбаков, Шелепин, Громыко, Щербицкий, Брежнев, Полянский, Гришин, Соломенцев, Мазуров, Горбачев, академик Сахаров, едва ли не все маршалы: Вершинин, Гречко, Чуйков, Ротмистров, Устинов, Якубовский, Батицкий, Огарков, Соколов, адмирал флота Горшков, генерал армии Епишев и т.д. и т.д. до посинения. А область науки, культуры уж лучше не будем трогать.

Разумеется, книга трижды академика кишмя кишит и антисоветским вздором и клеветой. Тут и 110 замусоленных солженицынских миллионов жизней «из 175 миллионов жертв, погибших насильственной смертью» (с. 4, 476); тут и вся история Советской власти не что иное, как осуществление «масонской программы» уничтожения России (с. 56); тут и закон о том, что за хранение «Протоколов сионских мудрецов» полагался расстрел (с. 84); тут и чушь из книги А.А. Овсенко, изданной в 1980 году в Америке, о 80 тысячах вагонов, приготовленных для депортации из Москвы евреев (с. 346)... Тут, конечно, и басни о процветающей и благоуханной России при Николае Втором (с.19), за время царствования которого почему-то случались лишь отдельные неприятные пустячки в виде 12 голодных годов, двух крупнейших военных поражений да еще двух революций...

И Солженицын, сын Исаака, внук Семена (не Соломона?), правнук Ефима и муж Светловой, представлен в этой distinguished книге, изданной уже четыре раза, как «полуеврей, имя которого не относится к светлым именам». Более того, говорится, что он «первый среди интеллигентов за год до путча Ельцина в 1993 году предложил разрушить Россию и этим вырыл пропасть между собой и страной, подал масонам надежду, что он их друг и союзник против России... Солженицын вместе с Ростроповичем, Искандером и Граниным примыкал к «Интернационалу культуры» бездуховных «граждан мира», червей ложной демократии» (с. 411, 521).

И несмотря на такую характеристику, академик Солженицын в поте лица своего трудился на подхвате у вышеназванных академиков многих академий: столь же истово из русских людей фабриковал евреев. Например (Двести лет вместе, т. 2, с. 320), обратил в иудейство знаменитого русского музыканта Льва Николаевича Оборина (1907—1974), который еще в 1927 году, как победитель Международного конкурса пианистов в Варшаве, первым принес славу советской музыкальной культуре. Потом он стал и профессором Московской консерватории, и народным артистом СССР, и лауреатом Сталинской премии. Так же беспощадно обошелся сын Исаака и с народным артистом, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Сталинской (дважды) премий Василием Павловичем Соловьевым-Седым (1907—1979), который был еще и председателем Союза композиторов РСФСР. А ведь он — автор таких замечательных, ставших поистине народными песен времен войны и мира, как «Вечер на рейде», «Соловьи», «На солнечной поляночке», «Подмосковные вечера», «Если бы парни всей земли»... Послушаешь этих академиков, этих радетелей русской культуры, этих червей демократии, так талантливых да и просто примечательных людей среди русских и не было, и нет.

* * *

Слушайте дальше: «Москва говорила голосом народного артиста Юрия Левитана: «голос СССР» неподкупный вещатель нашей Правды, главный диктор радиостанции Коминтерна и сталинский любимец. Целые поколения выросли, слушая его: читал он и речи Сталина, и сводки «от Информбюро», и что началась война, и что она кончена». Сколько здесь невежественного вздора!

Во-первых, Коминтерн не имел своей радиостанции, но была радиостанция имени Коминтерна. Во-вторых, Ю.Б. Левитан был не «главным диктором», а рядовым. В-третьих, работал он не на радиостанции им. Коминтерна, а на Всесоюзном

радио. В-четвертых, о том, что «началась война», объявил не он, а Первый заместитель Председателя Совнаркома СССР, народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов. В-пятых, народным артистом, в отличие, допустим, от ельцинско-путинского хохмача Якубовича («Поле чудес»), Левитан стал в 66 лет после почти пятидесяти лет работы на радио, за два года до смерти. В-шестых, Солженицын ведь с потолка взял, что Левитан был «любимцем Сталина», но, надо полагать, Сталин действительно ценил, уважал, вероятно, даже и любил мастерство диктора, как ценил, уважал и любил весь советский народ. А немецкие фашисты и отечественные выблядки, вроде власовцев, разумеется, ненавидели Левитана и его голос. Особенно с ноября 1942 года, когда он стал так часто объявлять о наших победах. Именно за это люто ненавидел Левитана и этот злобный маньяк. Ведь с какой ненавистью он писал в «Архипелаге»: «Москва лупила салюты...» И объявил в связи с всенародным ликованием 9 мая 1945 года: «Не для нас эта победа!» (Архипелаг, т. 1, с. 240). Конечно, и не для Власова, и не для Горбачева с Ельциным.

А фонтан жидоедства опять заработал: «Проследивая дальше культурную работу, как пропустить в 30-е годы и всеохватные достижения композиторов-песенников. Тут Исаак Дунаевский, как утверждала официальная критика, писал «легкие для усвоения песни, прославлявшие советский образ жизни» («Марш веселых ребят», «Песня о Каховке», «Песня о Родине», «Песня о Сталине»).

Да, песни Дунаевского, не то, что нынешние, прославляли наш образ жизни, были легкими для усвоения, мелодичными, а главное — они правдивы и говорят о любви к Родине. Их пел весь народ. Взять хотя бы первую из них на слова В.Лебедева-Кумача.

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели...
Мы покоряем пространство и время,
Мы молодые хозяева земли...

Так и было. А кто ныне хозяева земли, ее недр, заводов и фабрик? Смотрите все тот же журнал «Форбс». Там эти хозяева названы по именам. Сто красивейших имен...

Когда страна быть прикажет героем,
Из нас героем становится любой...

Ну, не любой, конечно, это естественно, не следует понимать буквально, тут поэтическое преувеличение, кое-кто стал не героем, а злобным клеветником войны, но отрицать массовый героизм советских людей во время Великой Отечественной на фронте и в тылу не посмел еще никто, кроме автора «Архипелага».

Мы можем петь и смеяться, как дети,
Среди упорной борьбы и труда, —
Ведь мы такими родились на свете,
Что не сдаемся нигде и никогда.

Что тут не так? Почти вся Европа, чуть-чуть потрепыхалась и покорно легла под Гитлера, а мы нигде и никогда не думали сдаваться, — даже в дни, когда враг стоял в 27 верстах от Москвы, даже когда он вышел к Волге, даже когда он водрузил свой флаг на Эльбрусе.

А «Песня о родине» Дунаевского на слова того же Лебедева-Кумача! Да это был наш второй гимн, ее мелодию ловили во всем мире — она была позывным Советского радио.

Профессор М. Белов писал недавно в «Патриоте» № 19: «С удивлением и возмущением услышал я недавно интервью «Радио России» патриарха Алексия, который утверждал, что слово «родина» до нападения фашистской Германии было у нас чуть ли не под запретом, что только когда пришла нацистская беда прозвучали слова «братья и сестры», вспомнили имена Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского». Профессор объясняет это нелепое заявление тем, что, мол, Алеша Ридигер был до войны малолетком и не

помнит то время. Думаю, что дело не в этом. Когда началась война ему все-таки шел тринадцатый год, но, сын настоятеля церкви, жил он, за исключением последнего советского года перед войной, в буржуазной Эстонии. Возможно, там и был запрет на слова «родина», не знаю...

Но думаю, что в истории со словом «родина» длительное проживание вне России ни при чем. Вот же Надежда Мандельштам всю жизнь прожила здесь, но уверяет в своих воспоминаниях, что слова «честь» и «совесть» в сталинское время «совершенно выпали у нас из обихода — не употреблялись ни в газетах, ни в книгах, ни в школе». А между тем, она не могла не помнить хотя бы о том, что тогда в газетах и школах, и на всех идеологических перекрестках красовались слова Ленина, сказанные еще до Октябрьской революции: «В партии мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи». На тех же перекрестках сияли слова Сталина из доклада на XVI съезде партии: «В нашей стране труд стал делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Но что Мандельштам! Вот эстрадная певица Изабелла Юрьева. Тоже всю жизнь прожила в России, в СССР, и ухитрилась дотянуть до ста лет, восемьдесят из них мурлыкая песенки о радостях и печалях любви. И вот, выступая в день своего столетия по телевидению, заявила, что при Сталине порядки царили такие ужасные, что невозможно было произнести с эстрады слова «любовь», «люблю», «любимый» — тотчас хватали и волокли на Лубянку.

Что тут сказать? Вранье Мандельштам объясняется, конечно, антисоветской злобностью. А в случае с Юрьевой мы были свидетелями или достопечального факта старческого слабоумия, или какого-то ловкого телетрюка, когда старушка разевала рот, а слова произносил какой-то чревоушатель-антисоветчик.

Вот в какую удивительную компанию угодил ныне покойный Его Святейшество с байкой о запрете слова «родина». Одна лишь песня, о которой идет речь, разбивает эту байку вдреизг.

Но в не менее странной компании оказался Его Святейшество с выдумкой об Александре Невском и других героях русского народа, о которых-де коммунисты вспомнили только в час военной беды.

Вот что не так давно возвестил со страниц «Советской России» один известный политический деятель: «Сталин вспомнил об истории наших великих предков и наших славных полководцев только тогда, когда Гитлер подошел к стенам Кремля». Дальше: «Когда фашист в декабре 41-го припер народ к московской стенке (Все ему стены мерещатся! — В.Б.), даже (?) Сталин вызвал (!) всех (!) священнослужителей и сказал: что будем делать?» И что же стали делать? Оказывается, именно тогда, в 41-м, «в какие-то немыслимо короткие сроки были поставлены прекрасные спектакли и фильмы об Александре Невском, Дмитрии Донском, о Куликовской битве. Тем самым удалось оживить в народе историческую память». А до этого наша память была четверть века мертвой. Наконец: «Сталин обратился к народу, как исстари водилось на Руси: «Братья и сестры!» И ему поверили, за ним пошли». А до этого кому верили — Троцкому, что ли? За кем шли — за Бухариным, что ли?

Так кто же сказал всю эту вышеприведенную чушь? С кем у Его Святейшества было такое совпадение взглядов, такой душевный консенсус, что даже непонятно, кто у кого списывал или учился. Представьте себе, я процитировал статью товарища Зюганова, лидера коммунистов. Конечно, вполне возможно, что ее писал для него вездесущий Владимир Бондаренко, но до этого никому нет дела. Тогда надо иметь грамотных спичрайтеров.

Опровергать приведенные выдумки мне просто лень, да и нет нужды: я уже обстоятельно сделал это в книге «За Родину! За Сталина!» Напомню лишь, что фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» это плод не суматошной спешки в страшном 41-м, а работа в «тихом» 1938-м. Тогда же появились поэмы К. Симонова «Ледовое побоище», «Суворов», и только роман С. Бородина «Дмитрий Донской» напечатан действительно в 41-м.

Я легко допускаю, что Его Святейшество за неусыпными молитвами о благе народа и не слышал обо всем этом, но патриарх в рассуждениях о родине не имел права становиться в один ряд с выжившей из ума эстрадной певичкой и легковесными спичрайтерами.

* * *

Однако вернемся к песням:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек...

Да, и это святая правда. Но стараниями солженицынского дружка Ельцина и его сатрапов от страны отсекли около 4 млн. кв. километров. Но сам-то козел вонючий вообще предлагал русскому народу оставить все свои земли и уйти куда-то на северо-восток, в Якутию, что ли. Туда и Гитлер мечтал загнать после войны остатки нашего народа...

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!..

Никто не виноват, что персонально Солженицын по своей воле угодил в лагерь, где иногда, возможно, и не мог дышать так уж вольно.

Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

И это было. Но прославленная козлиным бляением «Преображенская революция» и оправданный козлом расстрел его приятелем Верховного Совета лишили народ положения хозяина. Правда, один из нынешних хозяев недавно угодил за решетку, а два других удрали за границу. Это радует. Но такой же судьбы заслуживают и певцы «Преображенской революции». Дайте срок...

Молодым — везде у нас дорога.

Старикам — везде у нас почет...

Великую правду первой строки Солженицын может подтвердить своей собственной молодостью. Хотя его отец Исаак был царским офицером и, по словам Исааковича, расстрелян красными, это никак не отразилось на судьбе белогвардейского отпрыска в молодости: беспрепятственно окончил школу, стал комсомольцем, поступил в Ростовский университет, потом еще и в элитный Московский вуз, во время войны был принят в офицерское училище, от младшего лейтенанта продвинули его за полтора года до капитана, дали ему два ордена, отсидев по собственной затее срок, стал писателем, принят в Союз писателей, был выдвинут на Ленинскую премию... Впрочем, после лагеря это уже не молодость, но и не старость же...

А надо ли говорить о советских стариках, упомянутых в песне? Да, им был почет. А посмотри-ка, дядя, что твои воспитанники и духовные братья делают с нынешними стариками. Невеликие льготы, заработанные кровью и потом, и те хотят трансформировать так, что они вовсе исчезнут.

За столом никто у нас не лишний,

По заслугам каждый награжден...

Да, не было при Советской власти лишних ртов. А теперь 30 миллионов (целая Польша!) живут за чертой бедности. Между тем, экономист-авантюрист Гайдар, по данным Центральной избирательной комиссии на февраль 2003 года, только в 2002 году обрел из воздуха 4 млн. 741 тыс. рублей. Это, хочу подчеркнуть, только годовой барыш, а сколько у паразита на счету всего в рублях и долларах, в России и Швейцарии, никто не знает. А у Альфреда Коха 7 млн. 295 тыс., — вот бы потрясти и того, другого на помощь бедным! Но если жалко пузатого Егора и полоумного Коха, то можно потрясти их дружка Чубайса. У того соответственно за тот же год — 29 млн. 785 тыс. И опять — только здесь, только в рублях и только на свое имя. А ведь у всех есть еще жены, дети, братья и сестры, на-

конец, тещи.. Что может помешать часть состояния зачислить на их имена? Нет такого закона в демократической России! За что боролись!..

Да почему бы, черт возьми, не потрянуть и Хакамаду, живущую в квартире великой Марии Бабановой? Ведь она так много говорит о своей любви к народу. И так нежно! Так пламенно! Ее личное состояние, по данным все той же ЦИК, в 2002 году составляло 19 млн. 503 тыс. Наконец, и сам президент Путин получал, по официальным данным, 147 тысяч в месяц. При такой зарплате наверняка есть в кубышке или на сберкнижке искомые 6 млн.

...Но вернемся к Дунаевскому:

Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов...

А теперь нам навязывают красивые слова «господин», «частная собственность», «прибыль», «взятка», «банкротство» и т.п. И ваша шарага все это подхватила...

С этим словом мы повсюду дома,
Нет у нас ни черных, ни цветных...

А попробуй-ка сейчас сунуться с этим словом хотя бы к Лужкову, мужу миллиардерши Батуриной, или Грызлову, герою «Норд-Оста», или к Слижке, влюбленной в Буша и в Аяцкого. Они тебе объяснят, белый ты или черный...

В общем, как бы Солженицын и его обожатели ни верещали, а надо признать: в Советское время евреи внесли в русскую культуру (и не только!) достойный вклад. Другое дело, что вытворяют в области культуры и информации ныне такие их соплеменники, как защитники германского фашизма Швыдкой и Сарнов, профессиональные лжецы Познер и Радзинский, гитлерюгенд Сванидзе или беглый рижанин Альфред Шапиро.

ИУДА И ПРОСТАК

Вот такая поучительная история... Для тех, кто не читал мою статью «Укус гнилыми зубами» («Завтра», №33) должен кое-что повторить. Когда исполнилось 80 лет писателю Владимиру Карпову, Герою Советского Союза, бывшему Первому секретарю Правления Союза писателей СССР, депутату Верховного Совета СССР, члену ЦК КПСС, — то к большому юбилею подоспел его двухтомник об И.В. Сталине «Генералиссимус». Естественно, многие друзья, знакомые, читатели поздравили юбиляра, газеты напечатали статьи о нем и его новой книге.

Но в эти же праздничные для старика дни в «Московском комсомольце» появилась на целую полосу с иллюстрациями статья «Сталин, Берия и папаша Мюллер». Автор — Марк Дейч, широко известный в пределах Бульварного кольца комсомолец. В ней тоже речь шла о В. Карпове и его творчестве, о новой книге. Пишет он об этом в таком духе: «полная литературная беспомощность»... «бредятина»... «Если Карпов читать не умеет, только писать, то хотя бы кино смотрел. Про Штирлица»... «Это плод воспаленного воображения «полиглота»... «Читать Карпова не советую, можно сбрендить»... «Я прочел, так меня в порядок приводили, отпаивали. Вроде помогло. Хотя временами брежу» и т.п.

Как видите, сам автор давал возможность отнести к его статье как к эманации комсомольского бреда, но здесь и вроде бы осмысленные потуги на остроумие, причем самого подлого характера. Например, при чем здесь «полиглот»? А это Дейч, отродясь пороха не нюхавший, не видевший по военной части ничего более значительного, чем смена часовых у Мавзолея, так хихикает по поводу того, что Карпов был на

фронте разведчиком и участвовал в захвате многих «языков», за что и получил Золотую Звезду Героя.

Доступными Дейчу остроумием, иронией, сарказмом напичкана вся его статья. А самые сильные сатирические средства у него — кавычки и словцо «сие»: «сия задача»... «сия тема»... «бросить сие «издание» в корзину»... «сие «утверждение»... «сей момент»... «сей «документ»... «сей монумент»... Иногда это разнообразится как бы остроумными неологизмами: «людовед» и «душелюб», опять «людовед» и опять «душелюб»... Никто не против. Но сколько можно! Ведь это замуслено в «Литгазете» еще лет сорок тому назад. Сам-то можешь избрести хоть что-нибудь? Может. И это мы покажем.

Над статьей Дейча крупным шрифтом красовалось: «К БАРЬЕРУ!» Как теперь ясно, это была хорошо рассчитанная ловушка... Однажды какой-то негодяй и ничтожество вызвал на дуэль Маяковского. Тот ответил: «Милостивый государь, разве Вы не читали мои стихи, где я пишу «Столбовой отец мой дворянин. Кожа на руках моих тонка...»? Из этого Вы должны понять, что согласно Жалованной грамоте 1785 года матушки Екатерины драться на дуэли со всяким быдлом мне совершенно непозволительно. Vale». Что-то в этом духе следовало написать в «МК» и Карпову: дескать, звание советского офицера и Героя Советского Союза не позволяют мне выйти к барьеру с таким малограмотным газетным быдлом, как Марк Дейч. А Владимир Васильевич, простая душа, накал «Ответ Марку Дейчу» да еще не по факсу послал, а собственной персоной отвез его в редакцию. Помощник главного редактора Гусев принял его разлюбезно. «Ах, Владимир Васильевич! Сколько лет, сколько зим... Вас все знают и чтут... Ветеран, Герой, лауреат... Ваша новая книга у меня под подушкой... Читаем по вечерам всей семьей вслух... Сейчас Гусев в отъезде, но вот дня через два приедет, и дело разрешится в самом лучшем виде...» И Карпов покинул редакцию обнадеженный, даже растроганный: демократия, благорастворение воздушных... И даже не услышал, как за его спиной захлопнулась ловушка.

Редакция вела с ним точно рассчитанную игру профессиональных подонков. Она задалась целью спровоцировать старика на ответ, заманить, а печатать его, т.е. встать у барьера под ответный выстрел, никто и не думал. И вот 15 августа в газете появляется не гневный карповский «Ответ Дейчу», а под заголовком «Фальшивка» — ответ самого Дейча на неопубликованное письмо Карпова, т.е. не дав противнику ответить выстрелом на выстрел, он стреляет второй раз в надежде, что это уже «контрольный выстрел» наповал. Да еще приплясывает, гарцует, фиглярствует, выглядывая из кустов, уверенный в полной безнаказанности: — Не нравится? Подавайте в суд... То есть он еще раз из подворотни вызывает к барьеру. Но кто ж ему теперь-то поверит? Улизнет и на этот раз, как гадюка.

Ну, конечно, придумана причина отказа: «Ни одна уважающая себя газета не станет публиковать откровенное вранье и фальшивые «документы», которыми пестрит книга «Генералиссимус». Именно такая оценка сего «труда» — фальшь и вранье — вытекает из моей первой статьи». Из Дейча много чего вытекает ежедневно, и даже из приведенных слов — тоже. Вытекает, например, его литературная глухота. Он не может понять, что если документы названы фальшивыми, то еще и заключать это слово в любимые кавычки ни к чему. Как и слово «труд», ибо само по себе оно не содержит никакого положительного смысла, так назвать можно любую книгу. Даже эти две статьи Дейча тоже труд, правда, точности ради следует сказать «мартышкин труд». Далее вытекает, что Дейч не только глух к русскому языку, но и не умеет грамотно выражать свои мысли: ведь по прямому смыслу того, что он здесь написал, выходит, будто Карпов просил напечатать в «МК» свой двухтомник, который насчитывает около тысячи страниц и нехорошо пестрит. Нет, Карпов гораздо скромнее, он просил совсем о другом: о публикации всего лишь своего «Ответа». Еще вытекает, что Дейч не только глух, но и слеп: не видит, что ныне много уважающих себя газет, издательств, которые постоянно публикуют откровенное вранье. Ну, например, в «Извести-

ях» появляется статья В. Войновича, который уверяет, что когда-то его не приняли в Литературный институт только потому, что он еврей. Вранье. В этом институте даже в сталинское, будто бы «самое антисемитское» время процентов 30-40 студентов и больше половины преподавателей были евреи. Это я пять лет созерцал своими глазами. Издательство «Варгиус» выпустило сочинение Э. Радзинского «Сталин», в котором живого места без вранья не найдешь: в «Завтра» я напечатал три полосы об этом труде и вранье в нем показал лишь частично. В издательстве «Аграф» вышла книга Бенедикта Сарнова «Перестаньте удивляться!», читая которую невозможно перестать удивляться обилию в ней вранья, невежества и скудоумия. Хватит?.. Наконец, из приведенных слов Дейча вытекает, что «МК» — уважающая себя газета. Ах, как изумятся, но порадуются этому все московские проститутки, постоянно дающие в этой газете объявления о своих услугах. Они наверняка повысят тариф.

Но вернемся к упомянутому предложению обратиться в суд. Вообще-то говоря, оклеветать человека, а потом обманным образом выманить его рукопись, да не просто рукопись, а текст ответа автора газете в свою защиту и вопреки его воле публиковать из ответа то, что тебя устраивает, и скрыть то, что опровергает клевету, — это дело подсудное. Например, В. Карпов по поводу оскорбительного ярлыка «литературная беспомощность» напомнил, что его роман «Полководец» отмечен Государственной премией, и привел восторженные читательские письма, некоторые из которых весьма авторитетны. Таковы письма Василя Быкова и Михаила Матусовского. Первый в конфликте с властью, в эмиграции, но литературного авторитета у него никто не отнимал и отнять не может. Второй в 1990 году умер, по живы прекрасные песни на его слова — «Подмосковные вечера», «У незнакомого поселка, на безымянной высоте», «С чего начинается родина», «Березовый сок», «Летите, голуби...» Об этих письмах Дейч даже не заикнулся, соображая все-таки своим жульническим калганом хоть то, как он в своем литературно-интеллектуальном убожестве

и со своей клеветой выглядит рядом с этими прославленными мастерами и их оценкой книги.

Не знаю, будет ли В. Карпов подавать в суд или хоть на этот раз последует примеру дворянина Маяковского и моему совету насчет офицерства и газетных гнид. Но вместо старшего товарища к барьеру вышел я. Помоложе все-таки да и позубастей. И хотя, как Карпов, тоже офицер и ветеран Великой Отечественной, имеющий боевые награды, но кто-то должен все-таки раздавить гадину. Сразу говорю: буду целить прямо в широкомедный лоб. Конечно, с моей стороны это очень жестоко, поскольку дуэлянт из «МК» не только малограмотен, дремуч, но и настолько туп, скудоумен, безмозгл да еще и нагло самоуверен, что это похоже на хроническую неизлечимую болезнь. Да, жестоко, если он болен, но интересы социальной гигиены требуют: раздави!

При этом читателям, может быть, интересно узнать, что в свое время между мной и Карповым был острейший конфликт. Дело дошло до обращения в суд и в партийные инстанции. И представьте себе соотношение сторон: рядовой член Союза писателей с медалькой «За отвагу» против его первого секретаря, члена ЦК, депутата Верховного Совета да еще и Героя. Мало того, на страницах «Московской правды» против меня энергично выступили еще два Героя Советского Союза — Генрих Гофман и Марк Галлай, два Героя Социалистического Труда — Сергей Михалков и Виктор Астафьев да еще только что испеченный лауреат Государственной премии Игорь Шкляревский. О-го-го... А времена-то были не плюралистические. «Мы в лесочек не пойдем, нам в лесочке страшно»... Но, увы, пришлось идти. Однако, слава Богу, дело кончилось хоть и не любовным миром, но все же, как говорится, обе стороны «остались при своих», никто тяжких утрат не понес, если не считать, конечно, нервы и время... И вот спустя годы я читаю разносные статьи Дейча. Так что ж, ликовать? Нет, братцы, при виде такого бандитского глумления надо отбросить личные эмоции...

Так вот, морально-интеллектуальный уровень Дейча виден уже в первых строках его новой фальшивки, где он заявляет: «Я с большим пиететом отношусь к академикам». При чем тут академики? А при том, что В. Карпов является почетным членом Академии военных наук. Но позвольте, как можно пиететствовать перед академиками вообще, т.е. перед всеми академиками? Они же такие разные, как, допустим, и писатели. Неужто Дейч не соображает такой простой вещи? Пушкин, например, любил и славил академика Ломоносова, а о другом писал:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.
Почему ж он заседает?
Потому что ж... есть.

Дейч продолжает фиглярствовать о своем пиететстве: «А уж перед ветеранами войны и вовсе снимаю шляпу, которую, впрочем, не ношу...» Это — высшая степень доступного ему остроумия. Я готов, Дейч, отмусолить вам в виде премии за такое достижение тысячу евро, которых у меня нет. Заходите...

Но как бы то ни было, он дальше все-таки пишет, что «ветераны заслуживают самых высоких и добрых слов». Прекрасно! Но, позвольте, мы уже слышали его «высокие и добрые слова» о старике-ветеране Карпове и его книгах: «Литературная беспомощность»... «читать не умеет»... «бредятина»... Может, обрздумился, совестно стало? Куда там! И теперь слышим то же самое: «вранье»... «сдвинулся человек»... «фальшь и вранье»... «бредни»... «дремучее невежество»... «лжец или фальсификатор»... «бред воспаленного воображения»... «бредятина»...

Как же так? Говорит, что уважает ветеранов, а перед ним не просто ветеран, а Герой Советского Союза. Можно же было из уважения употреблять иные слова: «автор, к сожалению, ошибается»... «тут он не прав»... «увы, это неудачно»... и т.п. В чем же загадка? Да никакой загадки: на самом-то деле все уважение Дейча к ветеранам помещается в его собственной шляпе, которой у него нет. И это понятно. Ветераны сражались и погибали за родину и советскую власть. Карпов пишет: «Стоял и буду стоять за Россию». А для Дейча все это — предмет для копеечных хохм и глумления: «Карпов пишет всякие красивые слова о патриотизме и прочем таком... И о пожеланиях единомышленников «стоять насмерть». Стоять не надо. Настоялись уже. Присесть бы тов. Карпову... Советская власть давно уже приказала долго жить, а Карпов все еще там. В ней».

Да, Карпов настоялся, притаившись в окопе или за деревом, выслеживая «языка». А где настоялся Дейч — в Брестской крепости или Одессе? в Севастополе или Сталинграде? в Доме Советов 4 октября или в Чечне с Шестой ротой?.. Нет, он настоялся разве что в очередях за гонораром.

Уважение Дейча к ветеранам такого же примерно пошиба, как у его любимого критика Бенедикта Сарнова, помянутого выше. Тот в своем поношении и клевете дошел от наших маршалов и Верховного Главнокомандующего (тут они все однообразно тупоумны) аж до рядового Александра Матросова. Этот борзописец распространяет анекдоты о погибшем герое, у него есть, видите ли, своя «версия» его подвига: Матросов вовсе не сознательно бросился на амбразуру, чтобы помочь товарищам в бою, а просто был гололед, и он случайно поскользнулся и, случайно падая на амбразуру, выматерился и случайно погиб. И только...

Все, что было в Советское время героического и просто удачного, успешного, все, уверяет Сарнов-Елисеевский (он вырос едва ли не на ступеньках этого знаменитого магазина), все было случайно. Вот совсем другое время: «В мае 1960 года советские ракеты случайно (!) сбили над советской территории

ей самолет-разведчик У-2. Хрущев раздул этот инцидент до масштабов мирового скандала». Да почему же случайно, если самолет был обнаружен в нашем небе и, поскольку он игнорировал требование приземлиться, по нему вели прицельную стрельбу и сбили? Какой иезуитский выверт ума при всем тупоумии! И еще: американцы заслали в советское небо своего суперразведчика, а мыслитель осуждает не их, а своих соотечественников: зачем скандал раздули? Надо было молчать, как сейчас молчит, а то и благодарит американцев Путин при любом хамстве их.

До чего охоча эта публика на подобные «версии»! И не соображают притом, что ведь и о них могут сочинить «версии». Например, почему в 1944-м или 45-м году Сарнов не только не был на фронте, но никогда и не служил в армии? Есть версия: благодаря большой любезности, оказанной его матушкой военкому. Когда в 1946 году Сарнов поступал в Литературный институт, был огромный конкурс, и приняли в основном вчерашних фрнтовиков, многие из которых уже печатались, и он, ничего за душой не имевший школяр, тоже попал в институт. Каким образом? Есть версия: его папочка сунул председателю приемной комиссии изрядную сумму. А как Сарнова приняли в Союз писателей? Есть версия... Нет, не могу...

* * *

Дейч при всем его дейчилизме, пожалуй, все же превосходит Сарнова-Елисеевского в своем иезуитстве. Представьте себе, после того как он снял перед ветеранами свою несуществующую шляпу, пишет: «Но к нам в «МК» тов. Карпов пришел не как ветеран, а как автор. В качестве же автора своего «издания» никакие льготы на него — будь он хоть четырежды Героем, как Брежнев — не распространяются». Вы поняли, что он проделал? Превратил наше боевое прошлое, наше ветеранство во что-то вроде галстука-бабочки: можно нацепить, а можно и снять... Нет, любезный, наше ветеранство останется с нами навсегда, до конца жизни, как, допустим, с вами —

ваше еврейство. И вас похоронят на Востряковском, а нас на Кунцевском. И Карпов пришел в «МК», не оставив в гардеробе свое ветеранство. И если бы вы и редакция действительно уважали ветеранов, вы не устроили бы глумления над стариком. Это одно. А во-вторых, никаких привилегий Карпов у вас не просил и не рассчитывал на них. Вы сами вызвали его «к барьеру», и он пришел, а ваша банда подонков вырвала у него пистолет и второй раз обстреляла обезоруженного.

Конечно, в «Ответе» В. Карпова есть промашки. Например, в ответ на оскорбительный ярлык о «литературной беспомощности» он пишет: «Не монтируется это с тем, что меня писатели страны избрали своим руководителем», т.е. первым секретарем Правления Союза писателей СССР. Это не очень убедительно, тем более что важную, если не решающую роль в назначении Карпова, надеясь на его послушность и управляемость, сыграл политбюрошник А. Яковлев, боявшийся кандидатуры Ю. Бондарева, вполне реальной тогда. Да, не шибко убедительно. Но ответ Дейча на это обнаруживает уж такую глубину его лживости и невежества, что хоть святых выноси. «Еще как монтируется!» — восклицает он и уверяет, что в Советское время руководителями, первыми секретарями творческих Союзов «именно таких и избирали: тех, кто отсутствие писательского дара восполнял деятельностью на ниве «общественно-политической жизни»».

Тут уместно привести еще одно клятвенное заявление жучка: «Все приведенные мной цитаты и цифры я готов подтвердить с документами в руках». Надо полагать, что только из соображений краткости он сказал так. А на самом деле готов подтвердить и все факты, даты, имена, оценки... Так вот, подтверди, жучок, для начала, что первыми секретарями, руководителями Союза писателей избирали «именно таких», бесталанных. Первым руководителем СП был Максим Горький. Это он-то бесталанный? Если бы Горький не написал ничего, кроме пьесы «На дне», которая вот уже сто лет идет на сценах мира, то и тогда, как Грибоедов со своим «Горе от ума», навеки остался бы в истории русской литературы. После него

долгие годы возглавлял Союз Александр Фадеев. Где твой документ о его бесталанности? Потом много лет — Константин Федин, кстати, беспартийный. Читал ли жучок что-нибудь из его книг, хотя бы «Города и годы»? Когда создали Союз писателей России, его председателем избрали Леонида Соболева, тоже беспартийного «царского мичмана», как он себя иногда называл. Между прочим, после его первой крупной публикации Сталин писал 10 декабря 1935 года тогдашнему первому секретарю СП:

«Тов. Ставский!

Обратите внимание на т. Соболева. Он, бесспорно, крупный талант, судя по его книге «Капитальный ремонт». Он, как видно из его письма, капризен и неровен (не признает «оглобли»). Но эти свойства, по-моему, присущи всем крупным литературным талантам...

Не надо обязывать его написать вторую книгу «Капитального ремонта». Такая обязанность ниоткуда не вытекает. Не надо обязывать его писать о колхозах или Магнитогорске. Нельзя писать о таких вещах по обязанности.

Пусть пишет, что хочет и когда хочет.

Словом, дайте ему перебеситься... И поберегите его.

Привет!

И. Сталин».

Так вот, читал ли литературный жучок хотя бы этот самый «Капитальный ремонт»?

После Соболева Первым секретарем российского Союза стал Сергей Михалков. О нем говорят многое, но в таланте еще никто не отказал. На мой взгляд, как детский поэт он стоит Маршака, Корнея Чуковского и Агнии Барто, вместе взятых, а как баснописец выше незабвенного Ивана Андреевича. Потом — Юрий Бондарев. Одним его «Берегом» можно с маху укокошить сразу сто литературных жучков.

Взглянуть и на другие Союзы? Давайте. Во главе Союза композиторов СССР с молодых лет по просьбе Сталина до глубокой старости стоял Тихон Хренников. Хоть на него, свистун,

у вас есть документик, подобный «свидетельству о бедности»? А кто лет двадцать, до самой смерти в 1975 году, возглавлял Союз композиторов России? Дмитрий Шостакович. Это он-то был озабочен, как бы «отсутствие дара восполнить общественной деятельностью»?

О, если бы вам, Дейч, отсутствие доброкачественного серого вещества восполнить скромностью... А Союз кинематографистов? Иван Пырьев, Лев Кулиджанов... А Союз художников? Юон, Иогансон... Весь ваш «МК» с двухмиллионными потрохами не стоит мизинца этих замечательных людей. А уж Пулатов, Ганичев, Климов — это порождение эпохи Горбачева — Яковлева — Ельцина.

Конечно, работая в «МК», где печатаются статьи Гавриила Попова и объявления проституток, карикатуры Алексея Меринова и стихи Самуила Кобылина, вы не могли составить себе представление о том, что есть художественный дар. Но понять, что такое вранье, могли бы даже вы.

ЖУЛИК РАДЗИНСКИЙ

Не кажутся ли вам, дорогой читатель, достойными внимания два обстоятельства в жизни нашего знаменитого телеведателя Радзинского? Первое. Когда состоялось очередное погребение останков генерала Деникина (два уже были в 1947-м и 1952 году в Америке), то все обставили торжественно и пышно. Присутствовали лучшие люди страны — от патриарха до какого-то олигарха, от Михалкова и Лужкова до Пушкина и Петушкова. Президент прислал венок с такой, говорят, надписью на ленте: «Зачинателю от завершителя». А Радзинский, представьте себе, вопиюще отсутствовал. Почему? Ведь он же такой любитель этих процедур. Помните, как в мыле примчался он в Ленинград на процедуру захоронения царских останков. Даже сомнительных! А тут подлинность праха несомненна, а он даже веночка не прислал.

Второе. В своих неисчислимых явлениях народу Радзинский часто тревожит тени поэтов начала века — Блока, Гумилева, Городецкого, Есенина и других, но Анну Ахматову не упомянул ни разу. С чего бы? Ведь звезда первой величины!

Я предложу вам свои варианты ответов на эти загадки века. И сперва напомним старый романс:

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь.
Он робко в любви ей признался,
Она прогнала его прочь...

Сейчас титулярных советников, т.е. чиновников, кажется, 14-го класса, у нас вообще-то нет, но совершенно непонятно, почему после двуглавого орла, губернаторов, потешного пол-

ка кремлевской охраны в ботфортах, после слов «ваше превосходительство» на блаженно-трепетных устах того же Михалкова, — почему после всего этого их превосходительства нынешние правители России до сих пор не возродят «Табель о рангах». Ведь как великолепно звучало бы, например, «тайный советник Павловский», «надворная советница Слиска» и т.п. Но, увы, ничего этого пока нет. Видимо, только по причине нутряной ненависти демократической власти ко всем словам с корнем «совет». За ними ей мерещится советская власть, по сравнению с которой нынешняя власть все равно, что таракан запечный рядом с трудягой слоном на лесоповале.

Однако есть сфера жизни, где наряду с генералами и лейтенантами сохранились и титулярные советники. Это литература. Тут они всегда были, есть и будут. Так вот, у нас речь пойдет о титулярном советнике Радзинском, а генеральская дочь — Марина Деникина, недавно почившая дочь давно почившего и трижды погребенного генерала.

Как сообщает «Литературная газета», незадолго до смерти Марина Антоновна дала интервью, в котором рассказала о многих событиях, встречах, знакомствах своей жизни. Назвала Бунина, Ивана Шмелева, Марину Цветаеву... А журналист Евгений Данилов возьми да брякни: «А вам знакомо имя писателя, историка Эдварда Радзинского?» Боже, что тут произошло!

— Радзинского? — переспросила генеральская дочь. — Это тот титулярный советник, который написал о Николае Первом, о Распутине?

Вероятно, старушка не знала, что он написал еще о Сократе, Нероне, Иване Грозном, Сталине и о многих других.

— Я считаю, что он жулик, — решительно заявила Деникина. — Он два раза приходил ко мне до того, как писал о Распутине. Моя книга о Распутине тогда уже вышла, и я ее подарила титулярному советнику...

О, русская простота! — сразу воскликнул я, прочитав это. Как и следовало ожидать:

— Он скопировал целые страницы. И когда вышла его книга, я думала делать ему процесс...

Тут мне вспомнилось одно несколько более раннее ограбление другой старушки. В 1981 году московский журналист Дружников (Альперович) разыскал в Крыму, в Алупке, Татьяну Семеновну Морозову, — не генеральскую дочь, а родную мать известного всей стране Павлика Морозова, зверски убитого в 1932 году пионера. Явился к ней под именем Ачильдиева (вторая линия обороны) и с выражением великой дружеской заинтересованности стал задавать восьмидесятилетней старушке ловко сформулированные, двусмысленные вопросы. Матери — о, святая русская душа! — и в голову не могло прийти, что с ней беседует литературный жулик, который даст ее словам совершенно иной смысл и характер в своем сочинении «Вознесение Павлика Морозова», где ведь правдиво подчеркнет: «Я встречался с матерью моего героя». Прощаясь, он целует ей сухонькие руки, вынянчившие пятерых детей, из которых к тому времени четверых она уже поминает за упокой. «Храни вас Бог в дороге!» — говорит старушка. Он низко кланяется и исчезает. Спешит в Москву к письменному столу, где второй раз убьет ее сына. А сделав свое дело, укатит в Америку. Им все равно кого грабить — генеральскую дочь или скромную труженицу.

Но вернемся в Париж:

—...Я думала делать ему процесс. Он мне позвонил из Москвы, потому что чувствовал, вероятно, назревающую для него неприятную ситуацию. Я ему сказала, что собираюсь с ним делать процесс. Он был крайне озадачен. В конце концов я никакого процесса не делала, слишком это дорого и длилось бы долго. Так что я его не люблю.

Бедный Эдик! Никто его не любит, никто — от здравствующего бордово-красного большевика Владимира Бушина до покойной дочери белого генерала. Первый из них тоже с удовольствием сделал бы ему процесс за диверсию против русской культуры, за клевету на советскую историю, но дорого, пенсии не хватит, и он ограничился двумя статьями о титулярном советнике — «Театр одного павлина» и «По завещанию помешанного».

Какого помешанного? А это, видите ли, его папа, по собственному признанию сына. Он был «тонким интеллигентом, помешанным на европейский демократии» и на общечеловеческих ценностях, еще и обожал Керенского, в коем видел живое воплощение того и другого. Поэтому, говорит, он « всю жизнь прожил под топором». А уже на смертном одре завещал сыну: «Милый Эдик, я уйду в лучший мир. Ты остаешься в худшем из худших — в социалистическом. Но как тебе будет ни трудно, умоляю, напиши испепеляющую книгу о Сталине, которого мы с Троцким так не любили». И сынок лет пять тому назад выполнил завет помешанного родителя, написал полпудовую книгу о Сталине. О, это нечто! Кому интересно — до сих пор лежит в магазинах.

Вот я и думаю, что Радзинский не явился на великие похороны в Донской монастырь только из-за боязни, как бы старушка Деникина своей сухонькой дланью тут же не сделала бы процесс его ланитам, процесс мгновенный и абсолютно бесплатный.

* * *

Через отца и мать титулярного советника прямая дорога к раскрытию второй тайны века. Радзинский-старший о своей молодости мог бы сказать словами Пушкина: «Я жил тогда в Одессе пыльной...» Но в отличие от великого поэта он не писал там бессмертные стихи, а издавал газету не то «Штурм», не то «Натиск». Однако после революции, разумеется, оказался в Москве. Ехал, возможно, в одном plombированном вагоне с Исааком Бабелем, Эдуардом Багрицким, Верой Инбер, Семеном Кирсановым, Ильфом и Петровым и Корнеем Чуковским... (Впрочем, нет, Чуковский укатил раньше и сперва в Петербург, а уж потом, когда Сталин построил в Переделкине дачи для писателей, — в Москву.)

В Москве папа Радзинский долго занимался перелопачиванием для кино романов очень популярного тогда Петра Павленко. И неплохо жил, вскоре женился. А в 1937 году, ко-

гда, как уверяет ныне его сын, всех порядочных людей бросали в тюрьмы или расстреливали, был принят в Союз писателей и обрел недурную квартирку в центре Москвы, в Старо-Пименовском переулке. В обстановке большого духовного подъема жена Софья Юрьевна (для знакомых Софа) родила сына, которого, возможно, в честь одного из бесчисленных королей Англии, где столько веков благоухает демократия, нарекли Эдвардом.

Несмотря на топор над головой, все шло прекрасно. Но вдруг — война. Очень скоро, уже в октябре 41-го, семья Радзинских оказалась в Ташкенте. Там тогда сконцентрировалось много московских и ленинградских служителей муз с семьями. Всем было предоставлено жилье, выданы продуктовые карточки, и получали они какой-то спецпайк. Соседкой Радзинских в знаменитом доме №7 оказалась Анна Ахматова, которую, говорят, по распоряжению Сталина вывезли на самолете из уже блокированного Ленинграда как «груз стратегического назначения особой важности».

Известно, что Анна Андреевна, настрадавшись со своим единственным сыном, очень любила чужих детей. Возможно, в ту пору она гладила по головке, трепала по щечке и пятилетнего соседского Эдика: «Ах ты, проказник!..»

Станислав Адольфович, продолжая оставаться «под топором», устроился работать в местное издательство, а Софья Юрьевна развила бурную деятельность в сфере соцбыта. Правда, тут не обходилось без некоторых странностей. Об этом свидетельствует в своих трехтомных «Записках об Анне Ахматовой» пребывавшая тогда там же, в Ташкенте, Лидия Чуковская.

Так, с одной стороны, Софа могла в ту скучную пору где-то раздобыть таинственную утку, изжарить ее и угостить соседей. Прекрасно! Однако, с другой стороны, взяв на себя задачу прописки Ахматовой, что было делом очень важным, насущным, связанным с карточками, пайком и т.д., тянула с этим месяца три-четыре. Только 28 января 42-го года Чуковская записала: «М-ме Радзинская наконец прописала Анну Андреев-

ну... Месяцы ленилась прописать, что грозило всякими неприятностями». Но только ли в лености дело?

Вокруг Ахматовой вился рой литературных бабочек и писательских жен. Чуковская называет их придворными дамами, сама поэтесса — вязальщицами. Они раздражали ее бесконечными сплетнями и пересудами, особенно — Софа.

7 февраля 42-го года Чуковская записала: «А.А. жаловалась на ссоры и склоки Радзинской и других. Совсем как придворные дамы!» 10 мая того же года: «Вчера Радзинская предложила Ахматовой какую-то услугу. А.А. отказалась и сказала мне: «Нет, нет, если я позволю сделать это, то сама перейду в стан вязальщиц, возьму спицы и сяду над помойной ямой, как они, и буду обсуждать Ахматову». 28 мая: «После сведений о городских сплетнях, чудовищных по глупости, пошлости и неприятности (но все же едва ли превосходящих в этом нынешние телесериалы Эдварда. — В.Б.), переданных мне Радзинской и другими, я решила, что должна рассказать А.А., что уже говорят и о ней». 2 сентября: «Почтальон не принес ничего. Зато Радзинская явилась со всей грязью дома № 7». 15 ноября: «Вчера я зашла к Радзинской... Ушла от Софы отравленная». А сама Ахматова после посещения Радзинских, где был главный центр сплетен, сказала: «Я не желаю слышать каждую минуту гадости о любом из наших коллег... Мы здесь живем так тесно, что нужно принять меры, чтобы сохранить минимальную чистоту воздуха».

Эти горькие слова великой поэтессы пятилетний Эдик, может быть, и слышал, но они уже не могли поколебать фундамент той школы сплетен и грязи, которую он прошел в самом нежном и впечатлительном возрасте в ташкентском салоне своей матушки m-me Радзинской и которую (школу) ныне обогащает и двигает дальше.

В начале декабря 1942 года Радзинские уехали в Москву. Ахматова и Чуковская пока оставались. И вот однажды на прогулке Анна Андреевна вдруг сказала: «А знаете, Радзинские-то ведь оказались бандитами. Он сам признался, что брал мой паек — весь мой паек! Вы подумайте! Холодные, спокойные

бандиты. И это после стольких демонстраций заботы и преданности.

— Кому же он признался?

— Фаине Георгиевне Раневской.

Я молчала. По-видимому, раздраженная моим молчанием, она несколько раз повторила слова о бандитизме».

В свете этих слов не проясняется ли и подлинное значение волынки с пропиской Ахматовой, и пленительный эпизод с жареной уткой? И понятней становится ограбление Марины Деникиной верным сыном своих родителей, тонких-пре-тонких интеллигентов. Как и то, почему столь говорливый телеведущий избегает имени Ахматовой.

Я, конечно, не полез бы в такую даль времени, как военные годы, чтобы ворошить там тени родителей Радзинского, если бы он сам не лез в еще большую даль, аж в позапрошлый век, и не измышлял грязную клевету, например, о матери Сталина, честной христолюбивой труженице, на что уже никто не может ему ответить. Нет, иногда необходимо делать клеветникам процесс на том поле, на котором они орудуют сами. Тем паче, что ведь, в противоположность жертвам его клеветы, он-то сам может и спорить, и опровергать, и оправдываться. Вот и опровергай, любимец двух президентов, Анну Ахматову и Марину Деникину.

ТИТАНИК МЫСЛИ МЛЕЧИН

Знаете ли вы, кто такой Леонид Млечин? Уверен, что вы ответите: еще бы! Он же постоянно фигурирует на наших телеэкранах и проникновенным голосом объясняет нам, сколь ужасна и омерзительна была Советская эпоха и ее деятели.

А известно ли вам, что ведь он не всегда был таким? Когда-то состоял в номенклатуре ЦК КПСС и работал заместителем главного редактора популярнейшего журнала «Новое время», еще более популярной газеты «Известия»? Какие издания! Какие должности!

И на страницах этих изданий коммунист Млечин восхищался своей родиной, Китаем, КНДР, всеми странами лагеря социализма, их политикой и беспощадно клеймил американскую политику, тогдашних и прежних руководителей США — президентов Трумэна и Картера, государственного секретаря Шульца, генерала Макартура и других супостатов нашего отечества.

Вот, например, его статья «Штурм изнутри» в «Новом времени» №26 за 1987 год. В ней он припомнил сказанные Трумэном еще в 1949 году слова о том, что Корея стала полем битвы «в идеологическом конфликте между коммунизмом и демократией». И не было ни малейших сомнений, что он, Млечин Леонид Михайлович, конечно же, со всеми своими номенклатурными потрохами на стороне коммунизма против американской демократии. Генерал Макартур, командовавший американскими войсками в Южной Корее, вызывал особенно сильный и благородный гнев журналиста-коммуниста своим подлым призывом нанести атомный удар по китайским городам, поскольку-де китайские добровольцы помогали КНДР в войне 1950—1953 годов разгромить и

вышвырнуть американцев, чем безмерно восхищали большевика Млечина.

В этой статье, как и во всех других, он горячо одобрял и даже прославлял мудрую внешнюю политику своей социалистической родины, и его просто коробило то, например, что «правительство США, несмотря на протесты Советского Союза, сделало все, чтобы не допустить создания на Корейском полуострове единого и подлинно демократического государства». С какой болью и сарказмом Млечин писал: «Раскол Кореи был оформлен юридически. В те годы США и их союзники, обладая большинством голосов в ООН, могли протащить любую резолюцию». Казалось бы, свой богатый бойцовский опыт коммунист Млечин мог бы использовать для блага народа и сейчас, когда в Госдуме похабное большинство единороссов протаскивают любые законы. Но старый боец молчит...

Тогда, в 1987 году, крепко досталось от бесстрашного марксиста и американскому «Фонду свободы». В годы правления сидевшего на американских штыках кровавого корейского президента Ли Сын Мана в стране процветала коррупция, народ бедствовал, а этот «Фонд» наградил кровавую куклу медалью «За руководство свободой». Опять на ловца и зверь бежит: обкомовский выродец Ельцин привел в страну грабителей народа, нищету масс, бесконечные катастрофы и терроризм, болезни, смертность, а Путин, не умолкая щебечущий о порядочности и нравственном возрождении, перекрестясь три раза, награждает кровавого идиота высшим орденом, объявляет его и всю родню евонную неприкасаемыми персонами, выделяет им многомиллионное пожизненное содержание да еще и охрану с вертолетом и линкором (при отдыхе на Черном море). Можно было ожидать, что Млечин, закаленный борец за справедливость, и тут если уж не кинется в бой, то хотя бы скажет свое веское номенклатурное словцо. Тем более, что Ли Сын Ман бежал от народного гнева на Гавайи, где в 1995 году в девяностолетнем возрасте и представился, а наш образина жуирует в роскошных резиденциях, мурлычет «Я счастлив...», и до 90 ему еще далековато. Но нет, бесстрашный боец промолчал и тут.

В чем дело? А в том, что наступили уже другие времена, и твердокаменный большевик моментально преобразился в антисоветчика. Ну, это нам знакомо: Горбачев, Яковлев, этот Ельцин, Черномырдин... Евтушенко, Михаил Ульянов, Марк Захаров... Млечин кинулся вдогонку.

И примчался на телевидение. А еще принялся сочинять книги. Впрочем, нет, этим он промышлял и раньше. Еще в 1980 году, когда Леня только окончил Московский университет, вышло его криминальное сочинение под влекущим заглавием «Хризантема пока не расцвела»... Как тут не вспомнить давний киношедевр «Отцвели уж давно хризантемы в саду»... Потом его криминального жанра книги выходили одна за другой и все с такими же загадочными и ненавязчиво пленительными заглавиями: «Поздний ужин с тайным агентом», «Старик в черном кимоно», «Обстоятельства смерти господина Н», «Знаменитые самоубийства», «Алиби для великой актрисы» «Картина города при вечернем освещении»... Тут, конечно, заметно влияния сочинений классика Радзинского: «Пейзаж с рекой и крепостными стенами», «Приятная женщина с цветком и окнами на север», «Я стою у ресторана» и т.д.

Но теперь Млечин совершил бросок от криминальщины к истории и политике. И тут уже накатав столько! И какие книги! О чем только в них ни поведал нам, и с каким проворством... Ельцин еще только отвалился, Путин еще только появился, а у Млечина уже готова радостная книженция почти в 600 страниц «От Ельцина к Путину» (М., 2000). Еще не улеглась пыль от рухнувшего торгового центра в Нью-Йорке, а книжные магазины уже ломались от его ученого исследования «Кто взорвал Америку?». Отменные книжечки выскакивали из-под млечинского пера и после! Вот, допустим, фолиант «МИД. Министры иностранных дел». Всех описал, от Троцкого до Игоря Иванова. А их было, поди, десятка полтора, если считать и трехнедельного министра Бориса Панкина. И тут же — «Председатели КГБ». Тоже всех 23-х, от Дзержинского и Менжинского до Путина и Патрушева, изобразил суровой рембрандтовской кистью. Еще — «Русская армия от

Троцкого до Сталина», «Моссад. Тайная война», «Евгений Примаков. История одной карьеры», «Смерть Сталина»...

А совсем недавно — «Сталин и его маршалы». И на этот раз начал ab ovo — с Ворошилова и Буденного... А какие у него объемы! 450 — 500 — 650 — 700 страниц. Последняя из названных — аж 800 и весит фунта четыре. Трудно и страшно в руки взять... Все человек охватил своим крупногабаритным умом, во все проник пронзительным взглядом асмодея. Закажи ему книгу «МУР. 1918—2004. Начальники» — напишет. Предложи тему с предоплатой «Сандуны. 1893—2004. Директора» — сочинит. Намекни, что хорошо бы издать книжечку «Ваганьковское кладбище. XVIII-XXI века. Обитатели и посетители» — через три недели предъявит рукопись. Все может! Все!..

* * *

Я думаю, что нет никакой нужды читать и разбирать хотя бы несколько сочинений Л. Млечина, чтобы стало ясно, какого пошиба сей творец. По-моему, достаточно приглядеться к какому-то одному его сочинению. Вот и полистаем что полегче — то, в котором хотя бы не 800 страниц, а лишь 400, — «Смерть Сталина» (М., Центрполиграф. 2003).

В аннотации сказано, что особенность этой книги в сочетании «оригинального замысла» и «пугающей правдивости». И это можно сказать обо всех его книгах с одним уточнением: они оригинальны не только по замыслу, но и по выполнению, причем — порой оригинальны до полоумия. И конечно, все они действительно пугают читателя, жутко пугают.

И книга «Смерть» поражает воображение прежде всего густейшей концентрацией оригинальности, нередко граничащей с припадками эпилепсии, причем — в богатейшем ассортименте.

Предваряя одно из своих сочинений, Млечин сердечно поблагодарил тех, кто помогал ему: профессоров В. Наумова и В. Некрасова (как обладателей «уникальных познаний»),

историков А. Кокурина и Н. Петрова (надо думать, тоже уникальных эрудитов), коллег по телевидению, которые, говорит, «вдохновляли и поддерживали меня, и мою маму — Млечину Ирину Владимировну», литературоведа, переводчика, доктора филологических наук, члена Союза писателей, «взявшую на себя труд стать моим первым читателем...». Бедная мама! Ведь ей уже семьдесят... Какая у нее пенсия? Я бы на ее месте потребовал надбавки за вредность.

Упоминаю об этой сердечной благодарности из того сообщения, что, возможно, какая-то доля оригинальности, коей перенасыщены сочинения Млечина, принадлежит не ему лично, а этим уникальным профессорам, замечательным коллегам-вдохновителям и родной матушке автора.

Так вот, говорю, оригинальность замысла и исполнения на страницах книги «Смерть» представлена в роскошнейшем ассортименте — географическая, биографическая и хронологическая, историческая и политическая, литературная и амурная... Не знаешь, с чего и начать. Что ж, с географического и начнем.

Из книги в книгу Млечин твердит, например, что город Саров находится в Мордовии. Оригинально. Однако же с чего взял? Уникальный профессор Наумов сообщил по секрету? Может, и Серафим Саровский был мордвинком? Видимо, профессор путает Саров со столицей Мордовской Республики Саранском. В другой раз сочинитель уверяет, что в 1939 году после разгрома Польши немецкие войска с нашего постыдного разрешения направились к своей западной границе через советскую территорию. Еще более оригинально! Это профессор Некрасов подсказал? Но — как это? Объяснил бы, где такая территория? Может, немцы через Владивосток топали? В третий раз... Стоп! Так мы можем в географии и завязнуть. Интересней теперь пойти по другой тропке, допустим, по биографической.

Вот читаем: «У Светланы Сталиной весной 1944 года появился новый муж, Григорий Морозов, который не нравился вождю, потому что еврей». Тут наверняка надоумила мама.

И это опять — из книги в книгу. Ну, не мое дело считать мужей известной дамы, но все же могу сообщить крутолобому исследователю, его советникам и родственникам: еврей Морозов был не новым, а первым мужем дочери Сталина. И союзу их отец не препятствовал, более того, как пишет она в книге «Двадцать писем к другу», «он дал мне согласие на этот брак» (с. 174). А не нравился ловкий зятек тестю вот почему: «Слишком он расчетлив, твой молодой человек, — говорил Сталин дочери. — На фронте ведь страшно, там стреляют, а он в тылу окопался...» (с. 175). Да, Сталин не пожелал встретиться с зятем-тыловичком. И тут не трудно понять Сталина не только как Верховного Главнокомандующего, но и просто как старого человека, один сын которого с первых дней был на фронте и попал в плен, где его ждала только смерть, а второй сын и приемный воевали и сейчас. И вот ему созерцать физию этого шкурника, сделавшегося его родственником?.. Но при всем этом к родившемуся внуку дед «относился с нежностью» (с. 177). Как, впрочем, и к другому внуку, сыну Якова и его жены, тоже еврейки.

Млечин пытается вызвать наше сочувствие к полюбившемуся ему персонажу, улизнувшему от армии: «Когда Светлана и Григорий разошлись, ему запретили видаться с сыном. Он зарабатывал на жизнь, публикуя статьи под чужими фамилиями. Когда Светлана в восьмидесятых годах вернулась в Советский Союз, Морозов помогал ей. Евгений Примаков, друживший с Морозовым, полагает, что Светлана рассчитывала на возобновление отношений». На седьмом десятке! Оригинально... Однако все эти биографические сведения еще более сомнительны, чем уже известные нам географические, и, как говорится, проверке не поддаются.

Гораздо большее тревоги за свою дочь Сталину причинил в 42-м году другой еврей, киносценарист Алексей Каплер. Этому, по выражению Э. Радзинского, тертому бабнику тоже надлежало по возрасту быть на фронте, а он завел шашни с дочерью вождя, которая была еще школьницей в белом фартучке, годилась и ему в дочери. Многоопытный потаскун так

вскружил голову комсомолке, что настал момент, когда, по ее словам, «нас потянуло друг к другу неудержимо».

Но тут некая сила потянула Каплера совсем в другую сторону — в Магадан, где он весьма плодотворно работал в театре. Ничего удивительного! Помните, читатель, за что из блистательного Рима вытянули в заштатную Молдавию поэта Овидия? А это вам не сценарист «Мосфильма». Это — «Метаморфозы», «Скорбные элегии», «Наука любви». Столп мировой культуры. А вот, поди ж ты, по словам Пушкина,

Страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей...

За что же? Да ведь за то же самое: потянуло друг к другу неудержимо его, пятидесятилетнего ветерана мировой поэзии, и Юлию, дочь императора Августа, комсомолку в белом фартучке. А уж Август-то Божественный такой демократ был... Положа руку на сердце, я как отец дочери прекрасно понимаю в этой ситуации как римского императора, так и Сталина. Может быть, второго даже больше, ибо Овидий так и умер в глухой ссылке лет шестидесяти, а Каплер вернулся из ссылки в столицу, был восстановлен во всех правах, в том числе — в Союзе кинематографистов и Союзе писателей, имел прекрасную квартиру, дачу, разъезжал по Домам творчества, стал, как Млечин, звездой телеэкрана, в очередной раз женился на известной поэтессе, которая опять же, как Светлана, была на двадцать с лишним лет моложе, и пережил Овидия лет на пятнадцать. Какие ж могут быть сравнения!

* * *

Если и дальше пойдем по биографической стежке, то увидим, как легко автор учинил еще и такую оригинальную проделку: «В начале 1944 года генерал-полковник Матвей Ильич

Казаков командовал 10-й гвардейской армией, которая входила в состав 2-го Прибалтийского (бывшего Калининского) фронта». Тут уж такая концентрация оригинальности... Во-первых, 2-й Прибалтийский фронт сформирован 20 октября 1943 года не из Калининского, а из Прибалтийского. Во-вторых, Казаков был тогда не генерал-полковником, а генерал-лейтенантом. В-третьих, звали Казакова не Матвей, а Михаил. Вот это да! Что хочет, то и вытворяет. А если с самим так? Если дать на ту же букву, но другие имена, допустим, — вместо Леонид Михайлович назвать Лазарь Моисеевич. Нравится?

Но посмотрите, что дальше: такого знаменитого человека, как Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников, наш аналитик объявил умершим в 1940 году. А кто же во время Великой Отечественной был начальником Генштаба — неужели однофамилец? А кого в марте 1945 года со всеми почестями похоронили на Красной площади — неужто двойника?.. Сюжет, достойный пера Юрия Мухина. Вы только подумайте, какое оригинальное зверство: взбрело в голову Млечину, и он на пять лет сократил жизнь прославленному военачальнику! И опять: а если самому так?

А что читаем о еще более, уж всемирно известном человеке — о В.М. Молотове! «Молотов никогда не пользовался популярностью как оратор». Убил! Да народ просто не знал его как оратора, ибо он не ораторствовал, а работал всю жизнь в поте лица своего. На поприще ораторства сильно преуспевал Троцкий, Леонид Михайлович!

Еще: «Молотова отправили послом в Монголию. Другие страны уклонились от чести принять у себя опального сталинского соратника». Это какие же страны, оригинал? Спроси у историка Кокурина. Но — молчание, тайна! Всем, видимо, предлагали, как на рынке: «Эй, господа! Не хотите ли Молотова!» А они все отказались. Как от Николая Второго отказались же его благородные королевские родственники в Англии. Но там лишь одна страна, ее конкретные августейшие шкурники, а Молотова не пожелало принять, видите ли, все человечество. Спасибо за открытие, историк Кокурин.

Еще: «Молотов прожил восемьдесят шесть лет в стране, где мужчины не доживают и до шестидесяти». Вот, мол, как ухитрился сберечь себя прохвост! Но, во-первых, Вячеслав Михайлович прожил не 86, а почти 97 лет. Что ж получается: человек окончил университет, а не умеет считать до ста? Во-вторых, Млечин или его советники да вдохновители произвели свехоригинальную рокировку эпох: Молотов умер 8 ноября 1986 года, мы с Феликсом Чуевым были на его похоронах. Т.е. жил он в советское время и умер в советской стране, где средняя продолжительность жизни была 73 года. Это теперь, при людоедском режиме политических прохвостов, который воспевают вот такие холуи экрана и вшивые профессора, мужчины не доживают до 60-ти. Так что это персонально вам, полупочтеннейший Лазарь Моисеевич, светит перспектива окочуриться в 58 лет. Сколько осталось? Кажется, не много. Спешите еще хоть разок своей оригинальностью порадовать мамочку. Между прочим, тут он мог бы с удовольствием пригвоздить к позорному столбу, допустим, и Леонида Леонова, Игоря Моисеева, Сергея Михалкова, которые последовали примеру Молотова. Но всех превзошел Лев Толстой, доживший до 82-х лет, когда средняя продолжительность жизни в стране, которую мы потеряли, была всего 32 года, о чем известный Говорухин до сих пор слезы льет.

И тут невольно приходит на ум: если Молотова все-таки согласилась принять Монголия, то кто согласился бы хоть временно, хоть за большие деньги приютить в своей стране мудреца Млечина хотя бы сторожем на телевидении? Думаю, что даже Израиль не согласился бы.

После Молотова естественно поинтересоваться, что Млечин пишет в хронологическо-биографическом смысле о Сталине. Читаем: «Есть документы, из которых следует, что он родился не в 1879 году, а в 1878». Вслед за Радзинским, поднявшим сию грандиозную тему еще в 97-м году, об этом писали не меньше полсотни олухов царя небесного. Допустим, да, в 78-м. И что?

Но не так прост Млечин и его наставники. Он дает слово своему любимому проф. Наумову: «Похоже(!), за этим стояло желание скрыть следы общения с жандармским управлением во время пребывания в тюрьме...» Похоже, полупочтеннейший, что вы из числа именно тех, кто с помощью таких вот предположений и орудовали в 37-м году. Это подтверждает и дальнейшее его рассуждение: «Особых отношений, скорее всего, не было, но(!) какие-то колебания(!) могли быть. И Сталин не хотел, чтобы кто-то об этом узнал». О колебаниях. Да, да этот профессор именно из той породы и тех времен, когда на допросах спрашивали: «Были колебания в проведении генеральной линии?» Профессор уверен: колебания могли быть! А я думаю, что у профессора никогда не было колебаний: соврать или нет? Он еще в 88-м году вылез в «Московской правде» с давно разоблаченной фальшивкой об агентурной работе Сталина на царскую охранку. Потом газета вынуждена была извиниться за публикацию этой давно протухшей клеветы. В разоблачении грязных измышлений Наумова тогда, в 88-м, на страницах «Нашего современника» принял участие и я. В 95-м этот профессор фигурировал в моей книге «Победители и лжецы»...

Что дальше? От Сталина, конечно, к Ленину. Что о нем в смысле хронологии? Тут вершина, дальше которой уже некуда: «Однажды 21 января на дружеской вечеринке по случаю очередного дня рождения Ленина...» Вы только посмотрите, как прет из него оригинальность! Чудотворец! День смерти превратил в день рождения...

Достойным завершением хронологического сюжета может быть заявление Млечина о том, что одно прискорбное событие произошло у нас в стране «29 февраля 1939 года»... Но ведь не было такого дня в том году. Тут уж и не знаешь, что это. То ли подвиг покруче подвига Иисуса Навина, остановившего солнце и продлившего на несколько часов день, то ли подражание гоголевскому психу Поприщину, который записывал в дневнике: «Сегодня, 43-го мартабря...»

Издательство строго предупреждает всех: «Воспроизведение любой (!) части книги воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые (!) попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке». О-го-го... Судя по всему, такое суровое и, кажется, небывалое в нашей издательской практике предупреждение продиктовано твердой уверенностью в том, что как только замечательная книга выйдет, так на нее и набросятся орды книжных пиратов, так и растащат по углам все ее сокровища. Но что-то не слышно...

А между тем, в вопросе воспроизведения чужого текста у автора и у самого рыльце в пушку. У него то и дело встречается пересказ «своими словами» того, что мы уже давным-давно встречали то в фантастических сочинениях Эдварда Радзинского, то в заливчатских воспоминаниях Давида Ортенберга, то еще где.

Да что там пересказ! Вот, например, читаем у Млечина об обсуждении в Ставке весной 1944 года одного оперативного вопроса: «Жуков развернул карту и начал докладывать».

Сталин нервничал: то к карте подойдет, то отойдет, то опять подойдет, пристально всматриваясь своим колючим взглядом то в Жукова, то в карту, то в Рокоссовского. Даже трубку отложил в сторону, что бывало всегда, когда он начал терять хладнокровие и терял контроль над собой». Довольно живописно. Однако это не что иное, как незакавыченная цитата из воспоминаний Жукова (первое издание, с. 558). Все творчество Млечина состояло здесь в том, что вместо «пристально поглядывая» он написал «пристально всматриваясь» да еще присобачил «колючий взгляд», а в самом конце у Жукова написано «когда был чем-либо неудовлетворен», а Млечин эту простую неудовлетворенность превратил в постыдную утрату контроля над собой. Смысл сих маленьких, но дурно пахнущих отсебятинок и переделок ясен: сочинителю уж очень хотелось создать отталкивающий образ Сталина.

В таком форсированном духе идет творческая работа и дальше: «Жуков и Рокоссовский упорно стояли на своем, поэтому Сталин неожиданно прервал Жукова:

— Идите и еще раз подумайте, а мы здесь посоветуемся.

Через пятнадцать минут к ним в комнату вошли Берия, Молотов и Маленков.

— Ну, что надумали? — поинтересовался Маленков.

— Мы ничего нового не придумали. Будем отстаивать свое мнение, — ответил Жуков.

— Правильно, — неожиданно сказал Маленков. — Мы вас поддержим.

Это означало, что Сталин передумал», — подводит итог сочинитель.

Это пересказ, но переиначен так, чтобы убедить читателя: вот, мол, какие попки были Молотов, Маленков и Берия, только и могли, что поддакивать. А на самом деле в этом эпизоде в воспоминаниях Жукова двое последних и не упоминаются, их нет. И вовсе не заходят они в комнату к маршалам, а сами маршалы возвратились в кабинет Верховного, и он сказал им: «Мы тут посоветовались (с начальником Генштаба А.И. Антоновым и В.М. Молотовым) и решили согласиться (с вами) на переход к обороне» (с. 559).

Наша маленькая прогулка в творческую лабораторию писателя Млечина очень полезна, ибо примеров столь оригинального обращения с чужими текстами, как уже было отмечено, у него можно привести немало. В сущности говоря, его книги это жвачка давно пережеванного другими или даже им самим. В этом и состоит неоднократно упоминавшаяся выше оригинальность книги «Смерть Сталина», как и других. Так что еще неизвестно, кто будет преследоваться в судебном порядке.

ГВАДЕЛУПСКАЯ НАЦИЯ

По первой программе телевидения крутили-крутили-крутили фильм Дмитрия Барщевского «Московская сага». Серий двадцать с чем-то. А какой шабаш рекламы, какой натиск пропаганды предшествовал и сопутствовал этому гомерическому шедевру! Ничего подобного наше кино и наше телевидение не знали отродясь. Многотиражные газеты и журналы отводили целые полосы с прельстительными портретами всех основных участников шедевра. Так и пялили они на тебя глазки, так и взывали: «Не пропусти! Не забудь! Отринь все дела, садись в 9.20 к телевизору. Не можешь вечером, смотри повтор завтра утром. Не проспи!» А перед иными сериями в передаче «Доброе утро!» давали душевно-рекламные беседы с актерами и другими творцами синтетической жемчужины. В передаче же «Пять вечеров» для любителей клубнички показали выброшенные из окончательного варианта «эротические сцены», как пишет в «Известиях» деликатная Ирина Петровская. Но эротика это пушкинская «Гавриилиада», лермонтовский «Сашка», симоновские стихи «о нежной и прохладной коже и о лице с горящим ртом», а здесь — вонючий блуд, блуд vulgaris, и ничего больше. Но отношение такое, словно это пушкинские черновики.

А еще и какие блямбы бьют с титров по мозгам зрителя перед началом каждой серии! «Правительство Российской Федерации»!.. «Правительство Москвы»!.. «Федеральное агентство по культуре и кинематографии»!.. «Комитет по коммуникациям и СМИ»!.. Как понимать такое небывалое новшество? Что эти блямбы означают — высочайший патронаж? государственное финансирование? идейное вдохновение или прямой заказ Кремля? гарантия качества? наконец, право собствен-

ности, что ли? Загадка!.. Или это просто четыре ряда заграждений из колючей проволоки для защиты от критики? Ведь не всякий решится пойти на прорыв таких заграждений, ибо неизвестно, что тебя ждет, если ты обидишь сии структуры. Вдруг из Москвы выселят?

Глядя на всю эту безоглядно агрессивную и в то же время трусливо оборонительную рекламу, помянутая И. Петровская в понятной тревоге: «Уж не туфту ли нам опять «впаривают»?»

И то сказать, можно ли вообразить, чтобы, допустим, на великом фильме «Броненосец Потемкин» стояло клеймо «Политбюро ЦК ВКП(б)»? А на несравненном «Чапаеве» — «Совет народных комиссаров СССР»? На незабываемых «Журавлях» — «Совет Министров СССР»? На «Кубанских казаках» — хотя бы «Комитет Госкино»? А ведь тут все эти аналоги сразу и вместе!

Что ж это вы, маэстро Барщевский, такой бурный демократ, столь пламенный энтузиаст свободы творчества, что ж вы, сударь, к властям-то так назойливо лепитесь, к начальству столь нежно льнете, как какой-нибудь Суровцев, Оскоцкий или Евтушенко, трижды орденосеи, лауреат, член Академии изящных искусств в Малаге и почетный гражданин Оклахомы: «Лучшие из поколения, возьмите меня с собой!»?

Вот же в вашем фильме персонажи читают наизусть Лермонтова, а он к властям не лепился. Куда там! «Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!..» У вас прославляется Пастернак, а он хоть и писал восторженные стихи о Сталине, но это же искренно, и тоже не льнул. Поминается Мандельштам, но и он пусть тоже нахваливал Сталина, но позволял себе и нечто весьма крамольное. Как же так? С кем вы, мистер мастер искусства — с Лермонтовым или с Оскоцким? За что вы — за пушкинский «неподкупный голос, эхо русского народа» или за колючую, но демократическую проволоку?

И это еще не вся агитация и пропаганда, ласкательство да заграждения. Важную роль тут сыграло еще и обсуждение фильма на той же первой программе под управлением антисоветчика Бориса Бермана, который в ходе обсуждения радостно воскликнул: «Советская власть не вернется! Ура!».

Кстати сказать, на повторный вопрос Тараса Бульбы «Много ли там наших?» бессмертный Янкель опять мог бы ответить: «Наших? Много! Даже во втором и третьем ряду: продюсер Марк Рудинштейн, банкир Игорь Коган, Сергей Устинов, сын Левы Устинова... Куда ни плюнь — все наши!»

И как они ликуют по поводу своего участия даже в мимолетных эпизодических ролях! Банкир Коган восхищен: «Съемки «Саги» были большой тусовкой, приятной компанией, где все друг друга знают». Рудинштейн, тоже на любительском уровне сыгравший эпизодическую роль, в восторге: «Атмосфера была замечательной!» То есть, надо полагать, замечательно нашей была атмосфера, не так ли? Устинов, опять из самодельного кордебалета, более конкретен: «Я ведь очень хорошо знаком с семьей и Аксеновых, которые тоже здесь снимались, и с семьями Барцевских и Виолиных, которые делали этот фильм». Да, делали усилиями всех живущих ныне поколений клана, включая внуков. Правда, тут вдруг обнаружилось нечто весьма советское: семейный подряд, который горячо приветствовался во времена товарища Брежнева. Вот вам и «не вернется», Берман, вот вам и «уря!». Или это «подряд наших»?

* * *

Но не будем продолжать эту тему, лучше присмотримся к обсуждению. Оно состоялось задолго, серий за шесть-семь до окончания показа. Что за фокусы? Где это видано? Вот вас, Юрий Соломин, самого именитого в коллективе создателей фильма, вас, которого биографы величают «самим воплощением традиций старейшей русской сцены», неужели вас не покорила такая нерусская прыть расторопных дельцов? Вам не пришло в голову, что сказали бы об этой непристойной суете сыгранные вами герои — Телегин из «Хождения по мукам», Арсеньев из «Дерсу Узала», даже Иван Александрович Хлестаков?

Ильдар Жандарев, которому изредка дозволялось проявить себя на подхвате у Бермана, воскликнул: «Мы услышим

здесь правду о «Сэге» простых людей, особенно — простых женщин!» Сейчас вы увидите, что это за «простые люди», среди которых находились и режиссер, и сценарист, и артисты.

Очень характерным было выступление заслуженного мастера спорта, широко известного, даже по мнению Бермана, легендарного баскетбольного тренера, орденоносца Александра Яковлевича Гомельского, человека, как сам напомнил и как это все видели, «не молодого», но очень простого. Он возникал три раза. Сначала морщился: «Фильм сделан недостаточно эмоционально. Актеры играют нормально, но вяло, ничего яркого, запоминающего» (Так!). Представляете, ничего запоминающего!

Тут взяла слово широко известная, но опять же очень простая женщина Александра Маринина. Ну, думаю, уж она-то сейчас скажет! Ведь подполковник милиции да еще и кандидат юридических наук, образованнейший человек. Аспазия! Софья Ковалевская! Скловская-Кюри! К тому же, автор чуть ли не тридцати романов, многократно изданных тиражом за 30 миллионов экземпляров, лауреат премии МВД. Одни лишь названия иных ее романов бросают в дрожь: «Чужая маска», «Черный список», «Убийцы поневоле», «Шестерки умирают первыми», «Седьмая жертва», «Я умер вчера», «Не мешайте палачу», «Смерть и немного любви», «Посмертный образ», «Светлый лик смерти», «Смерть ради смерти», тут же и «Реквием»... И за это, повторю, премия МВД, а не Ваганьковского кладбища.

Человеку, написавшему столько таких книг, чего бояться, чего играть в жмурки? Да, уж она сейчас врежет...

И вот мадам разверзла уста: «Фильм замечательный. Я смотрю его с удовольствием». И все? Нет, нет! «Но он кажется мне холодным, ему не хватает чувства. Когда я читала роман Аксенова (по мотивам которого поставлен фильм), многие сцены романа вызывали у меня истерику до валокардина. И когда фильм приближался к этим сценам, я хватала заранее припасенный пузырек и думала: вот-вот сейчас мне будет плохо и я приму капли. Но на экране почему-то не было той страсти, того напряжения. И мне, увы, не делалось дурно...»

Как видим, легендарный автор «Светлого лика смерти» поддержала легендарного мастера спорта. Но их поползновение тут же энергично пресекла другая простая женщина — Дарья Донцова, автор таких знаменитых романов, как «Дама с коготками», «Бассейн с крокодилами», «Покер с акулой», «Гадюка в сиропе», «Обед у людоеда», «Канкан на поминках», «Контрольный поцелуй», «Маникюр для покойника» и так далее. (Да почему ж до сих пор не лауреат премии МВД?)

Простая Донцова очень просто сказала простой Мариной — хотите верьте, хотите нет — буквально следующее: «Мариночка Анатольевна, котик вы мой пушистый, неужели вы оставались спокойны? А я плакала, рыдала, у меня в каждой серии — истерика... Эта книга, этот фильм про меня, про мою семью...»

Про какую семью? Я знал ее отца Аркадия Васильева. Писатель небольшой, но занимал большой и ответственный пост: долго был парторгом МК в Московской писательской организации. Вроде бы вполне благополучный человек. Любимая жена, перспективная дочка. Видимо, имел доступ к архивам КГБ и по их секретным тогда материалам написал книгу «В час дня, ваше превосходительство!» — о генерале Власове. К тому же в лагере не сидел, в ссылке не был, не знал разносков критики, имел прекрасную квартиру на улице Черняховского... Что еще надо для счастья! А дочка? Получила высшее образование, создала семью, бойко вступила на папину стезю, издается-переиздается, живет, кажется, в той же прекрасной квартире, не сидела, не высылалась... Что еще надо в наше время? А на героев фильма-то авторы вон что навалили. Что ж тут общего?

К сожалению, Маринина назвала только одну сцену, где у нее «сердце не зашло, не екнуло», а ей хотелось, чтобы екало, как селезенка у коня, — расстрел евреев где-то около оккупированного Чернигова. Но в этой сцене много странного. Дело происходит в июле 1943 года, а Черниговщина была захвачена еще в начале сентября 1941-го. Выходит, немцы учинили расправу лишь спустя почти два года оккупации. Почему? Обычно они делали это сразу, ведь иначе многие могли

бы убежать, скрыться. Романист дал месту расправы название Гарни Яр. Это, естественно, приводит на память киевский Бабий Яр. Так вот, Киев немцы захватили 19 сентября, и уже в том же сентября, т.е. через несколько дней, начали расстреливать в Бабьем Яру евреев, коммунистов, советских работников всех национальностей и других жителей Киева. А тут, говорю, два года ждали! Странно.

Один персонаж романа говорит другому: «Ты разве про Гарни Яр не слышал? Там немцы жидов уничтожают... Две недели уже операция идет». Первыми об этом должны бы узнать, конечно, евреи и что-то предпринять. Уж за две-то недели! А их в описываемый день согнали, ведут под конвоем за город к месту убийства, а они так ни о чем и не подозревают, среди них «некоторые даже смеются. Одна женщина подкрашивает губы» (кн. 2, с. 247). И тут Маринина принимала валокордин.

Во-вторых, в фильме сам расстрел изображен несуразно. Как это могли шеренга за шеренгой валиться в овраг, непонятно. Очень странно и то, что русская писательница ни слова не сказала вот о чем: большую, если не основную роль в расстреле евреев и в романе и в фильме выполняют «русские добровольцы из команды «Заря». Среди «русских интеллигентов еврейского разлива» (Г. Резник) Аксенов тут не одинок. Вслед за ним, например, критик Бенедикт Сарнов, у которого в оккупации расстреляли родственников, из книги в книгу твердит ныне: «Считалось, что немцы. Но на самом деле, скорей всего(!), те самые мужички — «богоносные, Достоевские», т.е. русские. И ведь никаких доказательств, одно желание плюнуть! А вы говорите — валокордин, мадам.

* * *

Что еще могло огорчить Маринину в фильме? Вполне возможно, думается, например, вот что. Осень 1941 года. Молодая красавица Нина провожает на фронт мужа Савву. А как обычно-то русские женщины провожали на войну мужей, от-

цов, братьев? Дарили на прощанье ладанку или платок, кисет или фотографию. Помните, как провожала княжна Марья князя Андрея?

«Она робко, умоляющим взглядом смотрела на брата.

— Ты что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его еще отец нашего отца, наш дедушка носил на всех войнах...

— Ежели он не в два пуда... — сказал князь Андрей, но в ту же минуту раскаялся.

— Против твоей воли он спасет и помилует тебя, — сказала княжна Марья дрожащим от волнения голосом, держа перед братом овальный образок Спасителя с черным ликом в серебряной ризе на серебряной цепочке мелкой работы».

В «Тихом Доне» большевик Бунчук, восемь лет не бывший дома, на один день приехал с фронта к матери. И вот день пролетел. Прощание с матерью. «Она торопясь сняла с себя нательный маленький крест и, целуя сына, крестя его, надела на шею. Заправляла гайтан за воротник, а пальцы прыгали, кололи холодком.

— Носи, Илюша. Это — святого Николая Мирликийского. Защити и спаси, святой угодник — милостивец, укрой и оборони».

А в пору войны, выпавшей на нашу долю, мы пели:

В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя.
Так значит, мы всегда вдвоем
Моя любимая...

И была еще скорбная песня о том, что

Мне привез из-под Воронежа сосед
Шелком шитый, кровью крашенный кисет...

А вот что нам изобразили в «Сage». Супруги прощаются почему-то не дома, не у военкомата, не на вокзале, как мы

все прощались, а на скамейке у Патриаршего пруда, да еще и встретиться после войны планируют опять же здесь, на данной скамеечке. Знаю я сию скамеечку, знаю, некогда сиживал на ней: жил рядом — в угловом доме на Ермолаевском, в ста метрах от пруда. А за скамеечкой-то — павильон, где зимой выдавались коньки. Брал я их, на скамейке надевал и под лихую песенку («Догони, догони!...») радостно скользил (не один, конечно!) по льду Патриаршего. Возможно, авторы «Саги» не знают, что когда-то по этому льду скользили Константин Левин и прелестная Кити Щербацкая. Им просто нужна была уединенная скамеечка для интимного разговора их героев. Нина тоже дарит на прощанье уходящему на войну мужу некий «образок» в виде весьма неординарной загадки: «Как ты думаешь, милый, я тебе изменяла или не изменяла?» Ничего себе подарочек! Савва, а он ее обожает, естественно, ошалел. Она же, аттестуемая как «тонкая кость», «аристократка», будучи уверена, что ее святая правда поможет мужу во всех тяготах и опасностях войны, сообщает: «Да, милый, случилось, и не раз. Но больше — ни-ни. Завязала. Иди сражайся и будь непобедимым». И он ушел с этим двухпудовым «образком» в душе на войну и не вернулся, что совсем не удивительно.

Что же такое мы увидели? Это не просто душевная тупость, а тупость с претензией на лирику (скамейка у пруда) и на психологизм (человек сложен и, увы, грешен!). Справедливости ради должен заметить, что в романе сей ошеломительной аристократической сцены у пруда нет. Это персональный вклад в золотой фонд русского кино сценариста и режиссера.

Интересно, а что думает наш инженер человеческих душ и о такой еще сцене. У одного из главных героев романа, у липового маршала Никиты Градова, была на фронте молодая возлюбленная Тася, «всю войну прошли вместе», говорит она. В сущности, была настоящей женой. А опостылевшая жена по паспорту оставалась в Москве. Что ж, дело житейское, бывало такое. В конце войны маршал погибает так же нелепо, как стал маршалом и дважды Героем, а Тася остается беремен-

ной и уезжает домой. Родив сына и потом выйдя замуж, она через несколько лет едет с мальчиком в Москву и является к сыну маршала Борису с просьбой устроить мальчика, то есть его единокровного брата, в пансионат, ибо она с мужем за-вербовалась куда-то на Север за длинным рублем. Нет, отвечает благородный Борис, никаких пансионатов, мой брат будет расти у бабушки в роскошном доме в Серебряном Бору. Прекрасно!

А что дальше? Любезный хозяин устраивает застолье, угощение. И вдруг мысль: «Ей сейчас, должно быть, немного за тридцать, моложе Веры». Вера — его нынешняя пламенно любимая, ей тридцать пять. Тоже хороший возраст, но в тридцать лучше качество.

И тут «сладкая тяга прошла по всему его телу». А вскоре «жар опять прошел по его телу». Опускаю подробности... Дальше: «Она быстро сняла халатик. «Расстегните мне, пожалуйста, лифчик, Борис Никитич». Возможно, еще вчера так она просила и законного мужа. И вот «прошло довольно продолжительное время, пока после очереди всех (!) излюбленных Борисом классических поз они наконец отпали друг от друга» (кн. 3. с. 327). Мальчик все это время смотрел по телевизору балет. Потом Борис скажет: «Надеюсь, мы с вами еще увидимся, и не раз. Теперь я очень хорошо понимаю своего отца».

Думаю, что при виде в книге такого тесного духовного единения отцов и детей за валокордин хватались не только подполковники милиции, и не одна дама с коготками билась в истерике.

А что нам показали в фильме? Ни малейшего намека на классические позы. Наоборот! Выпили они, поели и направились не в постель, а на могилу маршала, дабы возложить цветы. Судя по всему роману, можно было ожидать, что здесь, у могилы, все-таки начнется демонстрация поз, но ничего подобного: так что, вместо кровосмесительного блуда отменное благочестие. Как же тут не разочароваться? Как не воскликнуть, отложив валокордин: «Фильм эмоционально холодный!»

Но самое интересное в выступлении Марининой был спор с Гомельским. Как только тот посмел сказать «артисты играют вяло», Берман тут же перебил старика, и его принялись учить уму-разуму и Ю. Соломин, и другие. После такой обработки мужественный ветеран спорта сказал уже нечто совсем иное: «Женские роли очень удались. Классные актрисы! Все играли блестяще. Перед ними надо снимать шляпу». Вот так «вяло», вот так «ничего яркого»!..

Но заслуженный пенсионер все-таки частично продолжал артачиться: «Роль Сталина не удалась. Его обеляют, делают более добрым...» Каково было слышать это создателям фильма, ненавидящим Сталина «до стога и до бормотанья», как сказал поэт!

«А я видел Сталина очень близко, — продолжал баскетболист, — сидел напротив него в трех метрах на Спартакиаде народов СССР». Что ж, крупно повезло человеку. Я знаю людей, которые за эти три метра отдали бы три года жизни. Но что Гомельский увидел? О, много! «Видел его кошачьи дикие глаза...» Позвольте, сударь, почему дикие? Кошка существо домашнее, ласковое. У моего Пуськи, например, очень добрые и красивые зеленые глаза. А вот что писал о Сталине и, в частности, о его глазах А.А. Громыко: «Прежде всего обращало на себя внимание, что он человек мысли. Глядя на Сталина, я всегда отмечал про себя, что у него говорит даже лицо. Особенно выразительны были глаза» (Памятное. Кн. 1. М., 1988. С. 199). Кто так мог бы сказать о Гомельском, о его мыслях и глазах?

А он продолжал: «Я видел его рябое страшное лицо». Но вот что читаем у того же А.А. Громыко: «Мне случилось после смерти Сталина не раз читать и слышать, что, дескать, у него виднелись следы оспы. Я этого не помню, хотя много раз с близкого расстояния смотрел на него. Что ж, коли следы имелись, то, вероятно, настолько незначительные, что я их не замечал» (там же).

Ну, а если и были даже самые ужасные следы, что за грех? Ведь это следы болезни, и только. Против нее в царское время, когда родился и почти до сорока лет жил Сталин, боролся мало, плохо, вот он в детстве и переболел ею. Так прилично ли баскетболисту-гуманисту говорить с отвращением о печальных следах болезни? Тем более, что самому-то крупно повезло: родился в прекрасное советское время, когда прививку от оспы делали всем, притом бесплатно, вот советская власть и защитила Сашеньку из Гомеля от заразной болезни. А главное, да мало ли было в истории самых замечательных людей с теми или иными физическими недостатками. Гомер был слеп, Бетховен оглох, Кутузов — одноглаз, Наполеон был небольшого роста и имел пузцо, адмирал Нельсон — без одной ноги, Байрон — хром, наш знаменитый адмирал Исаков — тоже без ноги и т.д. Ну, позлорадствуйте над ними, Гомельский. Однако не забудьте, сам-то каков? Вот уже лет сорок лысый, будто колено, нос — что твой паяльник... «Разве мама любила такого?..»

А он опять: «Я видел, как все люди, которые окружали его, боялись его взгляда, а в фильме Сталин добренький». После этих слов были даны кадры комически нелепого приема в Кремле, будто бы состоявшегося в конце 1942 года, где Сталин зимой фигурирует в несуразном белом кителе. Видно, Гомельскому хочется, чтобы при появлении Сталина все участники приема разбежались по углам, — так все его боялись. Вот была бы историческая правда!

Но один ваш любимец, лютей ненавистник вождя, писал: «Я довольно часто имел возможность общаться со Сталиным, слушать его и даже получать непосредственные указания по разным вопросам. Я был буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, вниманием, осведомленностью и заботой. Я был всецело поглощен обаянием Сталина и восхищался им». Это кто ж так? Да ведь принопамятный Кукурузник.

Кому же верить — баскетболисту, однажды лицезревшему Сталина, или сталинским соратникам Громыко и Хрущеву?

Ведь первый писал это уже после смерти Сталина и во время лихой борьбы против «культа личности». А второй хотя позже и скурвился, но именно в эту пору и написал приведенные строки?

* * *

Вдруг подал голос абориген телевидения Генрих Резник, адвокат с прокурорскими замашками и, как уже отмечалось, по собственной аттестации, «русский интеллигент еврейского разлива» опять же. Он решительно, как всегда, заявил: «Историческая правда в фильме не искажена. А Сталин подходит под великолепную формулу Карякина (широко известный мыслитель солженицынского разлива. — В.Б.): «Сталин и Берия являются выдающимися государственными деятелями, но они были палачами». И уже свое резюме: «А у палачей не может быть заслуг перед историей. Палачи это палачи».

Адвокат — это вроде бы дитя логики. А что мы видим? Начал с претензией на логику, но тут же сбился на эмоции: если палачи и только, то какие же они государственные деятели да еще выдающиеся? Прокурорствующий адвокат хотел побить Сталина, а бьет любимого Карякина и себя заодно.

Тут третий раз вступает неугомонный аксакал Гомельский и опять дудит в ту же дуду: «Я видел Сталина своими глазами. Я прожил большую жизнь в баскетболе, мне очень много лет...» Господи, да все это знают, кроме Юрия Соломина, который назвал его Голеньским. А когда Берман поправил артиста, тот сказал: «Ну хорошо, Коломенский».

Баскетболист ужасно обиделся, но продолжал: «Вот момент, когда Сталин дает генералу Градову три раза исправиться: иди подумай, иди подумай, иди... Потом Сталин говорит: «Генерал правильно сказал». Показывают соответствующие кадры фильма. Гомельский делает заключение: «Такого не бывало у Сталина. Если Сталин сказал «нет», значит — нет». И никаких, мол, гвоздей.

Именно о таких случаях говорят: не знает броду, а лезет в воду. Заслуженному баскетболисту удивительным образом неведомо, что в фильме тут использован широко известный факт из военной биографии маршала Рокоссовского, тогда генерала армии, во время обсуждения плана операции «Багратион» — наступления в Белоруссии. Сам он вспоминал: «Окончательно план наступления отрабатывался в Ставке 22 и 23 мая (1944 года). Наши соображения о наступлении войск левого крыла (1-го Белорусского) фронта на люблинском направлении были одобрены, а вот решение о двух ударах на правом крыле подверглись критике. Верховный Главнокомандующий и его заместители настаивали на том, чтобы нанести один главный удар — с плацдарма на Днестре (район Рогачева), находившегося в руках 3-й армии. Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки. После каждого такого «продумывания» приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, как мы его представили» (Солдатский долг. Воениздат, 1968. С. 260). То есть Сталин отказался от своей точки зрения, перечеркнул свое «нет» и принял точку зрения противоположную.

Может быть, с моей стороны, учитывая возраст Гомельского, это жестоко — приводить такое свидетельство его лопухости, но что делать, сам же он, баскетболист, лезет на рожон.

Можно заметить, что маршал Жуков отрицал то, о чем поведал Рокоссовский. В воспоминаниях, вышедших на другой год после Рокоссовского, он писал: «Существующая в некоторых военных кругах версия о «двух главных ударах» на белорусском направлении силами 1-го Белорусского фронта, на которых якобы настаивал К.К. Рокоссовский перед Верховным, лишена основания. Оба эти удара, проектируемые фронтом, были предварительно утверждены И.В. Сталиным еще 20 мая по проекту Генштаба, то есть до приезда командующего 1-м Белорусским фронтом в Ставку» (Воспоминания и размышления. М., АПН. 1969. С. 529).

Я лично думаю, что в этом расхождении прав Рокоссовский. Во-первых, невозможно представить, что он, человек редкой честности и скромности, выдумал такой колоритный и лестный для себя эпизод. Тем паче, что ведь когда вышли его воспоминания, были еще живы почти все члены Ставки и, как говорится, не дали бы соврать. Во-вторых, столь редкий эпизод, связанный с самим Сталиным, невозможно забыть тому, кто и был причиной этого эпизода. А Жукову, наоборот, не трудно было забыть: ведь это случилось не с ним.

Вероятно, дело тут вот в чем. Я допускаю, что план операции действительно уже 20 мая был утвержден Сталиным. Но ведь речь шла о самой крупной наступательной операции Второй мировой войны и, естественно, Верховный должен был проявить сугубую предусмотрительность и осторожность. Поэтому, уже утвердив план, он не сообщил это Рокоссовскому, а захотел еще раз проверить верность плана столь необычным способом. Жуков мог не знать о замысле Сталина или, как уже сказано, забыть. Впрочем, это к фильму не относится.

Но прямо относится к Гомельскому то, что Жуков его помнил и именно для него писал: «Стиль работы Ставки был, как правило, деловой, без нервозности, свое мнение могли высказать все. И.В. Сталин ко всем обращался одинаково строго и довольно официально. Он умел слушать, когда ему докладывали со знанием дела. (Гомельского, как, впрочем, и Аксенова, и Барщевского, едва ли стал бы слушать, но о двух последних — дальше. — В.Б.). Я убедился за долгие годы войны, что И.В.Сталин вовсе не был таким человеком, перед которым нельзя было ставить острые вопросы и с которым нельзя было спорить, даже твердо отстаивать свою точку зрения. Если кто-нибудь утверждает обратное, прямо скажу: их утверждения неправильны» (там же, с. 280—281). Как деликатно: неправильны. А ведь вполне имел право сказать: «Это брехня, господин Гомельский!»

И еще: «После смерти И.В. Сталина появилась версия, что он единолично принимал военно-политические решения.

С этим согласиться нельзя. Я уже говорил, что, если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений» (там же, с. 468). Таких случаев маршал приводит немало. Если интересно, то поищите их, Гомельский, сами. Но я знаю, что не будете искать, ибо вам, как и В. Аксенову, и создателям фильма, история войны всегда была и осталась совершенно неинтересна.

И вот опять кому же верить: Рокоссовскому с Жуковым или Гомельскому? Выбирайте, читатель.

* * *

Тут-то на бедного старца и обрушилась создательница «Смерти ради смерти». Но как! «В образе Сталина был найден точный сценарный и режиссерский ход. Точный!»

Здесь ведущий Берман воскликнул: «Марина Анатольевна пришла сюда с совершенно другим мнением!» И вот, мол, под напором неопровержимых доводов Донцовой, Соломина, Резника и моих...

«Нет! Нет! — воскликнула автор романа «Не мешайте палачу». — У меня свое мнение. В фильме есть перлы, жемчужины. Я согласна с Гомельским, что если Сталин сказал «нет», то это всегда нет...»

Тут я вспомнил анекдот, недавно рассказанный в компании Василием Ливановым.

Поскребышев входит в кабинет Сталина и говорит: «Иосиф Виссарионович, звонит Черчилль». Сталин берет трубку: «Здравствуйте... Нет... Нет... Нет... Да... Нет... Нет... Нет... До свидания». И кладет трубку. Поскребышев не удержался: «Иосиф Виссарионович, на что вы сказали Черчиллю «да»?» — «Он спросил, хорошо ли я его слышу».

А Маринина объясняет нам, что такое жемчужина: «Крупный план. Сапоги Сталина, идущего по ковровой дорожке. И охватывает ужас. И ты понимаешь, что с этим человеком не-

возможно иметь дело, с ним невозможно договориться, это не человек...»

Правильно, и Пастернак сказал:

Не человек — явление,
Поступок ростом с шар земной...

Но почему же невозможно договориться и иметь дело? Помянутый Черчилль, а также Рузвельт и многие другие совсем не мелкие люди умели договориться со Сталиным и вели с ним дела, да еще какие! От которых зависела судьба всего человечества. А вы, котик пушистый, не можете себе этого представить. Это характеризует скорее вас, киса, а не Сталина. Например, в конце декабря 1944 года немцы нанесли страшной силы удар по американцам и англичанам в Арденнах, и те, бросая оружие, кинулись бежать, бежали почти сто верст. Черчилль взывает к Сталину: «Ваше высокопревосходительство, помогите!» И что же? Договорились! На восемь дней раньше запланированного срока. (А вы представляете, чего это стоило? Едва ли.) Сталин дал приказ начать гигантскую Висло-Одерскую операцию трех фронтов и тут же Восточно-Прусскую, в которой довелось бочком участвовать и мне. А до этого в Ялте Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились, что СССР вступит в войну против Японии через три месяца после победы над Германией. И что, обманул Сталин союзников? Ничего подобного. Мы своевременно денонсировали договор с Японией о ненападении и ровно через три месяца, день в день, 9 августа объявили войну Японии.

А взять совсем другую сторону. В Москву приезжали, встречались со Сталиным, беседовали Герберт Уэллс, Андре Жид, Ромэн Роллан, Фейхтвангер, Бернард Шоу. Уж не говорю о советских ученых, писателях, артистах от Максима Горького до Симонова. И со всеми он договаривался. Вы что ж, ничего не знаете об этом? Тогда, котик, надо поменьше пописывать, а кое-что и почитать. А между прочим могли бы вы

побеседовать уж не с Ролланом, допустим, о его «Очарованной душе», а с Демьяном Бедным, скажем, о песне на его слова «Как родная меня мать провожала...»?

* * *

Что касается действительно «простых», главным образом даже безымянных участников обсуждения, то никто из них не рыдал, не бился в припадке падучей, не хватался за лекарство. Наоборот, многие из них спокойно говорили о сериале: «Ошибка»... «не получилось, дети не смотрят, не понимают происходящего на экране, хотя я своих сажал»... «и молодые не воспринимают»... Могу добавить: в последних сериях и я, старый человек, ничего не понял. Потом прочитал в рецензии даже щирой демократки Аллы Боссарт: «Сага», сочиненная семьей Барщевских, меня деморализовала... Безбрежный конфуз... Здесь все было липой, клюквой и туфтой... невыносимо скучно... бразильское мыло... история для быдла...».

Но на экране тут опять вступали непростые «простые»: «Сериал состоялся» (А. Гомельский)... «Фильм хороший, смотрю с удовольствием» (А. Маринина)... «Создателей сериала можно поздравить» (Э. Жандарев)... «Величайшие профессионалы. Хочется впитать всю их энергетику» (певица Лолита Милевская)... «Счастье быть современником великой актрисы Чуриковой... Никитина блистательна, новая звезда» (Г. Резник)... «мечта сбылась!» (Б. Берман)... «Это большой пример для молодых... большое спасибо!.. огромное спасибо! (Д. Донцова) и т.д.

Несколько озадачили режиссер Д. Барщевский и исполнитель главной роли Ю. Соломин. Первый сказал: «Аксенову фильм нравится... Роман вышел в эти дни гигантскими тиражами. Главный голос принадлежит читателю, он покупает роман десятками тысяч экземпляров...» Во-первых, позвольте, о чем речь-то — о фильме или о романе? Во-вторых, ну какие там гигантские тиражи? Открываю книжечку: «Доп. тираж 12 тыс.». Очевидно, к первоначальному тысяч в 10.

Еще более озадачил Соломин тем, что высокомерно изрек о претензиях Гомельского: «Это говорит непрофессионал». А зачем же тогда пригласили его? Или в Малом театре пришли к выводу, что искусство создается только для профессионалов? Таков теперь Дом Островского?..

За три-четыре серии до конца состоялось еще одно обсуждение — на страницах еженедельника «АИФ». Упомяну об этом только потому, что тираж «АИФ» 8,5 млн. экземпляров. Тут от Инны Чуриковой мы узнали, что весь фильм целиком она не видела, но зато знает, что собака, фигурирующая в нем, принадлежит Соломину. Артист Дмитрий Харатьян поведал, что «натуру для исправительного лагеря сделали под Нахабином». Александр Резалин (Нугзар) сообщил, что в Гнездиновском переулке выстроили тифлисскую квартиру, «где я Нину Градову-Будину... к стенке прижимал». Это самое важное из того, что сказали артисты.

А из зрителей вот в чем признался писатель Сергей Есин: «Посмотрел только две серии. Дальше не стал. Все слишком предсказуемо, ожидаемо». Позволь, Сергей, не поверить. Разве можно было ожидать в фильме, за который ручается аж Лужков, хотя бы упоминавшуюся сцену у Патриарших? А разве можно было предсказать, что в фильме будет показано, как Сталин в октябре 41-го года пойдет в Мавзолей. Вы то, автор книги о Ленине, знаете, что саркофаг с его телом еще в июле был отправлен на Урал. И как можно было заранее знать, что генералу Градову, единственному из всех командармов, за разгром немцев под Москвой сценарист присвоит звание Героя Советского Союза, когда даже Жукова, командующего Западным фронтом (фронтом!), самым важным в той операции, наградили всего лишь орденом Красного Знамени. Нет, нет, вы не правы: в фильме что ни кадр, то и загадка, что ни серия, то и опупение.

Публикация заканчивается многозначительными словами Татьяны Горбуновой, заместителя директора Музея истории Москвы: «Поверьте, бывает и хуже». Верим и даже знаем: на-

пример, «Штрафбат» Достая по сценарию Володарского или «Дети Арбата» Эшпая.

Приходилось слышать и более резкие отзывы о фильме, в частности, среди тех, кто называет его «Московская ссака», «Московская кака» и т.п. Грубо, конечно, неприлично, хотя все-таки это и не матерщина. Но вы, леди и джентльмены, все равно возмущены, вы гневно протестуете. Я вместе с вами. Но, с другой стороны, весь роман В. Аксенова, «по мотивам» коего сделан фильм, от начала до конца напичкан уж такой изощренной матерщиной, такими похабными эпизодами, таким патологическим блудом, что рядом с этим одноразовая «кака» или «ссака» выглядят детской шуткой, однако же вы, леди и джентльмены, не протестовали против этого. Мало того, роман так понравился вам, так пленил ваши тонкие интеллигентные души, что вы потратили не один год жизни на его экранизацию и безмерное тиражирование с помощью телевидения. Так что уж чья бы интеллигентная корова мычала...

* * *

Телесериал «Московская сага», как уже было сказано, поставлен по одноименной трилогии Василия Аксенова, написанной главным образом в Гваделупе и США, для читателей которых первоначально и предназначался. Наш молодой читатель едва ли знает этого автора, хотя когда-то он был известен и отчасти даже знаменит как в Западном полушарии, так и в Восточном, как в Северном, так, пожалуй, и в Южном, — может быть, вплоть до Антарктиды с ее пингвинами.

В. Аксенов, говоря его собственным языком, — «плод любовных утех» в голодном 1932 году Павла Васильевича Аксенова, члена ЦИК, председателя горсовета Казани, и Евгении Семеновны Гинзбург (1904—1977), завкафедрой марксизма-ленинизма в одном из казанских вузов, впоследствии писательницы, неоднократно поминаемой в обеих «Сагах». Так что, перед нами писатель не простой, а потомственный, даже как

бы и столбовой. И, видимо, именно этим объясняются многочисленные литературные излишества и проказы автора.

Так, он пытается ухватить за бороду аж Льва Толстого: «Глядя на движущийся паровоз, слыша свист и видя движение колес, Толстой отрицает за собой право заключить, «что свист и движение колес суть причины движения паровоза». Насчет колес позвольте усомниться — именно ведь они, катясь вперед или назад, вызывают движение всей нагроможденной на них штуки», — заключает автор.

Кто же прав — Лев Толстой или лауреат премии журнала «Юность»? Увы, последний не может сообразить, что ведь колеса вертятся не сами по себе, не святым духом, — их через поршни крутит паровой двигатель, именно он вызывает движение. И если с горки или под влиянием силы инерции паровоз может некоторое время ехать с отключенным двигателем, то уж по прямой, или на горку, или назад — никак! И так во всем у Аксенова: замах рублевый, а удар — х.....

В конце телесериала появляется молодой парень Вася, наделенный не только именем, но и другими биографическими чертами автора. Например, он тоже из Казани, а его родители «жертвы ежовщины». Он говорит незнакомой девушке: «Я — пария в этом обществе», т.е. человек отверженный, угнетенный, лишенный всяких прав.

К слову сказать, париев в романе и фильме навалом. Именно как пария изображен Борис Градов, живущий один в пятикомнатной квартире на улице Горького против Центрального телеграфа. Он сын погибшего на войне маршала Советского Союза, дважды Героя, сам фронтовик и «почти Герой» (неизвестно за что представили к Герою, но вместо Звезды как пария, что ли, получил орден Красного Знамени). После войны он хотел поступить в институт Международных отношений или в авиационный, а ему «дали понять, что шансов нет никаких». Почему? А потому, что его мамаша после смерти мужа вышла замуж за американца и живет в США. Значит, бесправный пария. Это напоминает недавний рассказ киносценариста Э. Володарского о том, что знаменитого Владимира Высоцкого

не принимали ни в один дачный кооператив по той причине, что его знаменитая жена Марина Влади — иностранка. Как теперь проверить, что и он был пария? Господи, да пришел бы в наш писательский кооператив «Красновидово». Если мы приняли в него Барщевских, то неужто отказали бы Высоцкому. У нас тут чуть ни каждый третий с родственниками за границей. Даже у меня есть родной брат в Эфиопии.

Но кто же сыну маршала и Героя заранее сказал, что у него, фронтовика-орденоносца, никаких шансов? Я лично поступал в шесть московских вузов (кто не верит, кому показать чудом сохранившиеся студбилеты и зачетные книжки), и никто со мной предварительно не беседовал. Борис намекает: «Ну, вы понимаете, о ком я говорю». Допустим, понимаю, но уж если так, то непонятно другое: почему до сих пор не отобрали у парии пятикомнатную маршальскую квартиру на одного в самом центре столицы? Неизвестно. А с другой стороны, как могли принять в МГИМО антисоветского долдона Козырева, который и родился-то в Брюсселе, и жил там...

Но интересней всего третий пария сериала — Митя, приемный сын Градовых. Он не только «всегда чувствовал себя чужаком в советском обществе», но и с пионерского возраста жил злобной страстью: «Вот подрастем — и мы им покажем, гадам, коммунистам и чекистам. Ух как я их ненавижу!»

Его настоящий отец — зверюга-кулак. При угрозе раскулачивания он сжег свою избу вместе со всей семьей, спастись удалось только вот этому Мите. Перед войной он окончил школу и собирался поступать в медицинский институт, «естественно, по протекции деда», замечает писатель. Меня тут больше всего заинтересовало это аксеновское «естественно». Я, повторюсь, поступал в шесть вузов и, естественно, безо всяких протекций. А тут протекция считается делом само собой разумеющимся. Но это к слову.

Так вот, пария Аксенов беспрепятственно окончил медицинский институт и не в Казане, не в Рязани, не в Магадане, а в Ленинграде, получил работу, но вскоре потянуло на мамину стезю. Перебрался в Москву. Написал одну повесть, дру-

гую, третью... Все это, начиная с повести «Коллеги» в 1960 году, лихо печаталось в популярнейшем тогда журнале «Юность» и выходило отдельными изданиями. Все это одни критики и органы печати бурно нахваливали, другие, естественно, — наоборот.

В 60—70-е годы, как, впрочем, и раньше, интерес во всем мире к советской литературе был огромный. Книги Аксенова, как и других советских авторов, хорошо издавались и за границей. Причем, не только в Болгарии, Румынии, Польше, ГДР, Венгрии, Югославии, Чехословакии. По одной-две книжечки были изданы и подальше — во Франции, Англии, Испании, Швеции, Греции, даже в Израиле и Японии. Всего за десять лет, с 1965-го по 1975-й, по данным издательства «Книга» (М., 1976), на иностранных языках труды В. Аксенова издавались 41 раз. Нехило! Почти как Леонида Жуховицкого, которого издавали даже на малайском. Надо ли говорить об изданиях на родине? Уж никак она не отстала от малайцев. К тому же, на родине сочинения Аксенова не только отменно издавались, но кое-что еще и становилось спектаклями, фильмами.

Своеобразным дополнением к такой жизни этого парии были многочисленные заграничные поездки по линии Союза писателей: во Францию, Японию, даже в Латинскую Америку и т.д. Все это не помешало гневной декламации Аксенова на замшелую тему «железного занавеса», изобретенного-де «вождем бриттов» (Сага, кн. 3, с. 78). Тут уже начинается вранье, заквашенное на невежестве: это выражение почти за тридцать лет до бритта Уинстона встречаем у Василия Розанова:

«С лязгом, скрипом, визгом опускается на Русской Историей железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора надевать шубы и ехать домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Приведя сей сюжет в своей замечательной книге «Из итогов XX века», вышедшей в ленинградском издательстве «Вла-

димир Даль», Петр Палиевский пишет: «Всматриваясь сейчас в этот образ, можно понять, что в нем нет ничего неверного ни с какой точки зрения. И революция представлена в ее истинном размахе, и действительный конец русской истории как отдельной, собственно русской, и поведение людей, которых Розанов именует публикой... Просто человек оказался достойным собеседником тех, кто «призвал его на пир».

Потом этот образ 25 февраля 1945 года в газете «Дас Райх» использовал Геббельс: если, мол, немцы прекратят сопротивление Красной Армии, то «над Европой опустится железный занавес». Естественно, побывав в волосатых ручках Геббельса, которого всеблагие в собеседники, разумеется, не звали, этот б/у образ потерял свежесть и сильно деформировался. А Черчилль-то, как эстафетную палочку, взял его именно из этих волосатых ручек: «Над Восточной Европой опустился железный занавес...» Сталин сразу разглядел эстафету и через несколько дней после речи вождя бриттов в Фултон не сказал: «Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей». В первую очередь, конечно, дружка Геббельса. Сочинений Аксенова товарищ Сталин, к сожалению, не читал. А если бы почитал, то, пожалуй, сказал бы: «Никакого занавеса не было, а был фильтр, который пропускал в нашу страну Фолкнера, Рокуэлла Кента, Поля Робсона, но задерживал бациллы и спирохеты вроде «Московской саги»».

* * *

В декабре 1962 года, только что вернувшись из Японии, молодой пария Аксенов был приглашен в Кремль на встречу руководителей партии и правительства с художественной интеллигенцией. Там он произнес бессмертную речь, опубликованную в свое время в журнале «Известия ЦК КПСС». В частности, с восторгом говорил о том, что «в Японии вызывает изумление и восхищение уровень духовной жизни нашего народа. Многие из нашего рассказа просто поражало японцев...

Это для них совершенно необычно, невероятно». И дальше: «Я разговаривал в Японии с одним буржуазным интеллигентом. Он спросил меня, как вы считаете, вот нам здесь кажется, что те перемены, которые происходят в вашей стране (хрущевская «оттепель», поношение Сталина и т.п. — В.Б.), в какой-то степени сближают вас с нами? Вы как бы идете к нам — к капиталистическому искусству? Я ему ответил: все обстоит как раз наоборот! Это как раз победа нашей идеологии!» Какой? Разумеется, советской, коммунистической. Казалось, сейчас Аксенов начнет читать «Стихи о советском паспорте»:

Читайте! Завидуйте!

Я — гражданин Советского Союза!

Но он, не прибегая к стихам, пошел, однако, еще дальше — уверенно предрек: «Все свидетельствует о том, что они (японцы и весь Запад. — В.Б.) стихийно, подспудно, но все-таки идут к социализму». Вот ведь как! Ну что за прозорливец этот пария!

Тут же он счел патриотическим долгом внести ясность в вопрос, о котором тогда было много разговоров — об отношении между поколениями: «Наше единство в нашей марксистской философии, в нашем историческом оптимизме... Некоторые критики говорят, что советская молодежь, молодые советские литераторы не помнят своего родства, что мы отвергаем то, что было завоевано нашими отцами, не уважаем своих отцов, что вообще советская молодежь, дескать, противопоставляет себя отцам. Особенно любит такие выводы на Западе буржуазная реакционная пресса. Мне хочется по этому поводу сказать, что все это неверно, все это глубоко неправильно. Мы уважаем своих отцов и любим своих отцов». Какая мужественная, сокрушительная отповедь реакционерам Запада.

Право, окажись на той встрече Маяковский или Николай Островский, они едва ли могли бы сказать лучше. Но, разумеется, они уж наверняка не позволили бы себе в конце речи та-

кого угодничества, как Аксенов: «Я благодарен партии и лично Никите Сергеевичу за то, что я могу с ним разговаривать, могу с ним советоваться». Видимо, только регламент помешал добавить: «Могу смотреть на него, могу дышать с ним одним воздухом, могу здесь, в Кремле, воспользоваться тем же сортиром, что и дорогой Никита Сергеевич».

Впрочем, что ж, Аксенов был не одинок. Вот что писал Хрущеву дня через три после встречи бурный гений Эрнст Неизвестный: «Дорогой Никита Сергеевич! Я благодарен Вам за отеческую критику. Она помогла мне... Никита Сергеевич, я преклоняюсь перед Вашей человечностью, и мне много хочется писать Вам самых теплых и нежных слов (так в тексте. — В.Б.). Никита Сергеевич, клянусь Вам и в Вашем лице партии, что буду трудиться не покладая рук». И трудится! И не покладает.

Да что Аксенов, что Неизвестный! Сам твердокаменный титан Солженицын после встречи на Ленинских горах 8 марта 1963 года, почтительно не решаясь обеспокоить самого Хрущева, писал как высшему арбитру — В.С. Лебедеву, его чиновному помощнику. Речь шла о пьесе «Олень и шалаши», которую решительно отвергал Твардовский: «Я хочу еще раз проверить себя: прав ли я или Александр Трифонович. Если Вы скажете то же, что он, то я немедленно забираю пьесу из театра «Современник»... Мне будет больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев». Ему будет больно... Вот так и в 45-м году говорил он следователю: «Мне будет больно, товарищ Езепов, если я вас огорчу». И закладывал друзей, даже родную жену, будто бы антисоветчиков.

* * *

Но вот что рассказывает об Аксенове его великий друг Евгений Евтушенко на страницах «Литгазеты» в ароматной статье «Фехтование с навозной кучей». Оказывается, после уча-

ствия во встрече с Хрущевым 8 марта 1963 года, на которую попал на сей раз сразу после возвращения из Латинской Америки, он в кругу друзей в каком-то темном подъезде гвоздил высокопоставленных собеседников: «Банда! Эта банда способна на все!» и т.д. Вот так марксистское единство...

А позже в Коктебеле, оказавшись в общественной столовой, изрядно тяпнув и, как видно, не успев закусить, вскочил на стол и с этой горней высоты обрушил свой гнев на простых работяг, стоявших с подносиками в очереди: «Вы знаете, кто вы такие? Вы жалкие рабы!.. Вы рабы!.. рабы!.. рабы!» Вот вам и дружба поколений... Так он выражал протест против ввода наших войск в Чехословакию. Но при чем здесь посетители дешевых забегаловок? Если ты против, то у тебя, писатель и собеседник властителей, больше ответственности и больше возможности для протеста, чем у рядового работяги.

Евтушенко назвал этот приступ антинародного недержания «речью, достойной Перикла». Но, во-первых, Перикл, когда пил, то хорошо закусывал. Во-вторых, никогда не произносил речей в нетрезвом виде. В-третьих, он уважал своих соотечественников, в том числе, демос. А наш оратор в том, что на высоких трибунах лебезил и угодничал перед властью и тут же тайно проклинал и поносил ее, он своей вины и стыда, конечно, не видит: «Этот социализм нас всех сделал ханжами». Кто же еще!

Словом, несмотря на любовь к Хрущеву, бесчисленные издания-переиздания и бесконечные заграничные вояжи за счет Союза писателей, Аксенов внутренне давно был готов к добровольной депортации за океан. Видно, гены работали. В биографическом словаре говорится: «В 1979 году Аксенов заявил о выходе из Союза писателей». Что-то не могу я вспомнить о таком лихом заявлении. Где заявил? Кому? И потом: заявление — это одно, а выход — совсем другое. Вот Инна Лиснянская действительно заявила, что выйдет, если будут приняты меры против участников альманаха «Метрополь», и вышла, когда меры были приняты. Позже мне довелось написать

письмо секретарю Союза писателей Ю. Верченко с просьбой восстановить Лисянскую.

Аксенов же, обрета благодаря альманаху, который он и организовал, ореол бунтаря-страдальца, в 1980 году проворно слинял в Америку. Этой автодепортации удивился один только Хрущев, правда, уже на том свете.

А в США этого бунтаря давно поджидали другие бунтари: Солженицын и Известный, вскоре к ним присоединился и Евтушенко. Какой роскошный букет русской культуры образовался за Атлантикой! Вот бы еще Керенского туда. Но, увы, к тому времени он уже по душам беседовал с Хрущевым.

* * *

После истории с убого франдерским «Метрополем» и автодепортации Аксенова в США я редко о нем слышал и не читал его. Но так как вокруг этого имени всегда было много суеты, звона и шухера, я, не дав себе труда разобраться по существу, почему-то считал беглеца писателем квалифицированным, осведомленным, даже не без зачатков скромности. Но стал читать «Сагу» и глазам своим не верил. Здесь такое буйство мозговых извилин, такие ужимки, кульбиты и антраша совести, такие закидоны по части антисоветчины и секса... Это, право же, настоящая энциклопедия своего рода.

И охват фактов, событий, лиц — широчайший: от мировой политики до интимных подробностей быта. Например, уверяет, что при создании ООН Сталин требовал, чтобы ее членами были все советские союзные республики — от России до Эстонии. Лютая чушь!

А в 1946 году, говорит, Тито «предложил Сталину полный вход Югославии в СССР на правах союзной республики и вход всей клики в состав Политбюро». А Сталин будто бы ужасно перепугался. Разумеется, это всего лишь прихотливая игра извилин, и она сама себя разоблачает: в состав ПБ входили отнюдь не все «клики» всех союзных республик, а лишь редкие представители этих «клик». Другое вопрос, что была тогда

идея объединения Югославии и Болгарии, но именно Сталин посоветовал этого не делать.

А вот совсем из другой оперы: божится, что Берия «любил кончать» несимпатичных ему людей «лично в своем служебном кабинете, неожиданным, в ходе дружеской беседы, выстрелом в висок из браунинга... После чего вызывал своих служащих и говорил: «Неожиданный финал. Плохо с сердцем, и смените ковер!» И такие, как Барщевский и его супруга-сценарист, ведь уже довольно пожилые люди, верят, что это святая правда. Она им так нравится! Хоть подумали бы: какое там сердце, если кровь на ковре?

Из третьей оперы. Желая высмеять одного ненавистного ему человека, автор вкладывает ему в уста такой пассаж из времен дореволюционной молодости: «Хорошо помню эту аптеку. Я там покупал такие штучки по десять копеек, две штучки в пачке. Не всегда, к сожалению, был мой размер». Друг любезный, да были ли они до революции? Ведь такая резина — дело не простое. А уж если были, то наверняка стоили не дороже гроша.

И вот при всем этом человек заявляет, что чувствует себя «как бы лишь регистратором событий». Беспристрастным и точным регистратором! Что ж, посмотрим еще...

В связи с бандитским нападением Америки на Ирак ходил такой анекдот. Американка говорит мужу: «Джон, помоги разобраться. По телевидения говорят то Ирак, то Иран. Как же в конце концов правильно?» — «Драгоценная, — ответил муж, — ты еще не самая большая дура в нашей прекрасной стране: тут разница всего в одну букву, а наш президент путает не только Ирландию с Исландией, где тоже лишь одна буква не совпадает, но даже Ливан и Ливию, Австрию и Австралию, Францию и Филиппины».

Русско-гваделупско-американский писатель Аксенов нередко оказывается в одной компашке с этой американкой. Судите сами. Казалось бы, как писатель в его возрасте да еще пишущий о войне может путать Катынь и Хатынь, хотя и тут разница всего в одну букву. Представьте себе, путает! Счита-

ет, что Катынь, Катынский лес, где немцы в июле 41-го года расстреляли пленных польских офицеров, находится не под Смоленском, а в Белоруссии, где была деревня Хатынь, в которой те же немцы в марте 43-го года расстреляли и сожгли в сарае 149 крестьян, в том числе 75 детей.

Хатынь, как недостойный внимания пустячок, у Аксенова и не упоминается, хотя его персонажи, включая одного из главных — Никиту Градова, воюют в Белоруссии. А ведь таких сожженных и расстрелянных деревень и сел там оказалось 433. Всего же в республике фашисты уничтожили четверть населения. Но об этом, говорю, в трех томах — ни слова. А маловероятный по обстоятельствам романа расстрел евреев описан и несуразно показан в фильме со всей дотошностью. Вот до чего доходит гваделупское безразличие ко всем, кроме своих.

Об упомянутом Градове сказано: «В Белоруссии, в Катынском лесу, когда он увидел черепа с одинаковыми дырочками в затылках, он понял, что немцы не врут, что это все тех же «рыцарей революции» дело» (2, 381).

Во-первых, непонятно, где он мог видеть эти черепа. Ведь трупы были зарыты. Во-вторых, что за тупоумный довод — «одинаковые дырочки»? Разве такие «дырочки» не могли сделать немцы? В-третьих, если уж видел «дырочки», то мог бы знать и о том, что на месте расстрела, в могилах были обнаружены гильзы патронов производства немецкой фирмы «Геко». Наконец, если не Градов, то его создатель мог бы знать запись в дневнике, сданную Геббельсом 8 мая 1943 года: «К несчастью, в могилах под Катынью было найдено (сформированной немцами комиссией Красного Креста) немецкое обмундирование... Эти находки надо всегда хранить в строгом секрете. Если об этом узнали бы наши враги, вся афера с Катынью провалилась бы» (*Вацлав Краль*. Преступление против Европы. М., «Мысль», 1968. С. 243). И вот что еще позже говорил Геббельс, которому верят же писатель и его персонажи: «Очень важно не дать замолкнуть Катыни. Поэтому донесения, связанные с Катынью, должны подогреваться и сегодня». Аксенов

по указанию Геббельса и подогревает сегодня. Наконец, полезно было бы вспомнить слова о Катыни и «вождя бриттов», которого уж никак не заподозришь в симпатии к СССР: «Это дело было триумфом Геббельса». Ну а главное-то, ничего этого в Белоруссии Градов видеть не мог, ибо Катынь, повторяю, под Смоленском.

Кстати сказать, советская наступательная операция 1944 года в Белоруссии имела кодовое название «Багратион», а наш регистратор называет ее «Кутузов». Путает читателей: на самом-то деле «Кутузов» — это Орловская наступательная операция, составная часть Курской битвы 1943 года.

* * *

Наряду вот с такими бесчисленными «катынями-хатынями» поразил меня и язык аксеновской «Саги». Он убог, тщедушен и вульгарен. Автор пытается обогатить его и разнообразить с помощью то многим непонятной «блатной музыки», то зловонной матерщины, то впаривает изящное выражение или целую фразу на английском, а то и французском. Например, нет, чтобы просто сказать «роковая женщина», он выдает *la femme fatale*. Иной раз персонажи целый монолог выдают на английском. Поди, Барщевский при этом чувствовал себя перенесенным в июль 1805 года, в салон известной Анны Павловны Шерер, фрейлины императрицы Марии Федоровны. С беседы ее гостей на французском начинается «Война и мир» Толстого. Можно представить себе, как это заворожило сценариста и режиссера фильма.

А какие здесь вороха словесной иностранщины! Гля, мол, какие мы образованные: «Рестон извлек «монблан», чтобы записать ответ на полях «бедекера»... «он спросил с прямой квотербека»... «пандемониум произволов»... «у диктора диспептический вид»... «они отправились на суарэ»... «демонд»... и т.п. Все это не что иное, как пошлое литературное нищелблудство.

И неустанные ухищрения не помогают: если ни чувства языка, ни слуха нет, так уж нет. Порой доходит до того, что автор употребляет даже не те слова, которые требуются по смыслу, не понимает их. Например: «С торцевой стены дома, что здесь, как и в Германии, именуется брандмауэром, смотрела афиша». На самом деле и в Германии и в России брандмауэр (Brand — пожар, Mauer — стена) — глухая стена из негорючего материала между двумя домами, которая ставится в расчете помешать распространению огня в случае пожара.

Да уж ладно, коли, объездив весь мир, все-таки не понимает иные иностранные слова, но ведь и с русскими то же самое. Например: «Никита превзошел самое(!) себя». Что, русский Никита превратился во француженку Никит`у, которую нам тоже крутили по телевидению? Или: «Над фасадом клуба зиждился (!) портрет Сталина»... Это автор решил блеснуть редким словцом. «За пределами России преобладали водная и воздушная стихии». Как это понимать? Или: «Части Красной Армии были раскиданы по гигантскому пространству края от Аляски до Кореи». Это каким же образом Аляска и Корея оказались на одном материке?

А уж если прицепится романист к неизвестно чем-то полюбившемуся словцу или обороту речи, не оторвешь: «Никита ловил себя на том»... «Борис ловил себя на том»... «Нина поймала себя на том»... «Градов поймал себя» и т.д. Жаль, что автор ни разу не поймал себя за язык. Или: «мы просто русские врачи»... «он просто видел полную абсурдность»... «он просто такой же офицер»... «они просто сияли»... «ну просто мелькают»... «он же просто ребенок»... «просто противно стало» ... Не так противно, как надоедливо.

Или: «Нина была потрясена»... «потрясенная Майка»... «Борис был потрясен и ошеломлен»... Мандельштам «просто ошеломлен»... «Савва смотрел с ошеломленным видом»... «ошеломляюще чужие»... «ошеломленный Никита»... «ошеломляющее волнение»... «ошеломляющие салюты»... «ошеломляющая жизнь»... «ошеломленное собрание»... «ошеломляющие фина-

лы»... «ошеломляющий парадокс»... «ошеломляющий страх»... «ошеломляющий момент»... «ошеломленные игроки»... «ошеломленная красота»... «ошеломляющие субъекты»... «ошеломляющая нежность»... даже «еда шла по потрясенному пищеводу к ошеломленному желудку» и т.д. Правда, иногда встречается вариант: «Градовы чувствовали себя ошарашенными»... «Зал был ошарашен» и т.д. Описать волнение, удивление, смещение весьма непросто, и вместо этого писатель направо и налево ловко навешивает ярлыки: «потрясенный»... «ошеломленный»... «ошарашенный».

О полной глухоте свидетельствуют и такие оборотцы: «чужие чужаки»... «снаружи не обнаруживается»... «это было сказано тем же тоном»... Каким жетоном?.. «Борис продолжал в том же духе»... Что за жидуха?.. «ведь они же поэты»... Кто? Сам ты жопоед? И так далее.

И после этого он хнычет: «Мы понимаем, что сами себя ставим под удар критика из враждебной литературной группы». Конечно, сам ставит, никто его не заставлял. Но, во-первых, а разве мог бы не поставить? Увы... Во-вторых, неужели в вашей-то «литгруппе» такие критики, что не смеют даже объяснить писателю, на чем зиждется бранмауэр и что не хорошо в своих книгах давать пристанище жопоедам?

Портрет персонажа дать тоже дело очень непростое, Аксенов не умеет и это, он и здесь навешивает бирки. Гораздо проще! Например: Никита Градов — «идеал мужской красоты», Вуйнович внешне — вылитый Вершинин из «Трех сестер» Чехова», Нина — «цветущая красавица», Мэри — «принцесса Греза», видите ли, Вероника — тоже «принцесса Греза», но еще и «первая красавица Москвы» и т.д. Как хочешь, так их и воображай. У нас свобода и здесь!

И при таких-то натянутых отношениях с родным языком этот коллежский регистратор еще заикается о «неидеальной власти над русским языком» Сталина. Он грузин по рождению, в русской среде оказался уже не мальчиком, но ты, русак гваделупский, найди в его 17-ти томах хотя бы одного жопоеда!

Как видим уже, товарищ Аксенов предстал перед нами в своей «Саге», увы, в образе весьма скорбном. Он много видел, много слышал, но все — вполглаза, вполуха. А тут еще и природная тупость... Спокойно, товарищ Барщевский, спокойно. Никто не заставлял вас из 3-томной эпопеи выдувать 23-тонную опупею. Не по приговору Басманного суда вы сделали это со своими дражайшими родственниками, включая внуков, которым ведь еще жить и жить с клеймом приспешников режима.

Тупость и невежество понятия непростые. Как сказал поэт, все мы немножко лошади. Для каждого из нас многие области жизни — потемки. Что я знаю о ядерной физике? Только то, что существуют электроны, которые сломя голову носятся вокруг протонов, — и ничего больше. Полный невежда. Но у меня хватает ума не писать книги по ядерной физике, романы о ее тружениках. А вот что однажды воскликнул Достоевский, прибегнув к первому из упомянутых понятий: «Гоголь — гений исполинский, но ведь он и туп, как гений!» (ПСС, т. 20, с. 153). Надо полагать, Достоевский имел здесь в виду фанатичную одержимость гения своим призванием, своей «идеей», когда многое из того, что не имеет к этому отношения, игнорируется или просто не замечается. У Пастернака об этом сказано так:

На столе стакан не допит,
Век не дожит, мир забыт...

Вот и Аксенов туп в принципе на такой именно манер, а уж сколько тут гениальности, сами видите. Он одержим, прежде всего, идеями антисоветизма, коммунофобии, русоненавистничества, а также блуда без границ, и ничто другое его не интересует.

Например, отродясь не прослужив в армии ни дня, ни разу не понюхав пороху, имея весьма смутное представление об истории всей Второй мировой войны и, в частности, Великой Отечественной, он в своей «Саге» задался целью в антисоветском духе «обозреть феерию (!), известную в истории под названием Вторая мировая война» (кн. 2, с. 7). Феерия от слова «фея». Какое реченьеце сыскал кудесник русского языка! Война для него — феерия с участием безносой феи и хоровода 50 миллионов ее жертв. А послевоенная «холодная война», начатая Западом, это для него «новая человеческая забава». Все-то ему в мировой истории весело и забавно. Совершенно как Эдварду Радзинскому, собрату. А борьба за мир это не что иное, как «жульничество», в котором принимали активное участие «какие-нибудь жолио кюри», а также «продавшиеся с потрохами Фадеев, Сурков, Полевой, Симонов и, увы, Илья...». Даже не решается назвать Эренбурга: как же-с, ведь соплеменник, а проданся советской власти с потрохами.

Такова тупость по-аксеновски. Это похуже глухоты языковой. В телесериале сия гваделупщина воспроизводится бережно, старательно и благоговейно. Откуда, с чего Барцевскому быть сообразительней, образованней и деликатней Аксенова? Одна ж порода свихнувшихся на антисоветчине.

Приведу пока только еще один уж очень характерный примерчик заморской тупости, связанной с войной. Персонаж эпопеи академик Градов идет в Москве по улице Горького и видит на стене дома сатирический плакат «Окно ТАСС»: «На левой его половине грудастый наглый немец в каске грозно наступал на несчастных русских крестьян:

Днем сказал фашист крестьянам:
— Шапку с головы долой!

На правой же половине те же крестьяне саблями снимали с грудастого тела мордастую голову:

Ночью отдал партизанам
Каску вместе с головой!

И что же думает аксеновский академик? А вот: «Борис Никитич долго топтался и созерцал плакат. Неадекватность возмездия как-то неприятно его удивила. Все-таки ведь только шапку снять требовал, а поплатился головой». И воображение рисует ему ужасающую картину во всех медицинских подробностях: «Вчистую сразу, одним махом все мышцы, сосуды, связки и позвонки. Какова хирургия!» Академик возмущен, негодует, называет плакат «дурацкой пакостью», выражает уверенность, что у наших союзников англичан ничего подобного быть не может (кн. 2, с. 180—181).

Что это, как не одна из самых острых форм тупости? Слово колхозный бригадир потребовал от рядовых колхозников, чтобы они снимали шапку, а те в ответ хватъ его саблей по шее... Но ведь на плакате внятно же сказано, что пришел фашист в каске, захватчик, поработитель, и ясно же любому, что он явился на нашу родную землю к этим крестьянам через море крови, через горы трупов и вот еще требует, чтобы покоренные ему кланялись, а они уколошили оккупанта и убийцу, т.е. всего-то лишь защитили себя. Ничего этого академик не соображает, его волнует проблема адекватности. Да, это самая настоящая тупость, замешанная на ненависти к родной стране, к своему народу и на холуйстве перед Западом. Могут сказать: «Но это же персонаж, а не автор!» Да, персонаж, но — самый главный в романе и самый любимый автором. Разве мог он сознательно представить его тупицей? Нет, конечно. Автор просто произвольно наделил любимого героя своим собственным интеллектом парии и своей ненавистью.

* * *

Итак, режиссер Д. Барщевский поставил телесериал «Московская сага» «по мотивам» одноименной трилогии В.Аксенова. Каковы же основные мотивы трилогии? Их несколько.

Во-первых, мотив, тема самой Москвы. Как говорится, по определению. Второй мотив — Великая Отечественная война. Третий — Сталин. Четвертый — репрессии. Пятый — ев-

рейский мотив. Шестой — пронзительный мотив всеохватного блуда во всех его формах: в реальной, виртуальной, гомосексуальной и т.д. Да, таковы главные мотивы. Но все это еще и пронизано, как уже сказано, злобой, ненавистью, похабщиной и хамством. Тоже мотивчик.

Что ж, с Москвы и начнем. В фильме никакого образа столицы нет, а есть дом основных героев в Серебряном Бору, где обитало высокое начальство, «элита», еще две-три московские квартиры, мельком — грязные улицы, по лужам которых шагают мобилизованные солдаты.

А в романе есть попытка рассказать о городе обстоятельно. Как иные вчерашние провинциалы, а потом новоселы столицы, автор старается показать себя ее знатоком. С этой целью щеголяет старыми названиями улиц, магазинов: Никольская, Мюр и Мерилиз и т.д. И, конечно, возмущен их переименованием, издевается над новыми названиями. Так, улица Горького именуется у него то Пешков-стрит, а то и вовсе the Bitter Street. Так, дескать, я люблю старую Москву, так готов за нее в бой.

Но, увы, не обходится без промашек. Например, тот же тупоумный академик Градов, старый человек и потомственный москвич, возмущается: «С какой стати, скажите, Разгуляй становится Бауманом?» Очень благородно, если только не принимать во внимание, что никаким «Бауманом» Разгуляй не стал, а как стал еще в XVII веке Разгуляем, так до сих пор и остается им.

В описании Москвы романист действительно показал себя большим знатоком, но — только ее магазинов и ресторанов. Мы видим у него то Смоленский гастроном, то магазины «Российские вина», «Сыр», «Коктейль-холл», что были на улице Горького, то рестораны «Савой», «Арагви», «Прага», где его герои пьют коньяк «Греми» и «Цимлянское игристое», то ресторан «Москва», где во время танцев гасили свет и под потолком медленно крутился освещенный прожектором огромный зеркальный шар. Да, все верно, все точно, все так и было, как сейчас помню.

Но когда автор от питейно-пищевой и увеселительно-потребительской сферы жизни обращается к духовной, то здесь желание щегольнуть словцом или фактом то и дело оборачивается провинциальным конфузом. Например: «Сияли купола Новодевичьей лавры...» Красиво сказано, только Новодевичий (естественно, женский) монастырь никогда лаврой, т.е. большим мужским монастырем, не был и быть не мог. Лавр в России насчитывалось всего пять: Киево-Печерская, Троице-Сергиева, Александро-Невская да Почаевско-Успенская.

А все тот же тупой академик Градов вспоминает, когда и где он встретил свою будущую жену Мэри: «Ну, конечно же, 1897 год, балкон Большого Зала консерватории. Она опоздала. Уже играли (!) «Eine Kleine Nachtmusik» Моцарта, когда по проходу прошло и обернулось на двадцатидвухлетнего студента некое юное, тончайшее не русское создание... Принцесса Греза!»

Господи, какую кучу красот наворотил! Ну, придумал бы что-нибудь попроще, допустим, библиотеку, каток или даже трамвай. Нет, ему непременно требуется Моцарт, консерватория, принцесса Греза да еще и написание на языке оригинала. Как Барщевскому потребовалась для сцены проводов на фронт одинокая скамейка у Патриарших прудов... Но, увы, гваделупское пижонство и при Моцарте, и при всех других красотах остается гваделупщиной и пижонством. Тем более что никакой встречи в 1897 году в Большом Зале не могло быть, ибо он открыт лишь в 1901 году.

А если, оставаясь в пределах указанной сферы, перенестись во времена поближе? Вот в августе или сентябре 1938 года Нина Градова, поэтесса, принцесса Греза-бис, рассказывает, «как заходила в редакцию «Знамени» на Тверском, как весело обедала в Доме литераторов» и т.д. И чего она веселилась в дни, когда Ежова сменял Берия? А журнал «Знамя» находился тогда не на Тверском бульваре, а на улице Станиславского, 21. ЦДЛ же назывался не Домом литераторов, а Клубом писателей, в их разговоре — просто клубом. Я не стал бы и

упоминать о таких вещах, если бы не такие назойливые провинциальные потуги автора выдать себя за московского всезнайку. Тем более что отчетливо видно здесь лицемерие.

* * *

Лев Толстой, неоднократно запросто поминаемый в «Сage», писал в «Войне и мире»: «Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать; всякий иностранец, глядя на нее и не зная ее материнского значения, должен чувствовать женственный характер этого города, и Наполеон чувствовал его.

— Этот азиатский город с бесчисленными церквями, Москва, священная их Москва! Вот наконец этот знаменитый город! — сказал Наполеон и, слезши с лошади, велел разложить перед собой план этой Moscow.

И дальше: «Артиллерия (французов) поехала по Арбату... Спустившись до конца Воздвиженки, артиллерия остановилась... Для всех (французов), начиная от маршала и последнего солдата, это место было не Воздвиженка, Моховая, Кутафья и Троицкие ворота...» То есть совсем не то, что для любого русского человека, «а это была новая местность нового поля».

А что для нашего современника, прожившего в Москве все-таки немалую часть жизни, ставшего здесь писателем, родившего здесь детей, похоронившего здесь мать? Ему Москва отвратительна, у него с души воротит от ее жителей и улиц, зданий и учреждений, от того, что происходит здесь.

В самом деле, он то и дело презрительно и злобно роняет походя: «московское убожество»... «жизнерадостная» гостиница «Москва» и Дом Совнаркома»... «уродливая скульптура пионера»... «на углу Пушкинской площади парила триумфальная дева социализма»...

Конечно, в устах оголтелого антисоветчика ненависть к социалистическим новостройкам, к Совнаркому, к пионерам даже в виде изваяний вполне понятна. Но вот метро — уж во все внеполитическая новостройка. Вспомнил бы хоть о том,

сколько детей, женщин, стриков, в том числе его соплеменников, спаслись в метро во время немецких бомбежек. Но гваделупец и тут исходит бешеной слюной ненависти. Ему мерещится только одно: «Пропагандный смысл московского метро. Лучшее в мире! Подземные дворцы! Подвиги комсомольцев-метростроителей!» Ведь сам-то не только отбойный молоток, а, поди, ничего тяжелее столовой ложки да карандаша ни разу в жизни и в руках не держал.

Лютым зверем кидается на все, что рождено в советской Москве и во всей стране: «плюгавая школа рабочей молодежи»... «гнусные скороходовские ботинки»... «гнусное издательство «Советский писатель»... Господи, даже издательство, где выходили его собственные плюгавые книги!

Смотрите еще: «гнусные морды вождей... их отшлифованные ряшки»... Что ж, и это вполне понятно в устах осатаневшего антисоветчика. Но ведь тут же и «бульдожистый мильтон», который его охранял... «харя вахтера в институте», где, может быть, сам бесплатно учился... «толстопузый сержант», который вместо него в армии служил... Уж чем простые-то люди ему не угодили? И опять: «сержанты с мордами скопцов»... «гнусные морды красноармейцев»... «квадратная русская ряшка»... «эти морды, собственно говоря, видишь повсюду. В каком-то смысле это важнейший этнический тип»... Вот как омерзителен гваделупцу русский тип.

Вспомнились ему несколько известных жителей Москвы, например, покойная киноактриса Валентина Серова и балерина Ольга Лепешинская. Казалось бы, какое ему до них дело? Нет! Он и о них изрыгает гадость: их, мол, повезли в Кремль... А у вас, Барщевский, неужели не хватает ума понять, что сегодня такие пакостники позорят всенародно любимых артисток, а завтра «гигантским тиражом», как вам мнится, они могут то же самое написать и о вашей жене или о дочери: «Наташу и Дашу в мэрию е...ть повезли». И обоснование найдут: ведь мэр Лужков субсидировал вашу 23-серийную «бодягу для быдла», по выражению «Новой газеты».

Как всегда, ненависть ко всему советскому и русскому у Аксенова дополняется восторгами иностранщиной во всех видах. Здесь — по адресу «волшебных германских кинодив и красоток» — Марики Рокк, Сары Леандр и даже Лени Рифеншталь, которая была вовсе не красоткой, а кинопсаломщицей нацизма и любимицей Гитлера.

Пришел ему на память еще один москвич — Валерий Чкалов. Как его обгадить? Думал, думал и измыслил. Однажды, мол, «знаменитый и бесстрашный» летчик предложил подвезти на своей автомашине, не зная, кто это, одну красивую курву, которую эти артисты пытаются выдать за страдающую русскую аристократку, но, узнав, что она жена репрессированного, «позорно засуетился и пересадил ее на трамвай». Ну подумал хотя бы, да неужто тертая курва первым делом об этом и объявила незнакомому, но знаменитому человеку, сев к нему в машину?

Такие пассажи имеют, бесспорно, чисто автобиографический смысл: это не о Серовой, а о себе: ведь именно его же Хрущев в Кремле употреблял. И не о Чкалове, который, между прочим, к описываемому времени уже погиб, а опять о себе: это он же пересадил свою первую жену из машины, отправлявшейся в Америку, пересадил в московский трамвай. Но в уста помянутой курве автор вложил резюме: «Мужчины в этой стране вырождаются, некому будет воевать». Да, вся и надежда была на гваделупцев. Они и спасли страну.

Но не только советскую — так же злобно ненавидит Аксенов и старую, дореволюционную Москву. Как ему видится, например, Кутафья, любовно помянутая Толстым? «Пузатая Кутафья башня». А тут и «толстопузый сундук Исторического музея»... На себя посмотрел бы в зеркало, свое бы русофобское пузо пощупал.

Да, это уже тип этнической русофобии, что, видимо, больше всего и вдохновило Д. Барщевского на создание суперсериала. А посмотрели бы сами на свои бульдожистые рышки.

И вы думаете, на этом артисты иссякли? Что вы! Вот та самая божественной красоты курва Греза едет в Москву: «В вагоне стояла духота, разило потом и протухшей пищей, все чесались, дети зверели от безделья, отовсюду слышались то храп, то попердывание...»

А в фильме есть эпизод, где упоминавшийся Вася зашел только что встретившейся и понравившейся девушкой в кафе. Пьют вино, едят мороженое. Вдруг он начинает наизусть декламировать Пастернака, она подхватывает и продолжает. Это в фильме любимый способ показать, до чего ж эрудированы и интеллигентны, блин, их герои. Стоило, например, еще и курвешке Веронике вякнуть: «Белеет парус одинокий», как ее обожатель Вуйнович подхватил: «В тумане моря голубом»... Ах! Но о жене своей этот аристократ говорит знакомым: «Дикое животное».

Так вот, прочитали молодые люди в два голоса несколько строк Пастернака, и девушка говорит: «Вот и познакомились». Так знают, чтят поэта и романиста, и создатели фильма и его герои, не меньше, чем Моцарта. Поэт в их кругу словно пароль для опознания своих, символ веры. А ведь Пастернак, между прочим, тоже ездил на поездах и вот как описывал это:

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врожденной
И всосанному с молоком.
Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.
Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя:

Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.
В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства,
Они несли как господа.
Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, взасос.

И вот Москва, пассажиры идут в метро:

*Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.*

В чем же дело? Вагон и вагон, духота и духота, дети и дети, но у Аксенова — всеобщая почесуха, а у Пастернака — черемуха, у коллежского регистратора — попердывание, а у поэта — мед. Все дело в качестве «всосанного с молоком». Аксенов с молоком всосал русофобию и антисоветчину.

А ведь и это не все. Еще писатель и его персонажи страсть как любят попердеть в своем кругу об «извечной косности русского народа», о том, что «этой нации рабов с ее варварскими наклонностями следует поучиться у более древних цивилизаций». А полюбуйтесь, как глазами любимого героя подана военная карта родины: «Синие стрелы японских сил, словно рыбины, тыкались в вымя и под хвост огромной коровы Советского Союза». Помните некоего Гельмана, лет десять тому назад показавшего по телевидению макет коровы с надписью «Россия», которой он смотрел под хвост? Первоисточник-то — наш мастер художественного слова. Именно тогда появилось его смердящее сочиненьице. А уж потом заскулил Окуджава: «Меня удручает огромность страны...»

Можно представить себе, как он ликовал по поводу того, что от СССР оторвали 4 миллиона квадратных километров, почти целую Индию! Но все равно, Россия огромна — 17 миллионов. Наверняка и это удручало Окуджаву. И я тогда посоветовал ему: езжай в родную по отцу Грузию, или в родную по матери Армению, или в Израиль, хотя он вроде и не родной, зато подходит по размеру. Да, эти страны гораздо более компактны, всего несколько десятков тысяч квадратных километров. И поселясь, допустим, в Израиле (14,2 тыс. кв. км, меньше половины Крыма), обратиться к американцам: «Меня удручает огромность вашей страны (9, 4 млн. кв. км). Это почти Китай! Верните Мексике с кровью оторванный у нее Техас, Франции — Флориду, России — Аляску, которые когда-то удалось высмолить у слабоумных правителей этих стран ни за нюх табака. Вот тогда я вас люблю». Но нет, в Израиль поэт не уехал, США не стыдил, а любил при всей их китайской огромности.

Это их общая черта: болезненная ненависть к родине всегда дополняется таким же болезненным пресмыкательством перед Западом: «Ведь все, что приходит оттуда, с Запада, всегда кажется чем-то инопланетным». Вот вскоре после войны Борису Градову его мать, укатившая в США с новым мужем-американцем, прислала каких-то презентиков в мешке. И он в восторге даже от этого мешка: «России нужно еще сто лет, чтобы построить такой мешок с двойными стенками, с плоским дном, с синей завязкой». И это офицер Красной Армии говорит о родине, только что разгромившей фашизм и освободившей пол-Европы, о стране, которая через несколько лет первой в мире пошлет человека в космос.

* * *

В теме Великой Отечественной войны, вообще в военной теме невежественная клевета и злобность Василия Аксенова расцветают еще более роскошным цветом. Это как бы сумма, полученная от умножения Радзинского на Млечина и возве-

денная в степень Чубайса. Разумеется, она сумма достойно отражена и в сериале Д. Барщевского.

Человек не знает, например, что нумерация воинских частей имеет определенный порядок, что, допустим, придуманный им «24-й пехотный батальон» такая же чепуха, как и придуманный «духовой оркестр Резервного фронта», который к тому же еще и прибыл в Москву на похороны командующего. Да разве в столице не нашелся бы оркестр для такого случая? А батальон — полковое подразделение, но никогда нигде пехотный полк не состоял из 24 батальонов.

А начинает-то Аксенов военную тему издавека, аж еще с Суворова, которого его персонаж, награжденный орденом Суворова первой степени, называет «гнусным старикашкой». Еще бы не гнусный! Бил всех врагов России, то есть наверняка же друзей и почитателей Аксенова...

Аксенову же что армия, что фронт — едино. В этом убеждает и то, что он пишет об «особой ударной армии», которой-де в 1941 году командует его генерал Градов: «Армия, равная почти всему войску Наполеона, едва ли не триста тысяч человек». Во-первых, было у нас в Отечественную пять ударных армий и одна особая — на Дальнем Востоке, но «особой ударной» — ни единой. Во-вторых, средняя численность общевойсковой армии было тогда раза в три меньше градовской, совершенно фантастической. В-третьих, «войско Наполеона» это не почти 300 тысяч, а едва ли не 600. Могут сказать: «Ну, ошибся. С кем не бывает!» Да, со всеми бывает, но у него ошибки, как у кассирши в Смоленском гастрономе, — все в одну сторону.

Этот липовый генерал Градов, уже став клюквенным маршалом и соломенным командующим фронтом, в романе и в фильме стыдит своего сослуживца, увидев на его груди медаль «XX лет РККА»: «Послушайте, это неэтично. Вы же не были двадцать лет в составе РККА». (Господи, язык-то какой: вместо простого «не служили» — «не были в составе»). Аксенов думает, видно, что и медаль «Восьмисотлетие Москвы» давали только тем, кто 800 лет успешно пробыл «в составе москви-

чей»? А медаль, выпущенная к столетию В.И. Ленина, — тем, кто сто лет работал с Ильичем?

С цифрами, с датами, названиями у Аксенова уж особенно плохо. Как только вчера с гваделупской пальмы слез. Вот слышал где-то краем уха и уверяет, что после Гражданской войны «РККА сократилась на 560 тысяч войск». На самом деле не на, а примерно до этой цифры. А что пишет о численности заключенных, допустим, в 1950 году: в одном месте — 14 миллионов (3,254), в другом — 25 миллионов, причем только в лагерях, не считая тюрем (3,37). Что ему стоит бросить в ту или другую сторону десяток миллионов соотечественников!..

А вот только для того, чтобы сказать и больше не появляться в романе, какой-то Аркадий Геллер говорит: «На польском фронте в октябре 1920-го...» В каком октябре? Там, увы, все закончилось еще в августе.

Я тешил себя надеждой, что Аксенов, в отличие от Млечина, знает хотя бы, что такое пуля и что такое патрон. Тщетно! Вот его спятивший от злобы любимец Митя, кулацкий отпрыск, упоенно и, разумеется, в совершенно безопасной обстановке расстреливает из автомата памятник Ленину, и вдруг — «пули кончились!» (3, 494). Пули! Господи, до чего ж они однообразны, как одним пальцем деланы. Вспоминаются стихи 41-го года:

Из бронзы Ленин. Тополя в пыли.
Развалины разбитого вокзала.
Под утро немцы в городок вошли
И статую низвергли с пьедестала...

Аксеновские персонажи помогали фашистам.

* * *

Когда же Аксенов вплотную заводит речь об Отечественной, то с самого начала здесь такая концентрация вздора, такое невежество, что Млечин, поди, от зависти корчится.

Брезгливо приводит «сталинское изречение: «Наше дело правое! Враг будет разбит, победа будет за нами!» А это вовсе не Сталин, а Молотов сказал в первый день войны. Сталин же выступил по радио 3 июля, и уверенность в победе высказал несколько иначе.

Эта речь в фильме и не упоминается. С какой стати? Не Илья же выступал. А романист не мог отказать себе в удовольствии с высоты пальмы поглумиться и над речью, и над самим Сталиным. Вот что в дни обороны Москвы попердывал один его персонаж: «Сталин пропал. — После речи третьего июля, после того, хм, хм, библейского (?) обращения к народу — «братья и сестры», видите ли, с того дня о нем ничего не слышно, никто не видел его во внешнем мире (!). Это ужасно».

Надо бы знать полудурку, что Сталин и вообще-то редко появлялся «во внешнем мире», а он, болван, к тому же еще и путает суровое время войны с нынешней порой круглосуточной бреховины, когда всякие президенты и главнокомандующие с утра до поздней ночи маячат на телеэкранах.

И опять автор дает слово этому пердуну: «Где же Сталин? По некоторым сведениям, его давно уже нет в Москве. Если это так, значит, они совсем потеряли надежду отбить (?) столицу. Неужели 1812 год повторится?»

Да, в самом главном Двенадцатый год повторился: разгромили армию врага, остатки вышвырнули и гнали до его столицы, а там он сдался на милость победителя. Правда, повторился с маленькой неточностью: Наполеон-то был в Москве, а Гитлер получил от ворот поворот. Так что, нам «отбивать» столицу не пришлось.

Замечу, что приведенное попердование аксеновский персонаж произвел в романе 1 ноября 1941 года. Пройдет всего пять, потом шесть дней, и весь мир услышит и увидит Сталина во время бессмертного парада на Красной площади. Этого парада ни в каком виде нет ни у Аксенова, ни у Барщевского, ни в столь же убогих «Детях Арбата» Эшпая, ибо даже простое упоминание о нем разносит в прах всю малограмотную стряпню ненавистников России.

А что пишет о численности Красной Армии во время Отечественной! В одном месте — 7 миллионов (2,114), в другом — 10 миллионов (3,37), в третьем — 20 миллионов (2, 378). В два-три раза больше!

Очень характерно и это: «Первые бомбы упали на Москву 5 августа». Кажется, это единственный случай, когда автор врет бескорыстно: на самом деле первые бомбы «упали» на Москву в ночь с 22 на 23 июля 1941 года.

Но почему бы здесь — ведь такой подходящий момент! — не вспомнить и о том, когда советские первые бомбы обрушились на Берлин? А было это в ночь с 7 на 8 августа того же года, потом — 10 и 16 августа, всего до 4 сентября — десять налетов на Берлин, Штеттин и Нейбрандербург.

Но это абсолютно не интересует наших летописцев. Аксенову вот что надо изобразить: «Английское министерство авиации оповестило о последовательных атаках на цели в Гамбурге и Штеттине. Горят доки и индустриальные объекты». И еще: «Германские бомбардировщики продолжали атаковать военные сооружения в Москве». Ну, исключительно военные! Большой театр, театр Вахтангова, универмаг на Пресне... Точно, как американцы в Югославии, в Афганистане, в Ираке..

* * *

Но время идет, и немцы наступают, прут на Москву. В романе об этом так: «Группа армий «Центр» фельдмаршала Бока сконцентрировалась для окончательного штурма Москвы. В ее составе почти два миллиона войск, две тысячи танков, огромное количество артиллерии. В воздухе полное превосходство люфтваффе». Представьте себе, почти все близко к правде.

Дальше: «Танки красных (разве мы воевали с белыми? — В.Б.) не выдерживают ни малейшего соприкосновения с немецкими бронированными кулаками. Немцы жгут их сотнями». Это какие же танки? Например, говорит, «мамонтоподобные 120-тонные танки «Слава Сталину!» со скоростью 6 километров в час». Конечно, такие легко жечь сотнями. А кто

их видел? Млечин? Радзинский? Мама родная? Разгадку мамонта находим в другом месте: «В балке стояла дюжина чудовищ, гордость РККА, 60-тонные ИСы («Иосиф Сталин»), медлительные динозавры, излюбленная мишень немцев. «Мессершмитты» их даже за добычу не считали». Лихо! Значит, не мамонт «Слава Сталину!», а динозавр «Иосиф Сталин». Что ж, у англичан был танк «Черчилль». И не 120 тонн весил ИС, а 60, да? Выходит, сперва-то в два раза соврал? Нет, больше, ибо на самом деле ИС это и не 60 тонн, а 46. И скорость не 6, а 37 км/час. Тут соврал шестикратно. А сам-то можешь за час одолеть хотя бы 7 километров? Разве что за гонораром. Но, как ни странно, и словцо правды вырвалось: самый мощный танк Второй мировой войны ИС действительно был гордостью РККА и воевал до самого Берлина.

Но слушайте оракула дальше: «Группе армий «Центр» противостоят разрозненные и деморализованные паническим отступлением армии русских»... Словом, полный развал. Нет спасения! Гибель!

И тут Аксенов и Барщевский изображают нам заседание Политбюро, будто бы состоявшееся на станции «Маяковская» 11—12 октября. Вранье начинаются с первых строк: «В отдалении различался белый бюст. Думал ли «красивый, двадцатидвухлетний» с моноклем в глазу, что обернется божком в подземном капище». Речь о Маяковском и его бюсте на этой станции. Но поэт никогда не ходил с моноклем, у него было хорошее зрение. Это в компании русских футуристов Давид Давидович Бурлюк так выдрючивался, тоже, между прочим, позже обитатель США.

Такая же туфта и дальше: «В вагонах сидели члены Политбюро Молотов, Каганович, Ворошилов, Берия, Хрущев».

Во-первых, Берия тогда не был членом ПБ. Во-вторых, как Хрущев-то здесь оказался? Он же член Военного совета Юго-Западного фронта, а там в эти дни своих дел хватало. Не писал же Толстой, что на совете в Филях присутствовал председатель Военного департамента Государственного совета генерал Аракчеев.

Затем перечисляются военные: Тимошенко, Жуков, Еременко, Конев, Лелюшенко, Говоров, Акимов. Но Тимошенко опять же не мог быть, т.к. в качестве командующего находился там, где и Хрущев. А как могли оказаться тут остальные командующие фронтами и армиями? Ведь идут напряженнейшие бои, и они должны быть там, на месте, в войсках.

Да и вообще никаких заседаний в метро Политбюро не проводило, но уж Бог с ними, с А. и Б., оказавшимися в трубе. Гораздо хуже другое. Они твердят о Совете обороны, заседание которого готовит-де отсутствующий в метро Сталин. Какой еще Совет обороны в то время? Как видно, эти баталисты и не слышали, что вся власть в стране была сосредоточена в руках ГКО, а военные вопросы решало не Политбюро, а Ставка во главе со Сталиным, разумеется, в согласовании с Наркоматом обороны и Генштабом.

Все присутствующие описаны и изображены в фильме с ненавистью кастратов к сексапилам. У одного — «глиняные уста», у другого — «каменное лицо», у третьего — «лицо из булыжников», четвертый — «кривоногий», пятый — «с мощным задом», шестой — «ломовик», седьмой — «как жабу проглотил», восьмой — просто «малоприятный русский мужик»... Уж национальность-то эти богоизбранные гваделупцы никогда не забудут подчеркнуть. А попробуйте сказать «малоприятный гваделупец А. с мощным задом и слабой головой». Или «кривоногий гваделупец Б., словно проглотивший осьминога», — о, какой визг поднимут гваделупцы на телевидении и в газетах!

Но и без этого им все нейдет, у них есть и уточнение к уже сказанному о своих спасителях: «типы гоголевских комедий... генералитет на уровне фельдфебелей». И не соображают, что ведь плоско, лживо и не задевает никого, ибо ясно же, что сами-то не что иное, как типы Ильфа и Петрова: один — Васисуалий Лоханкин, другой — Киса Воробьянинов.

Глумление над нашими генералами, над нашей армией, конечно же, сопровождается восхищением немецкими: «многомиллионные войска обладали подвижностью балерины»...

«Люди войны — Эрвин Роммель, крупнейший виртуоз среди полевых командиров; Федор фон Бок, достигший западного берега Волги...» По невежеству и злобе идет на прямую фальсификацию, на приписку — и не подавится. Какой Бок? Когда он видел Волгу? Еще 15 июля 42-го года, когда немцам до Волги было далеко, Гитлер отстранил его от командования, и он вскоре достиг восточного берега Шпрее. А что касается балетных данных вермахта, то надо было бы подчеркнуть, что они особенно ярко проявились на пути от Сталинграда до Берлина.

* * *

После этого совещания в метро аксеновско-барщевский Сталин вспомнил о замечательном комкоре Градове, который с 1939 года отбывал срок в лагере. Сталин приказал немедленно освободить легендарного комкора, вернуть ему звание и награды, выполнить любые его требования и назначить командующим Особой ударной армии под Москвой. Сам Аксенов посадил его, как и жену-курву, года на два с половиной, но сам же то и дело врет о них: «Четыре года лесоповала!»

Узнав, что началась война, Градов остался совершенно равнодушным к ней. Он считает, что воевать за родину, это прежде всего защищать ненавистный ему советский строй. Он восклицает: «Драться против гитлеровской расовой гегемонии за гегемонию сталинского класса!»

Но все-таки, прихватив по пути милашку Тасю, Градов является на фронт, выслушивает чей-то доклад, потом куда-то смотрит в бинокль, зачем-то летит в неизвестном направлении на самолете, отвечает на бесконечные «Здравия желаю!» снующих мимо солдат и офицеров. И что в итоге? Орды немцев бегут и гибнут по натиском Особой ударной легендарного Градова. Никаких других наших армий в фильме нет, а ведь на самом деле их было десятка полтора. И единственный из командующих Градов получает Звезду Героя, а позже за столь же загадочные заслуги — вторую. Теперь он командует уже

фронтом. Это «миллион вооруженных мужиков». Фронт называется «легендарным Резервным». Да, был Резервный фронт. Он несколько раз создавался на короткий срок и расформировывался или получал другое наименование. Им поочередно командовали Жуков, Буденный, Рейтер, М. Попов, опять Рейтер, Конев, Малиновский. Никаких легенд за ним не числилось. В романе Резервный фронт проходит всю войну. Что ж, писатель волен сочинять легенды. Но все же...

Вот какие мысли посещают иногда командующего фронтом Градова: «Мое левое крыло выходит к Ржеву, в то время как мое правое крыло охватывает Вязьму» (2, 21). Из этих слов читатель с ужасом видит, что Градов не понимает, где какой фланг (крыло) у него находится. Ржев-то, между нами говоря, на сто с лишним километров севернее Вязьмы, а советские войска были обращены лицом на запад. Какой же к черту этот Градов командующий, какой в жопу дважды Герой! Это Вася Аксенов, дважды штафирка, командующий кланом Барцевских.

Это у немецкого командующего левое крыло могло быть у Ржева, а правое — у Вязьмы. И тут нельзя не вспомнить, что Л. Млечин пишет о лете 41-го года: «Линия фронта все удалялась и удалялась». От чего удалялась? Да, конечно же, от германской границы, от Берлина, от новой имперской канцелярии. Так Млечин выдал, что смотрит на Великую Отечественную войну именно из Берлина. То же самое выдал и Аксенов в рассуждении о правом и левом флангах. Значит, оба они и патрон не отличают от пули, и смотрят на войну глазами немецких оккупантов. Какое трогательное совпадение!

Но вот что, говорит повелитель Барцевских, произошло потом, во время Белорусской операции 1944 года: «Резервный фронт вошел в стык между Вторым и Третьим Белорусскими фронтами, разметал части генерал-фельдмаршала Буша и генерал-полковника Рейнхардта и открыл территорию для почти беспрепятственного наступления».

Да, конечно, целый фронт, как легендарный «24-й батальон», вошел в стык двух других наших фронтов — это легенда

высшего пошиба, ибо при этом он ведь должен был в первую очередь разметать войска не Буша и Рейнхардта, а генерала армии И.Д. Черняховского (3-й Белорусский) и генерала армии Г.Ф.Захарова (2-й Белорусский), — как же иначе врезаться между ними? И потом, а что делали в этой операции еще и 1-й Прибалтийский И.Х. Баграмяна да 1-й Белорусский К.К. Рокоссовского? Судя по всему, только любовались легендарным подвигом легендарного Резервного фронта.

А итог таков: «Градов был награжден неслыханным до сей поры образом: скакнул сразу через генерала армии к высшему званию — маршала Советского Союза». Еще бы! И действительно, до Градова и после никто так не скакал: и Жуков, и Василевский, и Рокоссовский, — все прошли ступеньку за ступенькой. Даже Брежнев. Нет и не было равных Градову! Правда, вот за Золотыми Звездами он, увы, не угнался за Брежневым.

* * *

Нельзя умолчать еще об одной сцене духе Ильфа и Петрова — о приеме в Большом Кремлевском дворце «в конце зимы 1942 года», т.е. в декабре того года.

Первое, что тут бросается в глаза, это «возвышавшаяся над всеми серьезная голова генерала Власова». Да, была такая серьезная голова, но еще с лета этого 42-го года она пребывала у немцев и работала на них.

И в то же время: «Заметно было отсутствие Молотова. Он пребывал в этот момент (!) в Лондоне, куда прилетел инкогнито под именем «мистер Смит из-за границы». Там он подписал с Иденом и Черчиллем (?) договор о двадцатилетнем сотрудничестве СССР с Англией». И подписался «мистер Смит из-за границы»?

Дальше новый пример всегдашней гваделупости: «А ведь сколько словесной энергии потрачено было со времен «ультиматума Керзона» на проклятья английскому империализму! Не смеется ли провидение над большевиками, а вместе

с ними и над лордами Альбиона?» Провидение смеется над олухами. Вспомнил бы еще Крымскую войну или уж поближе — участие Англии в интервенции Антанты против молодой Советской России. Ну, вот как с такими людьми о чем-то спорить, рассуждать? Тем более что ведь названный договор был заключен еще 26 мая 42-го года, и следовательно, в «этот момент», в декабре, Молотов вполне мог быть на приеме.

Но вот новая беда: ведь никакого приема-то в те дни не было и не могло быть! Какой там, к чертям, прием! Что такое декабрь 1942 года? Это решающие бои Сталинградской битвы, уничтожение окруженной армии Паулюса, на выручку которой рвался Манштейн. И Ставка, Генштаб по горло были заняты этим. Многие генералы, в том числе и Рокоссовский, подло преподнесенный здесь, был, разумеется, там — во главе Донского фронта. А ведь уверяет, что на приеме присутствовали «командиры с разных фронтов».

То были картинки в основном из 41-го года, из 42-го, а вот уже и 1943-й. Такое же пиршество ума! Читаем: «Прошлым летом в конце июля (по тексту получается, что это июль 1942 года. — В.Б.) Никита (тот самый маршал) натолкнулся на отца в самом пекле, на плацдарме Лютеж». Опять туфта! Лютежский плацдарм был захвачен в сентября 43-го года. Так что, если даже милосердно допустить, что автор просто описался, а имел в виду 43-й год, то все равно туфта: в июле и 43-го плацдарма не было. А дальше еще увлекательней. Нам сообщается, что здесь, на плацдарме, отец маршала только что оперировал сержанта Нефедова, который со своим взводом «умудрился отразить все атаки на высоком берегу Десны». Какая Десна? Откуда? Ведь знаменитый Лютежский плацдарм был на Днепре, севернее Киева, а не на Десне.

Аксенову одного фантастического приема в Кремле показалось мало, через несколько месяцев, осенью 43-го, он заказал еще один, пограндиозней. После второго приема аксеновский Градов, как уже было сказано, становится командующим Резервным фронтом. И где этот фронт под его доблестным командованием ни повоевал: под Москвой, под Сталинградом,

на Курской дуге, в Восточной Пруссии, в Прибалтике... Сочинитель просто не понимает, что такое фронт. Командующих фронтами и армиями Ставка, разумеется, перебрасывала с одного участка на другой, но целый фронт — за тысячу километров?..

И вот, нагородив вороха несусветной чуши, злобного вздора, невежества, Аксенов устами своего любимого маршала и дважды Героя так говорит о Великой Отечественной: «Позорная сталинско-гитлеровская война!»

Как же мог он не пленить этим и Барщевского со всем его кланом, и Лужкова со всем его «правительством», и Соломина со всеми его званиями и наградами!

А картины разгрома фашистов, нашей победы и торжества вы не найдете ни в той «Саге», ни в другой, ни в рахитичных «Детях Арбата» Эшпая. Это им абсолютно не интересно. Вот когда немцы под Москвой, это их увлекает.

* * *

Как уже было сказано, особое внимание в «Саге» уделяется Сталину. Вообще-то говоря, ничего нового по сравнению с писаниями Волкогонова, Радзинского, Млечина и подобных им у Аксенова и Барщевского здесь нет. Мягкие сапоги, «Киндзмараули», «Герцеговина Флора», и ужасный диагноз знаменитого академика-психиатра В.М. Бехтерева: «Паранойя!» и т.д. — сколько же можно все это мурыжить!

О помянутом диагнозе, ссылаясь на заявление внуки ученого, тоже академика Н.П. Бехтеревой, некто О. Мороз давно точил лясы в «Литгазете» (28.9.1989), которую возглавлял тогда неудачливый и скучный прохиндей Ф. Бурлацкий. А теперь этим же занимаются персонажи и аксеновского романа, и фильма «Сага», и фильма «Штрафбат» Володарского. Как будто этот диагноз тогда же напечатали в газетах и трудящихся пригласили обсудить его. Но вот что, спустя несколько лет после Мороза, в ответ на вопрос корреспондента «Правда ли, что ваш дед вышел от Сталина и сказал, что тот параноик, за

что его и отравили?», сказала Н.П. Бехтерева: «Это была тенденция — объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе мы бы знали... Кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг. Какой врачебный долг? Он был прекрасный врач. Как он мог выйти от любого больного и сказать, что тот параноик? Он не мог этого сделать» (АиФ №39'95). Кому понадобилось, кто давил, кто обещал, даже академик сказать опасалась. Да ведь ясно, кто — бурлацкие, аксеновы, млечины. Речь тут, разумеется, не о Сталине, а о них — как они десятилетиями жуют одну и ту же протухшую жвачку.

Саговый академик Градов, тоже размышляя об этом, в конце концов заключает: «Не развивается ли у меня самого какая-то паранойя?» Очень мудро! Поучиться бы этому авторам обеих «Саг», «Штрафбата» и «Детей Арбата».

А еще, сообщает Аксенов, Сталин был ужасным пьяницей: «первую(!) пару стаканов он выпивал залпом». А следующие «пары» уже глотками.

Ну и, конечно, нет конца его кровавым проделкам. Утонули в США, катаясь в лодке по озеру два советских еврея — Исай Хургин и Эфраим Склянский. Кто виноват? Сталин виноват! Почему не бросил им из Кремля спасательный круг? Умер после операции нарком Фрунзе. Кто виноват? Сталин виноват! Что, он сам оперировал? Нет, оперировали пять знаменитых профессоров, но зачем Сталин надеялся, что операция пройдет успешно и поможет? В Грузии убили Ладو Кахабидзе. Кто виноват? Сталин виноват! Что, Ладو у него жену отбил? Нет, но есть подозрение, что у него, возможно, имеются документы о возможном сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Да ведь уже давно доказано историками, что шпионское сотрудничество Сталина с царской охранкой, как и шпионское сотрудничество Ленина с германским Генштабом (воображе-

ние-то небогатое!), — давняя чушь, невежественная политическая провокация, туфта, протухшая жвачка. А вдруг, говорят нам аксеновы, вдруг эти историки, в том числе бывший посол в СССР Джон Кеннан, подкуплены?

Новое о Сталине в «Сагах» — только новое вранье и модернизированное невежество. Например: «Сталин был сослан в Туруханский край, но дерзновенно бежал из ссылки» (кн. 3, с. 245). Даже в виде исключения гваделупчик не может говорить правду. 23 февраля 1913 года Сталин был арестован в Петербурге, осужден на четыре года ссылки и полностью отбыл срок в станке Курейка у самого Полярного круга. Говорят, сейчас там приготовлено место для всех его клеветников, включая Аксенова и Барщевского. Посмотрим, удастся ли им бежать.

* * *

Однако, как ни лезли из кожи, повизгивая и попердывая, Аксенов, Барщевский и банкир Игорь Коган, которому была поручена роль Сталина, но достичь того уровня выразительности образа, которого достигли в «Детях Арбата» режиссер Андрей Эшпай и артист Максим Суханов, им не удалось. Такое впечатление, что своего комического полудурка Эшпай и Суханов лепили с кого-то из очень близких родственников, может быть, с папочек или дедушек.

Но мне лично кажется, что таким лет через пять станет Леонид Жуховицкий, пламенный почитатель Эшпая и Суханова. Видно, этого старца уже никто не слушает, кроме молоденькой жены и тещи, которая моложе его лет на тридцать. Так он подался в «Советскую Чувашию», где недавно объявил: «Уважать собственное государство нет никакой возможности». Это почему же? А потому, говорит, что «нет никакой возможности выбиться из серого ряда трудом и талантом и вообще добиться разного, о чем мечтает человек». Но, во-первых, откуда в «сером ряду» таланты? Во-вторых, ты, по собственному признанию, из этого ряда, но ведь добился же очень много

разного, о чем наверняка мечтал: вместо службы в армии поступил в Литературный институт, издал гору книг (все больше о любви), получил премию «Литгазеты», был членом редколлегии «Московского литератора», почившего в Бозе альманаха «Апрель», журнала «Литературные листки», а также красовался вице-президентом какого-то «Московского клуба» (не зря еще в 1963 году напечатал незабываемую повесть «Я сын твой, Москва»), еще заведовал кафедрой Высшей школы культуры (это где?), руководил студией молодых прозаиков, а сверх всего этого был еще и председатель совета Международного института глобальной морали.

И вот, являясь адептом глобальной морали, и заявил: Россию уважать не за что! Оказывается, «француз любит Францию за то, что прекрасная, что Париж — мировая столица, что Наполеон — величайший полководец, а Кристиан Диор — величайший модельер. Американец любит свои Штаты за то, что самая свободная и богатая страна в мире, а конституция у них лучшая на планете. Даже мальтиец гордится своим крохотным островом...» А Россию не только любить, но и уважать не за что.

Все ясно. Кроме некоторых мелочей. Например, почему бы нам не любить Россию за то хотя бы, что одноглазый русский генерал Кутузов вышвырнул помянутого величайшего полководца из России обратно в столицу мира? Почему бы нам не любить Россию хотя бы и за то, что в минувшей войне мы у стен своей столицы разгромили немцев и погнали до Берлина, а та самая «столица мира» была объявлена дристу-чами открытым городом, и немцы через месяц после начала наступления взяли ее без боя. Почему бы нам не любить Россию еще и за то хотя бы, что одна лишь наша Брестская крепость держалась против нашествия дольше, чем вся прекрасная Франция. Почему бы нам не любить Россию и за то еще, что у нас, кажется, нет величайших модельеров, но есть величайшие писатели, композиторы, ученые, художники, есть величайшая культура, которой в стране гордятся все, кроме гваделупцев. Наконец, почему бы не любить Россию и за то,

что еще недавно даже и люди из «серого ряда» могли получить бесплатное образование, сделать карьеру и сладко жить до 75 лет с 25-летней супругой?

С другой стороны, почему бы нам не сказать благородным французам, что это стыдно, пользуясь дуростью наших нынешних правителей, содрать с нас 300 миллионов долларов царских долгов позапрошлого века.

И почему бы нам не презирать Америку за то, что ее «лучшая на планете» конституция» позволяет ей быть худшим бандитом на планете.

А вообще-то страну любят не за то и не за это, а просто родина и все тут. Как давно сказано, любовь, как солнце на небе, неизвестно на чем держится.

Жуховицкий лицемерит, когда называет Пушкина и Блока «нашими великими поэтами». Он расходится с ними кардинально. Пушкин не может быть для него нашим и великим хотя бы из-за стихотворения «Клеветникам России». А как омерзительны должны быть Жуховицкому строки Блока:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,
Как слезы первые любви...

Ни французских красот, ни американских богатств, даже нищая, а жить без нее невозможно. Как можно любить нищую, Жуховицкий никогда не поймет. Вот Окуджава, которого «удручали размеры страны», который сожалел, что был на фронте, который, как и Ельцин, с наслаждением любовался расстрелом Дома Советов, — это действительно ваш поэт, вы ему уже и памятник отгрохали где-то.

Однажды в Коктебеле Жуховицкий безо всякого интереса с моей стороны к этому уверял меня, что я, Владимир Бушин, «как все знают», полунемец, а он, «скажу по секрету», — полуполяк. Когда я по случаю рассказал это покойному Оскару Курганову, соседу Жуховицкого по подъезду, еврею, старик

долго и неутешно смеялся. Нет, Леня, ты не поляк, не русак, а гваделупец, и мне странно, что ты не оказался в числе создателей «Саги» хотя бы в роли консультанта по русофобии. Народный поэт Чувашии Валери Тургай, судя по его оплеухе Жуховицкому со страниц «Патриота», думает так же.

* * *

Тема репрессий, как и все остальные в «Саге», нашпигована осточертевшим до зубной боли убогим враньем. Ну, в-первых, как недавно и Майя Плисецкая уверяла по телевидению, «просто все» писали доносы друг на друга, все работали на НКВД-КГБ, «вся страна была такая». Значит, писала и она со Щедриным, любимым супругом. И Аксенов с женой. И весь клан Барщевских.

Во-вторых, «брали ни за что». Очень интересно! И взяли, в-третьих, как твердят, Немцов, Альбац, Солженицын, Хакамада, не то 20, не то 50, не то 100 миллионов человек. Вся страна, естественно, представляла собой «гигантский лагерь, необозримый лепрозорий, где все обречены» (3, 402). Спаслись бегством в Америку только Аксенов, Неизвестный, Евтушенко да Коротич.

Однако еще лет двадцать назад начали реабилитацию. Возглавил такое благородное дело возвышенного ума человек — А.Н.Яковлев, академик прохиндейских наук. И каков итог? Реабилитировано за все это время около 1,5 млн. осужденных («Дуэль», 8.X.02).

Кто же были остальные 98,5 миллиона? И были ли вообще эти 100 млн.? Пусть об этом думает Аксенов, который, в отличие все-таки от названных выше, говорит, что в годы войны единовременно в лагерях сидело не то 14, не то 25 млн. человек. Да поможет ему, если жив, начальник секретариата ГУЛАГа майор Подымов, который 6 августа 1955 года в докладной записке начальнику ГУЛАГа генерал-майору Егорову С.Е. сообщал, что «всего в подразделениях ГУЛАГа хранится 9,5 млн. личных дел заключенных» (Пыхалов И. Время Стали-

на. Ленинград. 2001. С. 17). Всех заключенных за все время советской власти. Для сравнения: согласно ежегодному отчету ФБР, в не столь далеком 1999 году в США было 2 с лишним миллиона заключенных, а в следующем году арестов произведено 14,5 млн. (там же).

В-третьих, «сажали, главным образом, по политическим обвинениям». Но, приведя соответствующие цифровые данные архивов, И. Пыхалов делает вывод: «Среди заключенных в лагерях большинство составляли уголовники, а политические не более 1/3. Еще меньше было политических в исправительно-трудовых колониях» (там же, с. 24).

В-четвертых, «отбыть срок и по закону освободиться из заключения было невозможно». Тут уж Аксенов жестоко хлещет сам себя по месту, которое и он и его персонажи всегда деликатно называют «жопой»: ведь персонажи его собственного сочинения, угодив в неволю в самом конце 1938-го или в начале 1939 года, в конце 1941-го были освобождены: и Градов, и его жена-шлюха, и полковник Вуйнович... Эти теплые художественные образы можно дополнить цифрами холодной статистики: в то же самом году вышли на свободу 624 276 человек (АиФ №45, 11 ноября 1989).

Но Аксенов свое: не только, мол, невозможно было освободиться по закону, но даже, в-пятых, «никто никогда и не убегал». Слово опять статистике: в том же 1941 году из лагерей бежало 10 592 нетерпеливых человека (там же). Альфред Терентьич, какой вы скушный...

* * *

Но вот доносы написаны, отправлены, взяты на учет. Что дальше? Разумеется, арест. И тут ждут нас особенно сильные впечатления.

Как проходили аресты? Никита Михалков... Однажды его спросили: «Как вашему клану удастся процветать при всех режимах?» Он гордо ответил: «Волга течет при всех режимах и при всех режимах полноводна!» Так-то оно так, но только она

при всех режимах течет в одном и том же направлении — с севера на юг. А вы, ваше степенство?

Так вот, Михалков-Волжский в своем бессмертном антисоветском фильме «Утомленные солнцем»... Что за манера озглавливать фильмы и романы, как фельетоны, — всем известной и каламбурно деформированной строкой: «Утомленные солнцем», «Сибирский цирюльник», «Крейсера соната»... Волжский-Михалков изобразил нелепейшую картину ареста. В воскресный день да еще в какой-то праздник, когда на улице полно народу, на дачу прославленного комдива, героя Гражданской войны, являются в одинаковых плащах, шляпах, с одинаковыми зверскими рожами сотрудники НКВД, хватают комдива (у него на груди три ордена Красного Знамени), швыряют в машину, он просит позвонить Сталину, называет номер телефона, в ответ его зверски избивают, превратив лицо в кровавую маску, затем по пути почему-то пристрелили водителя встречной машины, — вот вам и сталинская эпоха! Как же было хотя бы даже за один такой эпизодик не дать оборотню Волжскому, повернувшему с юга на север, «Оскара»? Дали!

Видимо, эпизод произвел сильное впечатление на многих. Не так давно даже в статье одного моего доброго приятеля, очень уважаемого мной человека проницательного ума и широкой осведомленности, можно было прочесть, что К.К. Рокоссовскому при аресте выбили глаз. Я нашел довольно большой послевоенный портрет маршала и послал моему другу с просьбой определить, какой глаз стеклянный.

При этом написал, что глаз глазом, а вот доктор исторических наук, профессор и ведущий сотрудник Института Российской истории Академии наук да еще и директор какого-то Центра документации Борис Илизаров в своем новаторском труде «Тайная жизнь Сталина» (М., Вече. 2002) пишет, что Рокоссовскому «выбили девять зубов, сломали три ребра и разбили молотком пальцы ног» (С. 410). Правда, антисоветчик даже не знает имени-отчества Константина Константиновича, как и других маршалов, и пишет: «Г.К. (!) Рокоссовский, А.В. (!) Василевский» (там же, с. 179). Но зато какая

осведомленность насчет зубов, ребер и пальцев! Откуда она? Может, из того самого Центра документации, где он многоуспешно директорствует? Нет, оказывается, из труда собрат-антисоветчика Константина Залесского «Империя Сталина» (М., Вече, 2000).

А у этого всезнайки еще сказано вот что: «В марте 1940 года Рокоссовский был неожиданно освобожден (по представлению С.К. Тимошенко)» (С. 390). Во-первых, для кого неожиданно? Сам Рокоссовский и все, кто его знал, были твердо уверены в его невиновности, и все время со дня на день не могли не ожидать его освобождения. Во-вторых, Тимошенко назван здесь, как видно, в уверенности, что тот был наркомом обороны, но в марте 1940 года он им не был.

Дальше: «После лечения в ноябре 1940 года Рокоссовский был назначен командиром 19-го механизированного корпуса» (там же). Рокоссовского освободили 23 марта. И вот, мол, до ноября, т.е. семь месяцев потребовалось для того, чтобы вставить девять зубов, отремонтировать три ребра, и отрастить новые пальцы на ногах. И только после этого назначили комкором.

О господи!

Во-первых, сам Рокоссовский писал: «Весной 1940 года я вместе с семьей побывал в Сочи». (Весной — значит, после освобождения в апреле — мае). Потом его пригласил Тимошенко, ставший в мае наркомом, и предложил вступить в командование не «19-м механизированным», а 5-м кавалерийским корпусом. Но корпус еще находился в пути из Сибири на Украину. В ожидании его Рокоссовский был послан в Киевский военный округ помочь в проверке войск, которым предстоял поход в Бессарабию. Он состоялся 28-30 июня. «Вернувшись из Бессарабии, я вступил в командование (5-м кавалерийским) корпусом», — вспоминал Рокоссовский. Это произошло в июле.

Выходит, что в апреле — мае состояние здоровья не мешало ему поехать на курорт, отдохнуть, вернуться в Москву, в июне — выполнять ответственное служебное задание в Кие-

ве и Бессарабии, а в июле принять корпус. А когда же вставляли зубы, ребра и отрачивали пальцы? Неизвестно... И только после всего этого, о чем Залесский по невежеству или умыслу умолчал, в ноябре, Рокоссовский возглавил механизированный корпус. Но не 19-й, как уверяет тот же знаток. К началу войны у нас всего-то было лишь 9 механизированных корпусов, командиром 9-го и был назначен Рокоссовский.

Ну как же верить этим ученым свистунам, если они не знают даже имена тех, о ком пишут, и множество других легкодоступных фактов.

Кто после этого поверит вам, Залесский, когда вы пишете: «Пока Рокоссовский возглавлял вооруженные силы Польши, органами Госбезопасности при его полном потворстве были проведены (!) массовые аресты офицерского состава». А ваш ученый собрат Илизаров вздувает вранье еще пуще. Ему мало «потворства», мало «арестов»: «Рокоссовский санкционировал (!)...» И не аресты, а «массовые расстрелы (!) польских офицеров». Кто вам, ученые балаболки, поверит, если вы не знаете фактов, лежащих на поверхности, а рассуждаете о делах, которые заведомо были бы тайными, секретными, о фактах труднодоступных.

* * *

Рокоссовский не рассказал о своем аресте, но, зная о других, можно с большой степенью вероятности предположить картину.

Надежда Мандельштам рассказала, как ее муж был арестован первый раз в Москве в ночь на 14 мая 1934 года: «Около часа ночи раздался отчетливый, невыносимо выразительный (?) стук. «Это за Осей», — сказала я и пошла открывать...

Из большой комнаты вышел О.М. «Вы за мной?» — спросил он. Невысокий агент, почти улыбнувшись, посмотрел на него: «Ваши документы...» Проверив документы, предъявив ордер, и, убедившись, что сопротивления не будет, чекисты приступили к обыску» (Воспоминания. М., 1999. С. 10—12).

Всего «агентов» было трое. А случайно присутствовали при аресте Анна Ахматова и знакомый переводчик Давид Бродский. Его мемуаристка безо всяких оснований считала тоже «агентом», но тайным: «Бродский был, вероятно, к нам подсажен, чтобы мы, услышав стук, не успели уничтожить каких-нибудь рукописей». Это, конечно, из области бреда. Вот услышали они «невыносимо выразительный» стук — и что?

Второй раз Мандельштама арестовали в доме отдыха Саматиха под Москвой в ночь на 2 мая 1938 года: «Нас разбудили под утро — кто-то скромно постучал в дверь. О.М. вышел отворить. В комнату вошли трое — двое военных и главврач». Последний, надо полагать, в качестве понятого. На сей раз и «никакого обыска не было. «На что нам ваши бумаги? — миролюбиво сказал военный и предложил О.М. идти. Все это продолжалось минут двадцать» (там же, с. 423—427). Мемуаристка уверена, что и в этом случае был тайный «агент» — некая «интеллигентная барышня, знакомая с Тыняновым, Кавериным и еще с кем-то из вполне приличных людей». Но и тут уверенность не имеет никаких обоснований.

А как арестовали Солженицына? Он рассказывает: «Комбриг вызвал меня на КП, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной в углу офицерской свиты выбежало двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и четырьмя руками одновременно хватаясь за звездочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически заорали:

— Вы арестованы!

И обожженный и проколотый от головы к пяткам, я не нашел ничего лучше, как: — За что?»

Кроме самого факта ареста, все здесь, конечно, вранье. И то, что командир бригады отбирает оружие, — не его это дело; и то, что рассказчик отдал пистолет без малейших сомнений; и то, что контрразведчики, как Тарзаны, в «несколько прыжков», словно опасаясь сопротивления обезоруженного человека, с диким воплем кинулись на него и сорвали даже ремень; и то, что арестовали не по-тихому, не в укром-

ной обстановке, а в присутствии целой «офицерской свиты», которая, выходит, знала о предстоящем спектакле...

А тут еще и совершенно кошмарный фон! Оказывается, спектакль разыграли в сложнейшей фронтовой обстановке: «не то мы окружили немцев, не то они нас». И было это «под дыханием близкой смерти»: «Дрожали стекла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах». Жутко сказать, смерть дышит не то в лицо, не то в затылок, а мерзавцам смершевцам хоть бы хны, им только бы сцапать горемыку Александра Исаевича, будущего Нобелевского лауреата. Крайне сомнительно и то, что в столь ответственный момент сражения (если оно было) вокруг комбрига собралась целая «свита» командиров, когда всем им надлежало быть на своих постах рядом с солдатами. Но как ни фальшив и напыщен весь этот спектакль, а нет в нем ни мордобития, ни выбитых зубов, ни сломанных ребер. Верно указано и то, что смершевцев было двое.

А вполне правдивую картину ареста мы находим в книге первой жены нобелиата Натальи Решетовской «В споре со временем»: «Все произошло неожиданно и странно. 9 февраля (1945 года) старший сержант Илья Соломин, ординарец Солженицына, зашел к своему командиру с куском голубого бархата. «Я сказал ему, — передает слова ординарца Решетовская, — что у меня ведь все равно никого нет. Давайте пошлем в Ростов Наташе, блузка выйдет».

Как видим, ни о каком окружении, ни о дыхании близкой смерти и речи нет. Командир и ординарец заняты обычным в те дни делом: судачат, как использовать кусок трофейного бархата. Дело-то было в Восточной Пруссии.

Соломин продолжал: «В этот момент вошли в комнату двое. Один спросил: «Солженицын Александр Исаевич? Вы нам нужны». Какая-то сила толкнула меня выйти следом. Он уже сидел в черной «эмке». Его увезли».

Да, эта бархатная версия ареста гораздо достоверней, чем тарзанья: все тихо, деловито, обыденно.

Наконец, можно заглянуть и в далекое прошлое. Как, например, был арестован Достоевский? Он тоже рассказал об

этом. И в его рассказе ничего тарзаньего, никаких мордобитий, а, наоборот, — ирония, усмешка над подполковником, унтер-офицером и приставом, что втроем пришли за ним часов в пять утра 23 апреля 1849 года.

Скорей всего подобно этому был арестован и комдив Рокоссовский: явились два-три человека при оружии, предъявили ордер, он, естественно, подумал, что это ошибка или чей-то злой умысел, как и оказалось, и послушно последовал с пришедшими в ДПЗ или еще в какое-то узилище.

* * *

А вот как у Аксенова арестовывают комкора Никиту Градова: «Звонок в дверь — и громкий страшный стук». Сразу вранье: ведь уже позвонили, зачем еще и гроыхать в дверь, поднимать шум, будоражить соседей, ведь исполнители этой акции вовсе не заинтересованы в ее оглашении, совсем наоборот. Вспомним Мандельштам: «кто-то скромно постучал», — это гораздо правдоподобней.

Жена комкора открыла дверь. «Комната немедленно заполнилась чекистами, вошло не менее семи человек». Всех от Достоевского до Солженицына арестовывали два-три человека, а тут не менее, а, может, и более семи: учитывая характер всей трилогии, есть основание думать, что в квартиру вломилась лишь часть наряда, но не меньше осталось в подъезде или на улице. Ну, как было в Краснодаре, когда путинские наемники арестовывали председателя городской Думы коммуниста Александра Кирюшина: нагрянула целая рота спецназа в масках!

А там «старшой(!) подошел к комкору с нехорошей улыбкой: «Пойдете с нами, Градов. Вот ордер на арест»... Никита держал в руке гнусную бумажонку ордера. «Какова причина ареста, майор?» Это совершенно в духе солженицынской фантазии: «За что?» Еще бы Градов спросил, какую статью ему шьют и какой срок грозит.

Не надо быть знатоком дела или семи пядей во лбу, чтобы понимать, что арест — чисто техническая операция, исполнители которой и не должны знать ее причину. Их дело арестовать гражданина А и доставить его в полной сохранности в пункт В, — все. Вот еще почему так тупоумно лжив эпизод ареста у антисоветчика Волжского, где сотрудники НКВД, разумеется, и не знают, виноват или нет арестованный, но они представят его начальству избитым до полусмерти как врага народа.

У Аксенова такая же чушь: «Градова начали избивать уже в фургоне. Один ударил в челюсть, другой в глаз, третий в ухо». Зачем? Да почему же не один кто-то? Ведь это не трудно. Но если били все, то интересно, как — по очереди или одновременно? И тогда почему только трое? Ведь их было не менее семи. Так что для полноты картины закономерно предположить, что четвертый (глазник) ударил в другой глаз, пятый (ушник) — в другое ухо, шестой — под дых, седьмой — в нос и т.д. Словом, точно по Михалкову... Впрочем, стоп! Ведь роман-то появился раньше, чем фильм. Так что, скорее Никита копировал Васю, чем наоборот. Но это не существенно: два сапога — пара.

А вот арест Вероники, жены Градова.

«Звонили в дверь один раз, другой, третий. Потом послышался резкий наглый стук кулаком и сапогом: «Открывайте! Открывайте немедленно!» Опять знакомая живопись.

Но что касается количества пришельцев, то тут, правда, выдержана классическая форма: пришли только три человека. Кто? «Ночная команда: мужчина в военной фуражке и в штатском пальто, надетом на форму (для маскировки, что ли? — В.Б.), женщина в кожаном пальто и в мужской кепке (Явная маскировка!), младший командир со служебной овчаркой на поводке». Собака здесь, надо полагать, как символ идиотизма.

«Мы из НКВД, — сказал старшой (!) в пальто. — У нас ордер на арест». Известный нам своим тупоумием профессор Градов думает, что пришли за ним, но оказалось, за его невесткой. И «старшой» объясняет ему: «Ваша невестка проходит как

соучастница по делу вашего сына Никиты Борисовича». Да не мог он этого не только сказать, но и знать. Не мог!

В фильме сцену решили «утеплить». Во-первых, с целью полноты картины обыска Веронику раздели догола и заставили принять несколько поз, удобных для обозрения всего, что есть у женщины. Во-вторых, Мэри (И. Чурикова), свекровь арестованной, бешено орет своим проснувшимся внукам: «Смотрите! И запомните, если вы не научитесь их ненавидеть, эта власть не кончится никогда!»

По всему духу и романа и фильма ее тут же должны бы за такие слова увести вместе с невесткой, но никто из пришедших и ухом не ведет. Естественно, эта в прах разрушает весь эпизод да и весь фильм, впрочем, уже разрушенный ранее.

И хотелось бы тут сказать: «Мадам Чурикова, советскую власть давно предали и убили. Но почему вы лично и ваши кинодружки не можете успокоиться, не радуетесь, а все беснуетесь, задыхаясь от ненависти к ней? Народ бедствует, а вы жрете в три горла, и душит вас злоба. Или это в такой форме прорывается ваш сучий страх перед неизбежной расплатой за предательство родины, за ограбление народа? Пожалуй, это испепелит вас всех изнутри еще до дня Страшного суда. А если доживете и будете мямлить: «Я ничего не знала, не понимала», ни вам, ни Соломину никто не поверит».

* * *

Итак, не то 14, не то 25, не то 125 миллионов невинных людей арестованы и отправлены в неволю. Жизнь там ужасная: морят голодом, непосильный труд, издевательства... Однако все это не мешает Никите Градову каждое утро делать зарядку, включая такие трудные силовые упражнения, как стойка на руках (в сорок лет!), растираться снегом и даже иметь столь сильную сексуальную потребность, что приходилось одолеваять ее по способу тех, кто знает женщин, как свои пять пальцев.

Что ж, действительно, попадали в заключение и невиновные, причем, даже из числа уже тогда или впоследствии лю-

дей знаменитых: тот же генерал К.К. Рокоссовский, авиаконструктор А.Н. Туполев, атомщик И.В. Курчатов, ракетостроитель С.П. Королев, поэт Ярослав Смеляков... Но все они, выйдя на свободу, остались достойными гражданами своей страны, ее великими патриотами.

И вот, несмотря на кошмарную картину арестов и лагерей в романе, персонажи Аксенова, разрисованные аристократами духа, почитателями Блока и Пастернака, порой позволяют себе шуточки и хохмочки на столь жуткую тему. Допустим, сидят они за завтраком в своем прекрасном доме, что в элитном Серебряном Бору, и беседуют.

«— Кого взяли-то ночью? — с некоторой светской пресыщенностью поинтересовался Савва.

— Дворник сказал, что взяли троих: Големпольского, Яковлеву и Шапиро с женой, — ответила Нина (жена Саввы).

— Значит, не троих, а четверых, — Савва покивал с явным одобрением. — Хороший улов.

Нина не выдержала, расхохоталась. Еленка залилась счастливым смехом».

Что им так весело? Это беседа полоумных? Нет, таковы любимые персонажи Аксенова.

Но гораздо важнее то, что писатель вывел обширную галерею махровых антисоветчиков, патологически злобных врагов и власти и страны, и народа, готовых на заговор, на восстание, мечтающих уничтожить руководство СССР. Они были такими до неволи и остались такими, выйдя на свободу, получив обратно звания, должности, награды, а иные — даже сделав блестящую карьеру.

Одну из этих фигур мы только что упоминали, это Мэри, именуемая, как помним, принцессой Греза, в исполнении Чуриковой, очень похожей на принцессу. Ведь того и гляди, эта принцесса-фурия взорвется от ненависти или окочурится от разлития желчи... А вот ее дочушка-красавица Нина, поэтесса. Приехав с бригадой артистов на фронт, она увидела «тысячи улыбающихся ряшек» красноармейцев. Она считает, что вся страна это «гигантский лагерь, необозримый лепрозорий, где

все обречены». И потому давно «надо было в подполье уходить, выбивать их террором, как та единственная героиня Фаня Каплан!» Тут можно заметить, что Каплан была отнюдь не единственная. На Ленина, как подсчитал Вадим Кожинов, было шесть покушений, но известным стало только одно. И ведь не только в Ленина стреляли.

Так же злобствует и Борис, брат Нины. Уже после войны, увидав однажды из окна своей пятикомнатной квартиры на улице Горького портрет Сталина на Центральном телеграфе, он сладостно мечтает: «Вот кого надо бы убрать. Он давно уже на девять граммов напрашивается». Помните есаула Половцева из «Поднятой целины» Шолохова? О том же самом мечтал.

Вероника, сноха Мэри, по делам ее показана в романе грязной потаскухой, «пышущей клубничным жаром», но одновременно автор все-таки пытается навязать нам ее как романтическую страдающую аристократку. В ход пускается густопсовый набор пошлостей: опять «принцесса Греза», «звезда всей жизни» и «недостижимая мечта» полковника Вуйновича и т.п. В фильме же она только страдающая аристократка.

Стоит сравнить хотя бы два момента. В фильме охранник Шевчук насилует ее в лагере под угрозой расстрела. Вот, мол, какой кошмар! А в романе она сама, став любовницей начальника лагеря Кольцова, заманивает еще и Шевчука: «Чего не заходишь, казак?» И казак стал заходить, причем продолжал это и на свободе, где он каким-то образом стал шофером ее мужа, и всю войну в маршальской квартире и после войны, на чем однажды его и свою мамочку застиг помянутый выше ее сыночек Борис. Заходил до тех пор, пока во исполнение своей мечты потаскушка не укатила в США с американским полковником. Интересно, читала ли роман Ольга Будина, играющая Веронику, знает ли, какова ее героиня по замыслу писателя.

Казалось бы, при такой интенсивной сексуальной загруженности, когда этой милашке предаваться антисоветчине? Однако, предается, и еще как! Вы только послушайте: в 1938 году «она смотрела на корабли во владивостокской бухте и предавалась фантазиям. Ну, вот, вообразим, что советские Вооруженные Силы разбиты навсегда и окончательно... Но

пока мы смотрим и ждем. Как у Блока, ждем кораблей. Дымки уже появились, идет эскадра победителей. Кто они — японцы? Нет, это уж чересчур — с японцем! Впрочем, говорят, что они исключительные чистюли. Нет, нет, это будут американцы, эти белозубые ковбои, вот кто это будет, и среди них какой-нибудь Рональд, рыцарски настроенный калифорниец; мягкие звуки блюза; воспоминание на всю жизнь...» Рональду Рейгану, 40-му президенту США, было тогда уже 17 лет, он готовился идти в армию, а когда стал президентом, то сделал все для реализации «фантазии» героини Аксенова.

Блок в этой подлой «фантазии» о разгроме и уничтожении своей родины назван с целью изобразить великого поэта единомышленником курвы, свихнувшейся на русофобии. Нет, мадам, не Лермонтов, не Блок и не Пастернак — не они поэты таких шлюх и создателей их, а небезызвестный Печерин, признавшийся:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ожидать ее исчезновенья...

Но спрашивается, откуда в этой пустой голове такие «фантазии» и мечты? И тут приходится принять во внимание, что ведь эта дрянь вот уже лет пятнадцать как «великолепная жена» комкора Градова, начальника штаба Особой дальневосточной армии, и он ее боготворит.

* * *

Однако до сих пор речь шла все-таки лишь о мечтах и фантазиях. Но вот тот самый полковник Вуйнович. Он тоже «ненавидел Сталина и всю эту бражку», но не про себя, не молча ненавидел. В 1938 году он служит где-то в Средней Азии, но однажды все бросил и нагрянул на Дальний Восток, в Хабаровск, к своему другу комкору Градову, который, как мы знаем, служит в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии на ключевой должности начальника штаба.

Явившись к другу, аристократ первым делом заявил ему: «Я люблю твою жену и постоянно, ежедневно и еженощно мечтаю о ней. Четыре тысячи триста восемьдесят дней и ночей мечтаю о ней». Как именно мечтает, мы уже знаем. И после этого нам впаривают, что перед нами аристократ, а не быдло. Да самое настоящее! И права Алла Боссарт, писавшая в «Новой газете», что весь фильм — творение быдла для быдла.

Но главная цель приезда Вуйновича за тысячи верст не в этих радостных для всех заявлениях. Полковник считает Сталина, все политическое руководство врагами, положение страны — отчаянным, гибельным и завел с другом речь о спасении страны.

«Каким образом?» — спрашивает Никита. «Ты должен знать каким, — ответил Вуйнович. — Военному человеку полагается знать, как предотвращать вражеские действия». Особой Дальневосточной армией командует маршал Блюхер. А ты, говорит, имеешь большое влияние на него, этим и надо воспользоваться: подбить маршала на восстание, а за ним пойдут многие. В сущности, размышляет потом Градов, это был «разговор, в котором речь шла о восстании». И у Вуйновича даже были уже готовы несколько вариантов плана восстания.

«Как ни странно, — пишет всей душой сочувствующий этому Аксенов, — шансы на успех у плана Вуйновича были. По одному из вариантов в Москву поездом направить батальон разведчиков. Никто бы не разобрался, что за часть и куда направляется. Батальон прибывает в Москву перед самой сессией Верховного Совета, берет Кремль и арестовывает Сталина. По другой схеме ударная группа прилетает в Москву тремя самолетами. При неудаче этих вариантов можно было поднять широкое восстание, освободить заключенных на Колыме и в Приморье (те самые 14—25 миллионов. — В.Б.), попытаться восстановить Дальневосточную республику, Блюхеру предложить пост президента».

Такие планы хорошо сочинять, сидя в белой панаме под пальмой в Гваделупе и считая, что в мире у тебя множество единомышленников, готовых ради твоего плана на все. Но как

мог Вуйнович (полковник же!) не задуматься хотя бы о том, где взять батальон, который захотел и решился бы пойти на штурм Кремля и на арест Сталина? Или каким образом освободить заключенных и поднять «широкое восстание»? И откуда уверенность, что заключенные, если их освободить, непременно примкнут к идиотам и предателям?

Но Аксенов уверен, что не только придуманный Вуйнович, но и реальный Блюхер — его единомышленник. Он надеется его такими мыслями: «Технически все сделать несложно. Приехать из Хабаровска в Москву с группой охраны, войти в Кремль, арестовать мерзавцев, выступить по радио, отменить коллективизацию, вернуть нэп». Аксенов божится, что и Тухачевский готов был возглавить антисоветское восстание, как в свое время и показал на следствии.

А Вуйнович, вернувшись из Хабаровска в свою часть, «несколько месяцев не раз встречался с однополчанами и почти напрямую вел с ними разговоры о возможном выступлении армии против НКВД». И что вы после этого хотите от НКВД? Естественно, стратега замели. Но и после того, как его освободили, прошла война, а он все горько жалеет: «Ведь не поднимаешь же восстание после такой войны! И кто за тобой пойдет?...» Жаль, что его не посадили еще и после войны.

* * *

А вот и главный персонаж — Никита Градов. Да, он отсидел года два, но был освобожден, во всем восстановлен, скоро его сделали генерал-полковником, Героем, дали 33 ордена (у Жукова было только 29). И что в итоге? А вот. На официальном приеме «в конце зимы 1942 года» в Кремле (мы уже говорили, что тогда такого приема не было и быть не могло, но в данном случае важно не это) «генерал-полковника Градова вдруг посетила весьма оригинальная мысль: «Интересно, если бы я приказал своим автоматчикам прикончить всю эту компанию, подчинились бы ребята?» Вот! Какая кровожадная злобность, а! Все те же мечты и фантазии. И в этом

генерал Градов ничем не отличается ни от своей полоумной жены-потаскухи; ни от сестрички, завидующей террористке Каплан; ни от сыночка Бори, мечтающего о том же, что и папочка, глядя на портрет Сталина; ни от родимой мамочки, обезумевшей от ненависти к советской власти; ни от племянника Мити, расстрелявшего памятник Ленину... Одна компашка предателей и сволочей.

«Он глянул вбок на стоявшего через несколько человек от него красавца Рокоссовского: «Интересно, а Косте не приходит в голову такая же мысль. Ведь сам, как я, недавно тачку толкал». Какой он тебе, сука, Костя? Да, тоже толкал, но он — человек большого ума и сердца, способный понять и забыть ошибки и несправедливости, а ты, Градов, — вонючая гнида, какую только и мог измыслить равновеликий Аксенов в своей Гваделупе. Потому Рокоссовский через десять дней после освобождения заявил: «В ВКП(б) вступил в марте 1919 года. Партийным взысканиям не подвергался. Ни в каких антипартийных группировках не состоял и никогда от генеральной линии партии не отклонялся. Был стойким членом партии, твердо верящим в правильность решений ЦК, возглавляемого вождем тов. Сталиным» (ВИЖ №12'90.С.87). А ведь гнида тоже состоял в партии, но об этом ни в той, ни в другой «Саге» — ни слова.

Вывод из всего этого таков. Создав в романе атмосферу вражды и ненависти к советскому социалистическому строю, выведя обширную вереницу персонажей, не только ненавидящих власть, но и готовых к заговорам против нее, к террору против руководства, начиная со Сталина, мечтающих о восстании и даже составляющих конкретные планы контрреволюционного переворота в стране и убийства ее лидеров, — писатель-демократ Аксенов тем самым в меру своих сил подтверждает наличие тогда в стране заговорщиков и антигосударственных заговоров, доказывает правоту Прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского, Председателя Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульриха, заместителя председателя Военной коллегии Б.И. Иевлева и всех других, кто сурово осудил врагов народа. Другого выхода у них не было. Ждать, когда за-

говорщики начнут выполнять свои планы — убивать руководителей и поднимать людей на восстание, было преступно.

В частности, тех кто сомневался, Аксенов убедил, что Тухачевский сразу после ареста писал сущую правду :

«Будучи арестован (в Куйбышеве) 22 с. мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 26-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его.

Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, ни одного факта и документа.

Основание заговора относится к 1932-му году. Участие в нем принимали: Фельдман, Алафузо, Примаков, Путна и др., о чем я подробно покажу дополнительно.

Тухачевский.

26.5.37».

(ВИЖ № 8' 9. С. 44. Фотокопия автографа).

Да, так написал маршал на второй день пребывания на Лубянке после первой же очной ставки с Примаковым, Путной и Фельдманом, который, кстати, и его превзошел: дал признательные показания в первый же день ареста. А потом Тухачевский еще и написал 143 страницы о предательских планах заговорщиков в случае войны с Германией. В перечне имен заговорщиков при определенных обстоятельствах он мог бы назвать и Градова, и Вуйновича, и Аксенова.

Короче говоря, да, этот писатель своими посильными художественными средствами доказал закономерность и справедливость репрессий тридцатых годов: если советская власть не уничтожила бы заговорщиков, то они уничтожили бы и власть и ее руководителей.

Как известно, были заговоры, были покушения против Цезаря и Наполеона, против Павла Первого и Александра Второго, против Ленина и Гитлера... И какие! С кровопролитием, а то и со смертельным исходом. Почему же не могли быть заговоры и покушения на Сталина, который, пожалуй, круче всех наших вождей «Россию поднял на дыбы»?

Но ни один заговор, ни одно покушение на Сталина не удались. Горько сожалея об этом и досадуя, Аксенов, чтобы хоть отвести свою гваделупскую душу, все-таки измыслил одно покушение, будто бы имевшее место 7 ноября 1927 года во время празднования Десятой годовщины Октябрьской революции. В этот день в Москве состоялось выступление оппозиции во главе с Троцким, который к тому времени уже не был ни членом Политбюро, ни председателем РВС, ни наркомвоенмором, ни даже рядовым членом ЦК, а оставался лишь начальником Главэлектро, т.е. был Чубайсом того времени. Вновь подтверждая справедливость репрессий, Аксенов вложил в уста своему Троцкому-Чубайсу жестокие слова отчаяния и сожаления: «Надо было обращаться не к студентам, а к пулеметчикам!»

Москвичи забросали оппозиционеров тухлыми яйцами. Выступление позорно провалилось. Но Аксенов изображает, будто три агента Троцкого ворвались в комнату отдыха за трибуной Мавзолея и напали на Сталина. Жив он остался только потому, что троцкист-террорист был еще и великий гуманист: он не решился выстрелить, опасаясь задеть пулей кого-то из посторонних. А самому Троцкому лишь «отсутствие чувства юмора помешало использовать свой единственный шанс», т.е. свергнуть Сталина и стать во главе России.

Смысл этого придуманного эпизода все тот же: подтвердить справедливость репрессий и засвидетельствовать свое почтение товарищу Вышинскому. Браво, Вася! — сказал бы Андрей Януарьевич.

* * *

Вот мы и добрались до еврейского мотива. В обоих «Сагах» он имеет множество сторон, граней, оттенков. Мы отчасти уже касались его, когда писали о том, что в обоих шедеврах обстоятельно изображено, как в Белоруссии немцы руками русских пленных расстреливают евреев, но — ни слова об уничтожении в республике миллионов — каждого четвертого белоруса.

На страницах романа Аксенова евреев много. Ну, очень много. Тут и реальные лица, например, писатели: Осип Мандельштам («Это же гений, гений!.. Его не понимают только ослы»), поэт-пароль Пастернак, стихи которого не знать наизусть для интеллигентного человека позорно, Илья Эренбург («могучее перо»), Борис Слуцкий, стихи которого очень хороши для эпитафий и заглавий книг, здесь даже Любка Фогельман, моя соседка по дому, прославленная когда-то Смеляковым. Еще тут Масс и Червинский, Дыховичный и Слободской, а также «маркиши, феферы, квитко»... Это дополняется цитатами из того же Мандельштама: «Я пью за военные астры»... «Мы живем, под собою не чуя страны»... Из того же Пастернака: «Какое, милые, у вас тысячелетие на дворе»... «Не спи, не спи, художник»... Из Багрицкого: «Нас водила молодость в сабельный поход...» и т.д.

Тут и музыканты: «звезда первой величины вдохновенный Эмиль Гилельс, «звезда первой величины вдохновенный» Давид Ойстрах, Никита Богословский и Фогельсон, «феерический советский еврей» Саша Цфасман и уж никак не менее феерический американский еврей Бенни Гудман... А сколько еще среди персонажей! Академик Рогальский, композитор Полкер, художник Певзнер, военврач Берг, еще военврач Гуревич, третий военврач Тышлер, парикмахер Лазик, портной Наум, старуха Каппельбаум, разумеется, есть и Шапиро, и Рабинович, а еще эстонский еврей Гриша Гольди, и даже импортный румынский еврей Илюша Вернер...

Что ж, прекрасно! Как на телевидении. При этом дается понять, что евреи самый несчастный, самый горемычный в мире народ, перечень его страданий бесконечен, и потому он больше всех заслуживает сочувствия, сострадания, восхищения.

Рассуждать об этом можно долго. Лучше предоставим слово Борису Слуцкому, любимому поэту Аксенова. К третьему тому своей эпопеи он поставил эпитафию из его стихов, а потом — разъяснение к нему на две страницы. Мы тоже приведем строки этого поэта с пояснениями совсем небольшими.

Получается, стало быть, вот как:
Слишком часто мелькаете в сводках
Новостей...

Ну, разумеется, не только новостей. А что значит «слишком часто»? Это, например 23 серии подряд в течение двух месяцев да еще разухабистая реклама до и во время показа фильма.

...Слишком долгих рыданий
Алчут перечни ваших страданий...

Каких «страданий»? Например, тех самых, что размалеваны в романе и в фильме. Кто составляет их «перечни»? Например, как мы видели, Аксенов и Барщевский, Сванидзе и Млечин. А чьих «рыданий» они ожидают? Всего человечества. А в частности, например, Матвиенко, и она рыдает.

Надоели эмоции нации
Вашей,
Как и ее махинации...

Что за нация? Разумеется, гваделупская. А какие «махинации»? Об этом сказано выше очень много.

И обрыдли все ваши сенсации
Средствам массовой информации.

Что за «сенсации»? Да хотя бы вот эти самые две «Саги», поданные как шедевры.

Так сказал покойный Слуцкий. Его с горечью и болью дополнила здравствующая Юнна Мориц:

Как мало в России евреев осталось,
Как много жидов развелось...

Как-то Аксенов возмущался по телевидению похабной песенкой «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже». Но Боже милостивый, какие сексуальные загогулины вытворяет сам со своими персонажами именно везде: на свободе и в заключении, на фронте и в тылу, в московской маршальской квартире и в деревенском чулане, на сеновале и на снегу, в библиотеке и в шкафу, даже в лесу на свежем пеньке... И притом — со всеми персонажами: с маршалом и домработницей, с полковником и женой маршала, с офицерами и солдатами, с поэтессой и художником, с теннисистами и мотоциклистами, с марксистами и троцкистами...

Романист вроде бы осуждает «похотливые фантазии» своего персонажа Маслюкова, полковника, и «мотивы ненасытной похоти» самого Берии, маршала, но сам-то изобретает уж такие «фантазии», что и полковник и маршал не годятся ему в подметки. Каждая половая связь или помыслы о ней носят в романе не обычный житейский характер, а изощренно-редкостный. И каждая сцена описана дотошно, обстоятельно, все названо бесстыдными словами безо всяких умолчаний, — так и видится при этом пускающий слюну похотливый старичок вроде Федора Павловича Карамазова, мечтающего о Грушеньке.

Начать хоть с самого как бы невинного — с мечтательно-го, виртуального блуда, т.е. не сбывшегося или, как сказано в Писании, с блуда «в сердце своем». В семье Градовых лет сорок служит домработница Агаша, смирное, преданное деревенское существо. И вот оказывается какие страсти одолевали ее: «Тихонький скрип в ночи, и Борюшка (т.е. хозяин-то, профессор) входит, ласкает, и милует, и мучает немножко, и мы все трое еще больше друг друга любим — и Борюшка, и Мэрюшка (его жена), и Агашенька... Несметное количества раз грешила в мечтах!»

Трудно, конечно, поверить, чтобы простая деревенская женщина всю жизнь мечтала о «любви втроем», как было, допустим, у изощренных интеллигентов Зинаиды Гиппиус, Мережковского и Философова, но Аксенову хочется этого, и ему нравится именно такая Агаша. Почему? Не автобиографический ли здесь момент? Или писатель уверен, что это он показывает глубину и сложность человеческой натуры, в частности, простой русской женщины?

А вот марксистка Циля. Они с Кириллом Градовым занимались в деревне политпросвещением. Когда кончили дело, она вдруг говорит: «Градов, а как ты насчет небольшой половушки?» — «Что ты имеешь в виду, Розенблюм?» — «Ну, просто легкое физиологическое удовлетворение. Давай, Градов! Вон сарай на холме. Отличное место для этого дела!» И они вошли в сарай: «Циля быстро нашла более или менее сухой угол, бросила туда охапку более или менее сухого сена...» Подробности, как и во всех других эпизодах страсти, я опускаю, они омерзительны. И представьте себе, после этой «половушки» в углу сарая, похожей на изнасилование, Кирилл женился на своей насильнице! Вот какие извивы человеческой души на сей раз и русской, и еврейской знает писатель Аксенов!

Дальше: «Приехала Оксана и прямо с порога начала снимать юбку». Кто такая? Мать троих детей, жена сотрудника Минтяжпрома. Куда приехала? К любовнику-шекспироведу, с которым спуталась, будучи еще его студенткой.

Одна дама хочет поразить своего партнера и, раздеваясь в ванной, решает: «Я войду к нему совершенно голой». И входит. Другая предается страсти на тахте «прямо в шубке и в туфлях». Третья, ей восемнадцать лет, думает о незнакомом приглянувшемся парне: «Пусть он и переведет меня из разряда девушек в разряд женщин». Ну, перевел... И так далее.

Очень интересуют Аксенова кровосмесительные связи. О том, как Борис Градов-младший упивался разнообразием «любимых поз» со своей молодой мачехой Тасей, мы уже говорили. А его сестра думает о нем самом: «Жаль, что он мне

брат, вышла бы за него замуж». С другой стороны, Борис однажды «почувствовал нечто совершенно неподобающее племяннику по отношению к сорокадвухлетней тете Нине». А Нина в свою очередь тщетно взывала к двоюродному брату Нугзару: «Назойливый мальчишка! Ты забыл, что мы близкие родственники?!» Это ей не помогло. У них это просто. Уж так обожает Аксенов создавать подобные ситуации и копаться в них. Цимес мит компот!.. Возможно, и тут не обошлось без автобиографического мотива.

А еще сладко ему рисовать картины такого рода: «Прибыв вчера ночью, Тышлер застал свою мать Дору с любовником». Кто-то из троих был смущен? Отнюдь! Сынок восклицает: «Гениально, неувядаемая Дора!» И Борис-младший «однажды вернулся домой в неурочный час и остолбенел от стонов. В кабинете покойного отца на диване лицом в подушку лежала мать. За ней на коленях в расстегнутом кителе <...> Шевчук махнул рукой: вали отсюда, не мешай матери получать удовольствие» и т.д.

А вот помянутая Нина Градова, поэтесса, возвышенная душа. Она витает главным образом в литературной сфере. Однажды «ловила на себе не ахти какие сдержанные взгляды знаменитого литератора». Кого? Оказывается, Михаила Булгакова. Другой раз в Тифлисе на пирушке ее кумир поэт Мандельштам сказал: «Нина, я просто ошеломлен...» И что? «К концу ночи они оказались наедине в центре города... «Нина, за что такой подарок судьбы?»... Он попытался приблизить ее к себе, но в этот момент раздался хриплый голос: «Давай, давай, целуй его, моя паршивая жена! Напишешь в биографии, что спала с Мандельштамом. Я разрешаю». Это Степа Калистратов, ее муж, гомосексуалист.

После Степы, а до него — Семь, мужем Нины стал Савва. Но это не имеет никакого значения. Вот около нее возник еще один персонаж: «Поэт и мировой журналист. Все было ясно с первого же момента. Они встретились несколько раз на квартире его друга. Она, как когда-то с другими поэтами, а

иногда и с мерзавцами, сама расстегнула ему рубашку...» Кто ж это был на сей раз? Илья Григорьевич Эренбург, вице-президент Всемирного Совета мира, лауреат двух Сталинских и Ленинской премий. А еще «голубые глаза генерального секретаря Союза писателей не раз останавливались на поэтессе Градовой с откровенным мужским интересом»...

И теперь вообразите: Булгаков, Мандельштам, Эренбург, Фадеев, не говоря уж о ворохе мужей... Какие восторги, какой полет. Но муж Савва на фронте, и вдруг случайная встреча с художником Певзнером. И она спрашивает: «У тебя тут есть что-нибудь?» — «Что?» — со страхом спросил шестнадцать лет влюбленный в нее Певзнер. «Комнатенка, сарай, шкаф, где мы можем уединиться?» Шкаф у влюбленного нашелся.

* * *

Вы думаете, что эта Нина самая-самая «прости господи» в романе? Ничего подобного! Есть еще Вероника, жена маршала Градова, а потом — американского полковника.

«Всякий раз, когда полковник Вуйнович видел жену своего друга Градова, он делал усилие, чтобы избавиться от мгновенных и сильных эротических импульсов». Что ж, бывают такие неуправляемые импульсы. Но вот что примечательно для этого персонажа, который аттестуется тоже как аристократ «с рыцарским кодексом чести», как белая кость, голубая кровь. Во-первых, явившись в дом Градовых, он сообщил возлюбленной, что женился, у него трое детей, а жена его — «дикое животное». Во-вторых, еще раз объяснился в любви. Но главное, хоть сей момент «он готов был сделать с Вероникой то же самое, что однажды (во время Гражданской войны) сделал с одной барынькой в захваченном эшелоне белых, т.е. повернуть ей спиной к себе, толкнуть, согнуть, задрать все вверх. Именно эта конфигурация вспыхивала перед ним всякий раз, когда он видел Веронику». Кто в этом виноват? Он убежден: Гражданская война.

А жена друга? Ей тоже «всегда при встречах с ним казалось, что вот еще миг — и закружится эротическая буря». Так все на грани было и сейчас, но — «послышался стук в дверях, явился благоверный, комкор Градов».

А до этого на одном большом приеме Веронике невольно, однако закономерно приходит мысль, что все, вероятно, смотрят на ней и думают, «сколько человек из присутствующих» поимели ее.

Патологический блуд во всех его видах и формах — грязный, смрадный, сарайно-чуланно-рогожный, трипперно-сифилитический — насквозь пронизывает всю трилогию. Чего стоит хотя бы один персонаж, который переживает сексуальное блаженство во время избиения на допросе дряхлой старухи...

Но вершина всего — «секс антисоветский на пне». Вот его фрагменты.

Вероника и американский полковник в лесу. «Ну, что же, целуйте! — сказала она. Расстегнула свою жакетку и блузку. — Идите сюда. Вон туда. Разве не видите?» Он увидел свежеспиленный пенёк. «Где ваши пуговицы?» Они пристроились на пне.

Она стонала, то откидывая голову назад, то кладя ее ему на плечо. «Гады, мерзавцы, вот вам, вот вам! — бормотала она. — Ненавижу, ненавижу...» Так она беспощадно и страстно мстила проклятой советской власти, родине перед тем, как укатить с полковником в Америку...

И закрадывается мысль: а не спятил ли автор на сексуальной почве по причине существенного личного недобора в погоне за литературными лаврами? Думается, возможно.

* * *

Я уже писал, что перед каждой серией «Саги» шли титры: «Правительство Российской Федерации», «Правительство Москвы» и еще названия каких-то высоких инстанций. Я обратился в российское правительство и к Ю. Лужкову с просьбой объяснить, что это означает. Из первой инстанции ответ не получил, а из лужковского ведомства пришло письмо.

Вот оно:

«Правительство Москвы
Комитет по телекоммуникациям и
средствам массовой информации г. Москвы.
06.12.2004 № 9-76-424/4

Уважаемый Владимир Сергеевич!

В связи с Вашим обращением к Мэру Москвы Ю.М. Лужкову относительно размещения в телесериале «Московская сага» титра «Правительство Москвы» сообщаем, что указанный телесериал произведен по заказу Правительства Москвы в рамках Городской целевой программы создания отечественных телефильмов.

Начальник управления *В.А. Трусов*».

Так что эта гваделупская крысятинка — прямой заказ (надо полагать, целиком и оплаченный из наших с вами средств) Лужкова и российского правительств.

Видимо, исполнители рассчитывали еще и большую премию получить. Еще бы! Ведь такие высокие заказчики. Но фильм получил такой яростный отпор в прессе самого широкого диапазона от «Правды», «Советской России», «Завтра» до «Известий» и «Новой газеты», что никто не посмел и заикнуться о премии для этого фильма, о котором было сказано, что он «состряпан для быдла руками быдла». Такой оказалась учесть и фильмов «Штрафбат», «Дети Арбата», «Диверсант», «Солдаты». А вспомните, как М. Швыдкой превозносил хотя бы «Штрафбат»: «Новое слово! Рейтинговый лидер!» и т.д.

Когда господ Лужкова и Путина призовут к ответу за то, что они испохабили столицу страны, превратив ее в подобие Чикаго, а всю страну — в подобие банановой республики, то им припомнят и народные денежки, пущенные на заразную крысятину.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто кого ассимилировал?	5
Страшнее немецкой оккупации	20
Поздние страсти вокруг тель-авидения	26
О национальной кротости великороссов	32
Мы спасли их от Холокоста	81
Антисемиты	104
Всех загоняют в одну нацию	129
Солженицын и Дейч	142
Иуда и простак	157
Жулик Радзинский	168
Титаник мысли Млечин	175
Гваделупская нация	187

Массово-политическое издание

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

Владимир Бушин

ИУДЫ И ПРОСТАКИ

Редактор *О. Селин*

Художник *Б. Протопопов*

Художественный редактор *Е. Анисина*

Компьютерная верстка *А. Кувшинников*

Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-08-25

Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 10.08.2009.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 4931010.

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Очередная книга В. Бушина, написанная с присущей автору блестящей иронией, посвящена творческой «элите» России при президентах Ельцине и Путине. Причем, по мнению автора, во многом эта «элита» состоит из людей, занимающих четко выраженные русофобские позиции (В. Бушин называет их «иудами»).

Заняв господствующие позиции на телевидении и в других средствах массовой информации, «иуды» манипулируют простаками, которые принимают на веру их лживые измышления.

В книге В. Бушин приводит конкретные примеры клеветы на русское и советское прошлое нашей страны, называя при этом всем знакомые имена Л. Млечина, А. Минкина, Э. Радзинского и других «властителей дум» современной России.

ISBN 978-5-9265-0678-2

9 785926 506782 >